

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Многодетная семья
в современном российском обществе:
демографический аспект

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Политика интеграции
в отношении зарубежных мигрантов:
институциональные аспекты

Т. 18, № 3
2024

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2024

Т. 18, № 3

MANAGEMENT ISSUES

2024, vol. 18, no. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробогатый Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

В соответствии с письмом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2023 № 3-ПА/1, журналу «Вопросы управления» присвоена категория К1.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС Лань;
- в библиотеке ЛитРес.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: Economic theory, Regional and sectoral economy, Finance, Management (Economic Sciences); Social structure, social institutions and processes, Sociology of management (Sociological Sciences); Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

**Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.,
Васильева Е. Н.**

Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект **9**

**Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V.,
Vasileva E. N.**

Large family in the modern Russian society: Demographic aspect

Зимовина Е. П., Храмова М. Н.

Семья и дети в системе ценностей студенческой молодежи **24**

Zimovina E. P., Khramova M. N.

Family and children in the system of the student's values

Иванова А. Е., Вангородская С. А.

Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия **38**

Ivanova A. E., Vangorodskaya S. A.

Active longevity: concept definition, key determinants and contradictions

**Вавилова А. С., Масалова Ю. А.,
Петухова С. В.**

Развитие демографического потенциала сельских территорий в целях обеспечения их социально-экономического развития (на примере Новосибирской области) **52**

**Vavilova A. S., Masalova Yu. A.,
Petukhova S. V.**

Improving demographic potential of rural territories for ensuring their socio-economic development (exemplified by the Novosibirsk region)

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

Осадчая Г. И., Леденева В. Ю., Юдина Т. Н.
Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты **69**

Osadchaya G. I., Ledeneva V. Yu., Yudina T. N.
Integration policy regarding foreign migrants: Institutional aspects

Макеева С. Б.

Особенности китайской региональной демографической политики на северо-востоке КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) **81**

Makeeva S. B.

Specifics of the Chinese regional demographic policy in the northeast of China (using the example of Heilongjiang province)

ОТ РЕДАКЦИИ

Вашему вниманию предлагается третий в 2024 году номер журнала «Вопросы управления», посвященный вопросам демографического развития и приуроченный к V Всероссийскому демографическому форуму с международным участием (23–28 сентября 2024 г., г. Сочи, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Площадка Форума, традиционно организованного по инициативе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (далее – ИДИ ФНИСЦ), объединяет российских и зарубежных ученых, представителей органов государственной власти и гражданского общества, для обсуждения приоритетных национальных интересов страны, связанных с обеспечением демографической безопасности государства. Ключевые направления Форума: освещение демографической ситуации на национальном и международном уровнях в 2023 году; выработка новых подходов к реализации демографической политики, направленной на повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности, здоровому долголетию, регулированию рынка труда и миграционных процессов.

В Год семьи в Российской Федерации в тематическом номере особое внимание уделяется исследованиям в области социологии семьи и рождаемости. Вопросы, связанные с поддержкой благополучной многодетной российской семьи, особенно значимы в свете глобальных вызовов и внутренних угроз, приводящих к депопуляции россиян. *«Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии, поддержка семей с детьми – наш фундаментальный нравственный выбор»* (В. В. Путин, Послание Президента РФ ФС РФ, 29 февраля 2024 г.).

Согласно Указу Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», удалось не только упорядочить понятие статуса многодетной семьи как семьи, имеющей трех и более детей, но и начать процесс разработки единых критериев для данной категории на национальном уровне.

В этой связи актуальной является статья Т. К. Ростовской, О. В. Кучмаевой, Е. Н. Васильевой «Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект». Авторский коллектив отмечает тенденции увели-

чения доли многодетных семей под влиянием мер демографической политики, а также необходимость реализации целевых мер поддержки института многодетной семьи, которая, по мнению авторов, должна соотноситься с идеальной моделью «благополучная семья». Модель благополучной семьи была разработана под руководством Т. К. Ростовской в 2007 году, в соответствии с утвержденной Концепцией государственной поддержки молодой семьи в России¹. Благополучие является идеальной моделью и интегративным показателем уровня и качества жизни российских семей, доступности здравоохранения, социально-экономического развития регионов и эффективности семейно-демографической политики, реализующей меры на национальном, региональном и местном уровнях.

Продолжает тему в области социологии семьи и рождаемости статья Е. П. Зимовиной, М. Е. Храмовой «*Семья и дети в системе ценностей студенческой молодежи*», выполненная в русле концепции демографического благополучия. Интересен региональный аспект рассматриваемой проблемы, который позволил выявить наиболее значимые ценности среди студентов Калининградской области. Авторы отмечают, что приоритетное положение в системе ценностей занимают семья, дружба, деньги, любовь, свобода и здоровье. Результаты опроса показали, что идеальной моделью для молодежи является финансово обеспеченная, полная семья с детьми. В то же время прослеживается не просто ориентация на малодетность, но и намерение откладывать деторождение на неопределенный срок по причинам отсутствия собственного жилья и материальных возможностей, необходимости получения образования и дальнейшей профессиональной состоятельности, а также стремления к гедонистическому образу жизни и психологической неготовности к родительству. Исследователи с тревогой обращают внимание и на такую категорию молодежи, которая заявляет о своем нежелании когда-либо иметь детей. Подводя итоги, авторы подчеркнули важность анализа демографических процессов на микроуровне, то есть с позиции человека, с учетом его ценностей и жизненных установок.

¹ О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи : Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rt-08052007-n-af-16306/>.

Статья А. Е. Ивановой и С. А. Вангородской «Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия», затрагивает проблему здорового долгожительства в контексте сбережения народа и обеспечения социальной, экономической и геополитической устойчивости современного общества. На основе концептуального осмысления феномена старения населения авторы выделили факторы макро-, мезо- и микроуровня, а также обозначили основные противоречия, демонстрирующие уязвимость концепции активного долголетия и требующие пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества. Предпринятый авторами анализ позволил сделать вывод о характеризующем современное общество переходе от восприятия пожилого возраста как времени дожития, связанного с угасанием физической и социальной активности, к рассмотрению его как продолжительного периода относительно здоровой и активной жизни людей, обладающих высоким потенциалом, который может быть использован для реализации как личных, так и общественно значимых целей. Такой подход открывает большие возможности как для самих пожилых людей, позволяя им выстраивать долгосрочные жизненные стратегии, так и для государства, заинтересованного в активном вовлечении населения старших возрастных групп во все сферы жизни общества.

Авторский коллектив в лице А. С. Вавиловой, Ю. А. Масаловой, С. В. Петуховой затронули важную тему, связанную с развитием демографического потенциала сельских территорий. В представленной статье «Развитие демографического потенциала сельских территорий в целях обеспечения их социально-экономического развития (на примере Новосибирской области)», авторы отмечают, что обеспечение устойчивого развития сельских территорий невозможно без решения демографических проблем на основе разработки региональной демографической политики, учитывающей интересы молодой сельской семьи, и реализации корпоративной демографической политики на уровне предприятий агропромышленного комплекса.

Тема, связанная с решением миграционных проблем в российском обществе представлена в статье Г. И. Осадчей, В. Ю. Леденевой, Т. Н. Юдиной «Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспек-

ты». Авторы отмечают, что отсутствие четких акторов, занимающихся политикой интеграции в отношении зарубежных мигрантов, ведут к возникновению этнических анклавов, обособлению мигрантов и другим негативным явлениям, формирующим отрицательное отношение к мигрантам со стороны местного населения. Обращается внимание на необходимость разработки в России политики интеграции, как составляющей части миграционной политики, нацеленной на инкорпорирование иммигрантов в основные институты общества.

В номере представлена также статья, связанная с развитием демографических процессов на международном уровне на примере Китайской Народной Республики. Статья С. Б. Макеевой «Особенности китайской региональной демографической политики на северо-востоке КНР (на примере провинции Хэйлуцзян)» обращает внимание на негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности населения, старением китайского общества, снижением рождаемости в приграничных с Россией северо-восточных территориях Китая; автором выявлены основные направления современной демографической политики китайского правительства по отношению к провинции Хэйлуцзян, где за последние годы наблюдается отток населения в восточные и юго-восточные провинции в поисках лучших условий жизни.

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за представленные статьи, от лица авторов – выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией, и уверенность в том, что журнал продолжит публикацию интересных и важных для науки и общества материалов научных исследований в области демографического развития.

С уважением,
зав. лабораторией ИДИ ФНИСЦ РАН,
председатель Научного совета
«Демографические и миграционные
проблемы России» при ООН РАН,
чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор
Сергей Васильевич Рязанцев,
заместитель директора по научной работе
ИДИ ФНИСЦ РАН, руководитель
Координационного центра развития
кадрового потенциала в области демографии,
д-р социол. наук, профессор
Тамара Керимовна Ростовская

Памяти выдающегося ученого Леонида Леонидовича РЫБАКОВСКОГО

(21.04.1931 – 10.06.2024)

В год празднования 300-летия Российской академии наук представляется, что V Всероссийский демографический форум с международным участием, традиционно организованный Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), должен быть посвящен памяти великого человека и ученого – **Леонида Леонидовича Рыбаковского**. Ведь в той или иной степени те предложения, теоретические послы, принципы, которые были отражены на страницах его работ, всегда имеют фактически непреходящую и теоретическую, и практическую значимость в решении демографических проблем.

Каждый человек неповторим. Но очень мало тех, чья неповторимость влияет положительно на все его окружение, помогая каждому осознать и – главное – развить свою индивидуальность, в том числе в науке о демографии... А таков был смысл научной жизни Леонида Леонидовича – нашего непревзойденного наставника. И все мы –

его ученики безмерно скорбим по его уходу. Ни один ученый в области демографических знаний не может не опираться и не использовать предложенные и разработанные Леонидом Леонидовичем Рыбаковским методы изучения миграции населения. Не может оставаться в стороне от обсуждения предложенной им методологии рассмотрения миграции населения как трехстадийного процесса. Не может не признать, как на базе организации и проведения социологических опросов, Леонид Леонидович Рыбаковский, фактически, первым ввел социологические знания в качестве важнейшей составляющей части демографических исследований в области миграции населения.

В области изучения народонаселения можно найти работы Леонида Леонидовича Рыбаковского, посвященные всем, без исключения, основным аспектам. Огромна его роль в совершенствовании понятийного аппарата. Он говорил, что о терминах не спорят, о них договариваются. В частности в 2023 г. он с актуальностью отмечал: «Увеличение численности населения любого, в т. ч. и российского государства, возможно также и в результате присоединения к нему других государств и заселённых территорий. Однако этот процесс имеет уже не демографический, а скорее геополитический характер. Переселение живущего в данной стране населения из одних районов в другие, как и прибытие (вселение) населения из других стран считается демографическим явлением. Оно носит название “миграционное движение”, которое еще в недалеком прошлом называли также механическим. По нашему мнению, этим термином целесообразно называть процессы, характеризующие рост численности населения вследствие вхождения в данное государство

(в нашем случае – Российского) других стран или их частей. При таком понимании этого термина динамика населения любого государства будет зависеть от трёх составляющих: воспроизводства, миграции и механического движения».²

Будучи организатором и руководителем Отдела социальной демографии с 1982 г., неизменные коллеги А. А. Рыбаковского, еще с 1972 г., составили «научный костяк» Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, образованного в 2020 г., который возглавил любимый ученик – д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН Сергей Васильевич Рязанцев.

Творческая деятельность А. А. Рыбаковского отмечена рядом государственных наград, ведомственных медалей и грамот. Среди них: Медаль «За доблестный труд», Медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, Орден Дружбы, а также золотая медаль МГУ им. М. В. Ломоносова за выдающийся вклад в демографическую науку, серебряная медаль им. П. Сорокина за развитие социологической науки, серебряная медаль ВДНХ за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР,

² Рыбаковский А. А. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337.

медаль «Ветеран труда», нагрудный знак «Отличник социально-трудовой сферы», медаль «За заслуги в развитии Дальнего Востока», Почётный орден ЦК КПРФ «100 лет Ленинскому комсомолу», медаль Федеральной миграционной службы «За заслуги».

Выдающийся ученый, экономист и демограф Леонид Леонидович Рыбаковский, оставил будущим поколениям богатое научное наследие (в 2024 году за четыре месяца им были сданы две новые статьи, а статистика для третьей обсуждалась с соавтором – дочерью любимой ученицы и коллеги по работе буквально с первых дней работы в Москве с августа 1972 года Леонида Леонидовича – Наталии Ивановны Кожевниковой).

10 июня 2024 года не стало нашего учителя и наставника, доктора экономических наук, профессора, главного научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН. Мы всегда будем бесконечно преданы Вашей памяти, Вашему делу, как ученому и гражданину России, награжденному в 2022 г. Президентом РФ медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, и помнить Вас живым!

Коллектив ИДИ ФНИСЦ РАН

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. К. Ростовская^а, О. В. Кучмаева^а, Е. Н. Васильева^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В рамках научных дискуссий о реализации второго демографического перехода исследуются специфические черты изменения структуры семей в разных странах, в разных социальных группах. В современной России необходимо осуществлять постоянный мониторинг демографической ситуации. Представляют научный интерес ответы на вопросы: как изменилась структура семей в России; какая мотивация является основой воспроизводства структуры многодетности в разные периоды демографических переходов? В статье представлен анализ эмпирических данных, позволяющий выявить тенденции трансформации структуры российской семьи; охарактеризовать мотивы репродуктивного поведения в многодетных семьях, определить, какие условия и ресурсы необходимы в многодетных семьях для формирования или поддержания благополучия.

Материалы и методы. Информационной базой выступили данные всероссийских переписей населения за 2002, 2010 и 2020 годы; результаты авторского исследования – глубинное интервью с родителями из многодетной семьи в ходе Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России», 2021 год.

Результаты. Выявлены изменения в структуре российских семей в сторону увеличения доли многодетных семей под влиянием мер демографической политики, закрепление данной тенденции требует реализации целевых мер поддержки института многодетной семьи, которая, по мнению авторов, должна соотноситься с идеальной моделью «благополучная семья».

Обсуждение. Важным представляется развитие стратегии демографической политики с учетом тенденций изменения структуры российских семей. Анализ интервью с многодетными семьями позволил сформулировать основные направления помощи многодетным семьям, а также систематизировать социальные практики членов многодетных семей, направленные на сохранение и развитие благополучия семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многодетная семья, рождаемость, семейная политика, структура семей, социологическое исследование семьи

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 9-23. EDN JZPLJE. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

© Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

логического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заместитель директора по научной работе*; rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN-код: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Кучмаева Оксана Викторовна – доктор экономических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; kuchmaeva@yandex.ru. SPIN-код: 1948-0872, ORCID: 0000-0003-0386-857X, ScopusID: 35183367300, ResearcherID: L-9513-2015.

Васильева Екатерина Николаевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; vasilevaen@volsu.ru. SPIN-код: 8682-4325, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 14.03.2024; принята к публикации 24.04.2024.

LARGE FAMILY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY: DEMOGRAPHIC ASPECT

T. K. Rostovskaya^a, O. V. Kuchmaeva^a, E. N. Vasileva^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Scientific discussions on the implementation of the second demographic transition have not been completed, it is possible to identify specific features of changes in the structure of families in different countries or different social groups (for example, religious ones), but it is premature to talk about the universality of this process. In modern Russia, the social structure of families and households has changed, however, in order to capture the essence of the changes and identify the factors that have had an impact; it is necessary to constantly monitor the situation. The answers to the following questions are of scientific interest: how the structure of families in Russia has changed; what motivation is the basis for reproducing the structure of large families in different periods of demographic transition? The article presents an analysis of empirical data that allows us to identify trends in the transformation of the structure of the Russian family; to characterize the motives of reproductive behavior in large families, to determine what conditions and resources are required in large families to form or maintain well-being.

Materials and methods. The information base was the data of the All-Russian population censuses for 2002, 2010 and 2020; the results of the author's research were an in-depth interview with parents from a large family in the course of the All-Russian sociological study 'Demographic well-being of the regions of Russia', 2021.

Results. The changes in the structure of Russian families towards the increasing share of large families under the influence of demographic policy measures have been revealed, the consolidation of this trend requires the implementation of targeted measures to support the institution of a large family, which, in the authors' opinion, should correspond to the ideal model of a 'prosperous family'.

Discussion. It is important to develop a demographic policy strategy taking into account trends in the structure of Russian families. The analysis of interviews with large families provided for the formulation of the main directions of assistance to large families, as well as to systematize social practices of members of large families aimed at preserving and developing the family well-being.

KEYWORDS: large family, fertility, family policy, family structure, sociological study of the family

FOR CITATION: Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Vasileva, E. N. (2024). Large family in the modern Russian society: demographic aspect. *Management Issues*, 18(3), 9–23. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-9-23>

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *deputy director for research*; rostovskaya.tamara@mail.ru. RSCI SPIN: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Oksana V. Kuchmaeva – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; kuchmaeva@yandex.ru. RSCI SPIN: 1948-0872, ORCID: 0000-0003-0386-857X, ScopusID: 35183367300, ResearcherID: L-9513-2015.

Ekaterina N. Vasileva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; vasilevaen@volsu.ru. RSCI SPIN: 8682-4325, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 03/14/2024; accepted for publication 04/24/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

На протяжении долгого времени единственным правовым актом федерального уровня, определяющим направления и меры поддержки многодетных семей в России, выступал Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». На федеральном уровне отсутствовала единая трактовка понятия «многодетной семьи», что привело к значительным различиям в региональном законодательстве в данном контексте, в частности, в нем не содержалось однозначной трактовки понятия «многодетная семья». Лишь в Указе Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», принятом после длительной совместной работы государственных органов управления и общественных организаций, прежде всего объединяющих сами многодетные семьи, было закреплено определение многодетной семьи. Принятие данного документа выступает важным элементом социально-демографической политики. Установление статуса многодетной семьи бессрочно (независимо от возраста детей) повышает престиж многодетной семьи и обеспечивает социальные гарантии. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 фев-

раля 2024 года большое внимание было уделено роли многодетных семей в современной России: «Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии»; «среди многодетных семей, по оценкам, которые дают эксперты, уровень бедности составляет около 30 процентов... То есть мы должны сделать особый акцент на снижении бедности, прежде всего для многодетных семей»¹.

Таким образом, поддержка благополучия многодетных семей объявлена Президентом России как национальная цель. Следует подчеркнуть, что модель благополучной семьи была разработана в 2007 году в соответствии с утвержденной Концепцией государственной поддержки молодой семьи в России и включает параметры благополучия, выделенные научным коллективом под руководством профессора Т. К. Ростовской [1]. Совокупность параметров включает демографические, ценностные, социально-экономические и социально-психологические.

Для того, чтобы многодетные семьи соответствовали параметрам благополучия, необходима

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 10.03.2024)

комплексная социально-демографическая политика. Актуальность формирования и реализации комплексной социально-демографической политики высока, в связи с этим важно понять, в каких типах домохозяйства воспитываются дети, как зависит от региона проживания структура семьи, какие социально-демографические тенденции определяют нынешнюю ситуацию. Ответы на поставленные вопросы позволят принимать обоснованные управленческие решения.

Цель и задачи исследования – выявить основные тренды изменения структуры российских семей по числу детей; определить ресурсы, необходимые многодетным семьям для формирования благополучия.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационной базой для анализа ситуации и формирования выводов, положенных в основу статьи, выступили материалы всероссийских переписей населения 2002 г.², 2010 г.³ и 2020⁴ г., включая региональный разрез; результаты этапа 2021 года Всероссийского социологического исследования, проведенного авторами глубинного интервью с родителями из многодетных семей – в ходе проекта РНФ № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» ($n = 22$, интервью проводились в 10 регионах страны: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область, Ставропольский край). Выборка целенаправленная, семьи отбирались по следующим критериям, включенным в автор-

² Всероссийская перепись 2002 г. Том 6. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Частные домохозяйства, домохозяйства бездомных и группировка их по размеру по субъектам Российской Федерации», «Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет» <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 09.10.2023).

³ Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 6. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет» https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.10.2023).

⁴ Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozajstv (дата обращения: 09.10.2023).

ское понятие благополучия: зарегистрированный брак, число детей, уровень доходов семьи, соответствующий модальным значениям по региону проживания, благоприятный социально-психологический климат внутрисемейной коммуникации.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Демографическая структура семьи, понимаемая как сочетание признаков числа и характера родства членов семьи, их пола, возраста и брачного состояния, формируется «...под воздействием таких демографических событий, как рождение и смерть членов семьи, браки и разводы, присоединение и выделение из семьи отдельных ее членов или самостоятельных семей»⁵. Структура семьи выступает значимым индикатором результатов ее трансформации.

Изменения современной структуры семьи (переход от многопоколенной семьи к нуклеарной, распространение брачных сожительств, переход к малодетной семье и т. д.) объясняются с конца XX века теорией второго демографического перехода⁶. Проводятся обширные экспертные оценки движущих сил и последствий демографических изменений в современном мире [2]. В то же время теория второго демографического перехода не является универсальной моделью объяснения современных процессов изменения структуры семей, об этом говорит в своих работах М. И. Антонов [3], а И. И. Елисеева, М. А. Клупт выделяют западноевропейскую и восточноазиатскую модели трансформации семьи [4]. Распространение одних типов изменений структуры семьи (малодетные семьи, например) соответствует положениям теории второго демографического перехода, тогда как другие изменения тормозятся, что способствует сохранению традиционных семейных ценностей. Структура семей, как и структура рождений по очередности, значительно различается по странам мира [5], являясь результатом воздействия экономических, социальных, демографических и культурологических факторов.

Исследования говорят о том, что семья является одним из старейших социальных институтов, в семье реализуются функции, выполнение

⁵ Герасимова И. А. Структура семьи. М. : Изд-во Статистика, 1976. 167 с.

⁶ Van de Kaa, D. J. (1987). Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 42(1), 1–59. PMID: 12268395. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12268395>

которых другие институты обеспечить не могут [6], прежде всего – репродуктивная и социализационная. Вместе с тем ряд исследователей не считают сожителем эквивалентом зарегистрированному браку. В частности, для них характерна большая доля бездетных союзов, что свидетельствует о невыполнении важнейшей функции семей, основанной на незарегистрированном браке, – репродуктивной [7].

Многодетные семьи в большей степени подвержены риску бедности [8]. Однако, наряду с этим, структура семьи серьезно влияет на благополучие детей [9, 10], например, в многопоколенной семье у родителей есть дополнительные ресурсы для облегчения заботы о детях [11], что определяет тенденции многодетности и многопоколенности [6], позволяет выделить параметры благополучия семей [1].

Дж. М. Уайт и Д.М. Кляйн выделили следующие критерии, которые позволяют понять специфику и историчность семьи как социального института, а также значимость семьи для отдельного человека⁷: родители (а также братья или сестры) играют значительную роль в жизни человека на протяжении всего периода взросления и не только; семьи состоят из поколений, между которыми существует тесная связь – дети, родители и прапрадеды; внутренние связи между членами семьи закреплены юридически, обусловлены биологически, существуют фактически.

Большой вклад в исследование изменения структуры современных семей внесли Г. Беккер и Н. Томас⁸, а также У. Огборн и М. Нимкофф⁹. Имеются подтвержденные данные о том, что дети из многодетных семей могут получать меньше ресурсов для развития человеческого капитала, чем дети из малодетных семей [12].

В демографии и социологии продолжают исследования структуры современных семей, наблюдается несколько тенденций: структура семей меняется, в основе этого процесса лежит трансформация ценностной матрицы [13] под воздействием совокупности факторов, опреде-

ляющих развитие социума, малодетность воспроизводится на основе рациональных доводов в пользу сохранения или увеличения доходов семьи [14]; традиционная модель семьи сохраняется и воспроизводится под влиянием традиций и религиозных ценностей [15]. Результаты мониторингового исследования «Поколение и гендер», проводимого в европейских странах, показали, что снижение альтернативных издержек семьи и общественное мнение положительно влияют на принятие решения о рождении третьего ребенка [13].

Исследования расширяются за счет анализа различных факторов, влияющих на трансформацию семейной структуры, в том числе и структуры семей по числу детей. В частности, рассматривается влияние образовательных траекторий акторов – родителей в семьях с разным числом детей на образовательные успехи детей [16, 17]. В данном контексте образовательные успехи выступают критерием успешности воспитательной стратегии семей.

Отдельным направлением выступает проблема адресности и результативности мер семейно-демографической политики [18], в том числе в интересах многодетных семей. Стратегия мер поддержки семей с детьми различается в странах в зависимости от типологии семей и модели социальной политики. При этом важно отметить, что поддержка именно многодетных семей как отдельной категории, нуждающейся в поддержке, осуществляется далеко не во всех странах [19].

Теоретические выводы и эмпирические данные позволяют предположить, что необходимы мониторинг и полноценный анализ структуры российских семей [20, 21] для того, чтобы сделать выводы о распространенности современных практик семейной жизни и ее последствиях для демографического будущего.

Методологической основой данного исследования является институциональный подход, так как, с одной стороны, семья рассматривается как социальный институт, с другой стороны, важно рассмотреть, как государство формирует и реализует семейно-демографическую политику, направленную на сохранение традиционных семейных ценностей и воспроизводство основных функций семьи как социального института. В то же время мы рассматриваем, как реализуются повседневные практики российских многодетных семей, осуществляется ли практика

⁷ White, J. M., & Klein, D. M. (2008). *Family theories* (3rd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. <https://books.google.fm/books?id=LХерvNAosc8C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>

⁸ Becker, G. S., & Tomes, N. (1986). Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*, Part 2: *The Family and the Distribution of Economic Rewards*, 4(3), S1-S39. <https://www.jstor.org/stable/2534952>

⁹ Ogburn, W. F., & Nimkoff, M. F. (1955). *Technology and changing family*. Cambridge, Mass.: Riverside Press. https://www.chairefermanddumont.ucs.inrs.ca/wp-content/uploads/2013/09/GodinB_2010_Innovation_Without_the_Word.pdf

поиска справедливости¹⁰, что понимают российские семьи под «счастьем» и «благополучием», как они решают возникающие проблемы в разных сферах жизни и какие ресурсы семьям необходимы для того, чтобы обеспечить благополучие и счастья своей семье.

На первом этапе исследования мы рассмотрели, как менялась структура российских семей, учитывая, что средний размер, структура домохозяйств, доля домохозяйств с детьми значительно различаются не только в разных странах мира, но и в разрезе регионов одной страны – России.

На втором этапе работы представлены результаты анализа глубинных интервью, что дало возможность определить стратегии повседневного взаимодействия в многодетных семьях и сформулировать выводы о воздействии семейной политики на репродуктивные установки семей и их реализацию, определить ее перспективы.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Тенденции детности российских семей

Анализ данных переписей населения, проведенных в России в период после 2002 г., свидетельствует о результативности мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости, в частности, так называемой программы «Материнский капитал», реализуемой с 2007 г., что выражается в росте числа детей в рос-

¹⁰ Болгански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой, науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.

сийских домохозяйствах и росте числа домохозяйств с тремя и более детьми среди всех домохозяйств с детьми (см. рис. 1 и 2). Перепись 2010 г. показала незначительное увеличение доли многодетных семей по сравнению с 2002 г. – 0,4 процентных пункта (п.п.), коснувшееся прежде всего городских семей (прирост 0,6 п.п.). К 2020 г. произошли более значительные изменения. Доля многодетных семей выросла на 4,7 п.п.

Вместе с тем стоит отметить, что в распределении семей по числу детей наблюдаются противоречивые тенденции, являющиеся отражением мозаичности моделей брачного и репродуктивного поведения россиян. С одной стороны, на протяжении многих лет наблюдается увеличение доли семей, не имеющих детей в возрасте до 18 лет, что является отражением тренда на малодетность и частичный отказ от рождения детей вообще. При наличии одного или двух детей в семье период взросления детей до 18 лет проходит сравнительно быстро и семья формально, в соответствии с методикой проведения переписей, относится к семьям без детей. С 2002 г. к 2020 г. доля бездетных семей увеличилась на 12 п.п. (с 48,3% до 60,4%). С другой стороны, данные последних лет свидетельствуют об увеличении доли семей с несколькими детьми, в том числе многодетных (с тремя и более детьми) среди тех семей, где есть дети в возрасте до 18 лет (с 6,6% в 2002 г. до 11,7% в 2020 г.). Это выступает подтверждением эффекта мер семейно-демографической политики, направленной на рост рождаемости. Однако,

Источник: Всероссийская перепись населения 2002, Всероссийская перепись населения 2010, Всероссийская перепись населения 2020 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

Рис. 1. Домохозяйства, состоящие из двух и более человек, имеющие и не имеющие детей моложе 18 лет в 2002, 2010 и 2020 гг. (на 1000 семей)

Fig. 1. Households consisting of two or more people, with and without children under 18 years of age in 2002, 2010 and 2020 (per 1000 families)

если политика в интересах семьи не будет подкреплена новыми масштабными мерами, увеличение доли семей с тремя детьми среди детских семей прекратится и может обернуться вспять, как уже наблюдалось после исчерпания эффекта мер семейно-демографической политики 1981–1983 гг., что отразилось в результатах переписей 1989–2002 гг. Если данные переписи 1989 г. показали увеличение доли многодетных семей на 0,6 п.п. (и опять же эффект мер сильнее проявился для городского населения), то к 2002 г. произошло сокращение на 3,2 п.п.

Для российских регионов характерна значительная дифференциация доли многодетных семей (табл. 1). Наиболее значительная доля (более 13,3% от числа семей, имеющих детей) в 21 регионе, большая часть которых – национальные автономии, с населением, на репродуктивном поведении которого в значительной степени сказываются традиции многодетности.

Максимальный уровень многодетности наблюдается в Республике Тыва (31,7%), Республике Дагестан (34,6%), Чеченской Республике (50,6%), Республике Ингушетия (52,5%). Группа регионов с более значительной долей многодетных семей – это прежде всего национальные республики, для населения которых пока в значительной степени характерны традиции многодетности. Однако на большей части территории страны количество семей с тремя и более детьми невелико, уровень многодетности (доля многодетных семей) не больше 10,1%. Самая низкая доля семей с тремя и более детьми (до 8,8%) наблюдается преимущественно в европейской части страны, регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

Показатель среднего числа детей в семьях с детьми также свидетельствует о невысоком уровне детности семей в России (табл. 1). Показатель в среднем по России составил 1,6 ребенка на одну семью с детьми в возрасте до 18 лет. В большей части российских регионов показатель не превышает 1,7 ребенка. Лишь в 6 республиках уровень детности семей выше, чем 2 ребенка (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская и Республики Тыва, Дагестан и Ингушетия).

Ситуация с детностью семей в регионах России в значительной степени определяется распространенностью многодетных семей (табл. 1). Для регионов, где наблюдается более высокий уровень многодетности, характерна и более значительная детность семей в среднем, и меньшая доля бездетных семей.

Многодетность по-разному распространена среди различных типов семей. Отметим, что для всех типов семей более высокий уровень многодетности характерен в сельской местности (таблица 2). Данные переписей показывают, что детность семей разных типов различается. Наиболее значительные показатели детности характерны для многопоколенных семей – состоящих из нескольких супружеских пар. Для этих типов семей характерна более высокая доля семей с детьми до 18 лет, а также семей с тремя и более детьми. Так, например среди семей, в состав которых входят две супружеские пары (родители и прародители), доля многодетных семей составляет 17,2%, среднее число детей на одну семью с детьми – 1,78 ребенка. При наличии других родственников в такой семье доля многодетных возрастает до 32,7%, показатель детности семьи – до 2,23 ребенка.

Рис. 2. Структура российских семей с детьми по числу детей (на 1000 семей), данные переписей населения
Fig. 2. Structure of Russian families with children by number of children (per 1000 families), population census data

Таблица 1 — Характеристики детности семей по регионам России по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.**Table 1** — Characteristics of children in families by region of Russia according to the 2020 All-Russian Population Census

Регион	Доля многодетн. семей	Доля семей с детьми	Ср. число детей	Регион	Доля многодетн. семей	Доля семей с детьми	Ср. число детей
Белгородская область	8,2	37,2	1,5	Чеченская Республика	50,6	68,9	2,8
Брянская область	8,7	38,0	1,5	Ставропольский край	13,5	41,2	1,7
Владимирская область	7,8	37,3	1,5	Республика Башкортостан	12,5	42,2	1,7
Воронежская область	8,3	36,7	1,5	Республика Марий Эл	12,0	42,5	1,6
Ивановская область	7,5	37,9	1,5	Республика Мордовия	7,8	38,5	1,5
Калужская область	10,4	40,4	1,6	Удмуртская Республика	11,4	39,5	1,6
Костромская область	9,2	39,5	1,6	Чувашская Республика	12,2	42,2	1,7
Курская область	8,8	36,4	1,5	Пермский край	11,0	42,7	1,6
Липецкая область	10,7	37,0	1,6	Кировская область	9,5	37,8	1,6
Московская область	8,6	36,7	1,5	Нижегородская область	7,7	36,8	1,5
Орловская область	8,5	38,1	1,5	Оренбургская область	12,0	42,6	1,6
Рязанская область	9,5	33,4	1,5	Пензенская область	7,8	37,8	1,5
Смоленская область	7,3	35,8	1,5	Самарская область	7,4	37,6	1,5
Тамбовская область	9,1	34,7	1,5	Саратовская область	8,2	36,7	1,5
Тверская область	9,6	33,6	1,5	Ульяновская область	9,0	37,6	1,5
Тульская область	8,2	36,3	1,5	Курганская область	12,8	38,6	1,7
Ярославская область	7,9	39,3	1,5	Свердловская область	9,0	41,8	1,5
г. Москва	9,0	31,2	1,5	Ханты-Мансийский АО – Югра	13,7	46,1	1,7
Республика Карелия	9,1	38,2	1,5	Ямало-Ненецкий АО	14,9	50,4	1,7
Республика Коми	10,4	38,2	1,6	Тюменская область без АО	13,2	46,8	1,7
Ненецкий автономный округ	17,4	46,7	1,7	Челябинская область	9,1	38,8	1,6
Архангельская обл. без АО	9,2	41,3	1,5	Республика Алтай	21,5	53,0	1,9
Вологодская область	9,7	41,3	1,6	Республика Тыва	31,7	63,7	2,1
Калининградская область	8,8	40,8	1,5	Республика Хакасия	13,6	42,4	1,7
Ленинградская область	8,2	37,1	1,5	Алтайский край	11,4	39,8	1,6
Мурманская область	7,5	42,4	1,5	Красноярский край	10,5	41,5	1,6
Новгородская область	9,9	35,6	1,6	Иркутская область	12,6	42,8	1,6
Псковская область	9,7	37,2	1,5	Кемеровская область – Кузбасс	11,1	40,7	1,6
г. Санкт-Петербург	7,6	36,1	1,5	Новосибирская область	10,3	37,4	1,6
Республика Адыгея	15,8	44,3	1,7	Омская область	12,1	40,0	1,6
Республика Калмыкия	22,5	47,9	1,9	Томская область	10,7	39,3	1,6
Республика Крым	13,7	41,9	1,7	Республика Бурятия	18,7	49,9	1,8
Краснодарский край	9,5	40,4	1,5	Республика Саха (Якутия)	21,1	48,7	1,8
Астраханская область	14,6	44,6	1,7	Забайкальский край	14,4	45,3	1,7
Волгоградская область	7,3	32,5	1,5	Камчатский край	9,2	46,0	1,5
Ростовская область	9,7	38,1	1,6	Приморский край	8,2	34,3	1,5
г. Севастополь	9,4	36,3	1,5	Хабаровский край	10,4	40,7	1,5
Республика Дагестан	34,6	61,9	2,2	Амурская область	10,4	45,2	1,6
Республика Ингушетия	52,5	59,0	2,8	Магаданская область	7,0	44,3	1,4
Кабардино-Балкарская Респ.	29,8	49,9	2,1	Сахалинская область	9,2	41,0	1,5
Карачаево-Черкесская Респ.	29,7	48,9	2,1	Еврейская автономная обл.	11,9	44,5	1,6
Респ. Сев. Осетия – Алания	23,2	42,4	1,9	Чукотский АО	13,4	54,1	1,6

При наличии трех брачных пар в семье характеристики увеличиваются до 61,4% и 3,44 ребенка соответственно.

Наиболее часто семьи с тремя и более детьми встречаются среди многопоколенных семей,

состоящих из нескольких брачных пар, что свидетельствует о том, что многодетность и совместное проживание нескольких поколений в семье выступают маркерами традиционного подхода к организации семейной жизни. Однако доля

Таблица 2 — Характеристики детности различных типов домохозяйств в России по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., %

Table 2 — Characteristics of the number of children of various types of households in Russia according to the All-Russian Population Census 2020, %

Типы домохозяйств	Население		
	всё	городское	сельское
<i>Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары с детьми и без детей</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	41,6	42,3	39,8
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	13,2	10,6	19,2
среднее число детей, чел.	1,69	1,62	1,88
<i>Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары с детьми и без детей и одного из родителей супругов</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	54,6	53,2	57,9
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	14,0	10,5	21,4
среднее число детей, чел.	1,69	1,60	1,89
<i>Домохозяйства, состоящие из супружеской пары с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	71,6	66,4	80,1
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	17,2	12,3	24,0
среднее число детей, чел.	1,78	1,72	1,96
<i>Домохозяйства, состоящие из супружеской пары с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей, прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	72,6	62,9	82,1
с 3 и более детьми	32,7	23,2	39,9
среднее число детей, чел.	2,23	1,92	2,46
<i>Домохозяйства, состоящие из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	80,2	69,8	89,7
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	61,4	47,4	71,5
среднее число детей, чел.	3,44	2,79	3,91
<i>Домохозяйства, состоящие из матери с детьми</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	46,0	46,4	44,9
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	8,1	6,2	15,2
среднее число детей, чел.	1,46	1,40	1,68
<i>Домохозяйства, состоящие из отца с детьми</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	45,4	46,4	41,7
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	5,6	5,0	8,2
среднее число детей, чел.	1,35	1,34	1,43
<i>Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	71,9	70,9	75,5
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	4,7	3,9	7,7
среднее число детей, чел.	1,32	1,29	1,43
<i>Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	61,1	60,1	63,5
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	11,0	8,4	16,8
среднее число детей, чел.	1,54	1,46	1,72

Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации». URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhajstv.

таких семей в России весьма незначительна, около 1,7%. Их показатели детности не оказывают определяющее воздействие на модель российской семьи и ее детность. Совместное проживание супружеской пары с родителями одного

из супругов характеризуется некоторым увеличением детности (что, вероятно, является следствием воспитательных возможностей таких семей), которое, однако, нельзя назвать значительным (среднее число детей составляет 1,78 ре-

бенка, доля многодетных семей – 17,2%). Большая часть российских семей нуклеарные, состоящие только из родителей с детьми. Среднее число детей в таких семьях составляет 1,69 ребенка, доля многодетных семей – 13,2%. В России увеличивается доля неполных семей, детность которых еще меньше. Доля многодетных семей среди них не превышает 11%.

Для сохранения масштабов многодетности, достигнутых благодаря мерам демографической политики, реализуемым в России с 2007 г., необходимо развитие стратегий поддержки семей с детьми. При этом важно опираться на результаты эмпирических исследований, позволяющих выявить особенности и перспективы репродуктивного поведения россиян.

Мотивация многодетности

Источниками многодетности, что было выявлено по результатам глубинного интервью, являются три ведущих мотива или стечение обстоятельств. Во-первых, социально-психологическая потребность в детях. Детско-родительские отношения являются источником особенных переживаний: маленькие дети формируют прочные связи, так как зависимы от взрослого. Во-вторых, в некоторых случаях компенсация одиночества единственных детей, а также стремление, чтобы дети не выросли эгоистами. В-третьих, стремление родить ребенка определенного пола. Стечение обстоятельств, способствующих многодетности, это: рождение двойни; совместные дети в повторном браке; отказ от аборта при случайной беременности (в этом случае мотивация сохранения здоровья или следование религиозным нормам, запрещающим прерывание беременности). В некоторых кейсах многодетность запланирована только одним из родителей, а второй родитель соглашается поддержать или вынужден поддержать стремление супруга (супруги) в целях сохранения благоприятного социально-психологического климата.

Учитывая тот факт, что абсолютное большинство информантов – сами дети из малодетных семей, возникает гипотеза в рамках экономики поколений о необходимости консолидации ресурсов самой семьи и родительской семьи для реализации модели многодетности. Это обоснованное предположение, так как можно рассматривать его в рамках теории социального капитала [22], которая позволяет не только фор-

мировать объяснительные модели инкорпорирования социального капитала в реальные экономические выгоды, но и объясняет экономию временных ресурсов родителей, затрачиваемых на уход за детьми, за счет поддержки близкого окружения. В некоторых семьях воспроизводился опыт прародительских семей – многодетность через поколение.

Информанты воспроизводили модель ответственного родительства. В воспитании детей члены многодетных семей используют рациональный подход, ориентированы на воспитание и социализацию детей таким образом, чтобы развивать их таланты и удовлетворять потребности в признании, и именно этот мир – мир образования и развития детей – родители воспринимают как несправедливый:

Вот смотрите, сейчас у меня дети учатся по одной программе в школе. Если ты хочешь, чтобы у ребенка была более такая хорошая подготовка, например к ВПР, мы попросили учителя перейти на другую программу, а это платная услуга. Она стоит 1000 с чем-то за двоих детей. Также у меня дети в школу английского языка ходят, это тоже деньги, за двоих 5000 с чем-то (Жен., 43, Республика Башкортостан, 3 детей).

Он будет уже раскрываться (примечания: отец о ребенке), и его будут видеть и тренеры, и дальше в будущем. А сейчас я их вожу: мне самому хоккей нравится – он доступный для меня, через дорогу секция. Мне его (ребенка) удобней водить, а он, может, не хочет, а тебе не решается сказать. Он, бывает, ленится. Я говорю: нет, надо, я заплатил за тебя месяц – надо отходить. Мне кажется, так неправильно. Если ребенок выбрал секцию: походил – не понравилось – пошел в другую секцию. Эта доступность услуг для детей должна быть. На сегодняшний день этого нет, потому что всё зависит от финансовой части. Если родитель смог заплатить, то ребенок ходит. А если нет, а ребенок хочет туда ходить? Это неправильно. Раньше это было, а сейчас почему-то этого не стало. Может, оно вернется. Я вот хочу, чтобы социальная политика в этом плане тоже поменялась (Муж., 40, Свердловская область, 3 детей).

Старший ребенок у нас сейчас будет учиться в православной гимназии, а это на Ильинке (Прим.: около 30 минут на машине от места жительства респондента). И в то же время есть кружки, даже вот сейчас музыкальная школа в одном

месте, в другом, т.е. вот это как-то все соединить (Жен., 34, Нижегородская область, 3 детей).

Ну материальная всегда нужна <...> он ходил и на рисование, и на моделирование, и на ушу (Муж., 50, Нижегородская область, 5 детей).

Материальных средств, помощи в сопровождении детей, инфраструктуры не хватает многодетным родителям. Обобщая высказывания, озвученные информантами в ходе глубинного интервью, можно сказать, что внешний мир остается не совсем удобным для реализации стратегии многодетности. В то же время внутри семьи выстраивается справедливость, сделать выводы об этом можно, опираясь на то, как члены многодетных семей трактуют понятие «благополучная счастливая семья». В интервью были указания на то, что необходимы материальные ресурсы для удовлетворения потребностей семьи разного уровня, а также качественные характеристики благополучия:

Ну, конечно, это полная семья <...>, счастливая семья для ребенка, где мама счастливая и спокойная, <...>, ребенок должен жить в здоровом климате, в семье должен быть здоровый климат, где папа и мама в гармонии (Жен., 37, Ставропольский край, 7 детей).

Это обязательно, где родители любят друг друга, заботятся друг о друге, внимательны друг к другу, где они хотят рождения своих детей (Жен., 42, Вологодская область, 4 детей).

Рост благополучных многодетных семей может стать основой увеличения числа многодетных семей, такое исследование проводилось в Норвегии, где сопоставлялись данные о проживании и деторождении (2000–2018 гг.) на основе информации, внесенной в административные реестры [23]. Выявлено, что социальные сети соседей могут способствовать рождению еще одного ребенка. В то же время, чем больше многодетных семей будут нуждаться в поддержке, тем меньше вероятность, что практики многодетности будут воспроизводиться. Многодетные благополучные семьи ориентированы на самообеспечение, поэтому поддержка многодетных семей с детьми, осуществляемая на региональном и федеральном уровнях, информантами одобряется, но сдержанно. Трудности семей связаны с нехваткой материальных ресурсов, временных ресурсов и необходимости получения компетенций, необходимых для семейной жизни.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Структура семей меняется, но только семья как социальный институт в состоянии обеспечить воспроизводство и социализацию новых поколений.

Демографическая волна в ближайшие годы будет негативно влиять на численность репродуктивных когорт, сохраняя значимость мониторинга изменения социальной структуры российских домохозяйств. Статистические данные показывают, что в ближайшее десятилетие численность женщин детородного возраста в РФ будет неуклонно снижаться. В этом отношении должны быть приняты меры, учитывающие два обстоятельства. Во-первых, в возрастной структуре женщин репродуктивного возраста в настоящее время и в ближайшем будущем будут преобладать женщины 30–39 лет. В этом возрасте у женщин чаще всего уже есть один или два ребенка, но они еще не вышли из репродуктивного возраста, поэтому, при реализации грамотных мер социальной поддержки, учитывающий интересы семей с детьми, есть потенциал для увеличения числа детей, рожденных женщинами 30–39 лет. Во-вторых, численность женщин в возрасте 20–29 лет планомерно сокращается.

Однако на федеральном уровне нет программ, обеспечивающих поддержку молодежи, решившейся на рождение детей в студенчестве, что актуально, так как женщины в возрасте 18–24 года в основном являются студентами, в некоторых случаях членами молодых семей. Раннее рождение первого ребенка увеличивает вероятность рождения женщиной второго и последующих детей, так как именно отложенное родительство стало основной причиной сокращения суммарного коэффициента рождаемости.

Социальные потрясения 2020–2022 гг. требуют глубокого осмысления с точки зрения реакции общества и поиска новых возможностей преодоления депопуляции, обеспечения демографического благополучия страны. Очевидно, что без увеличения рождаемости хотя бы до уровня простого воспроизводства населения невозможен устойчивый выход из депопуляции при любом, даже самом низком достижимом на сегодня уровне смертности. Снижение числа детей в домохозяйствах и семейных ячейках является поводом для разработки и внедрения управленческих решений, направленных на поддержку многодетных семей.

Комплексная поддержка российской семьи может стать залогом дальнейшего увеличения числа многодетных семей в России. При этом важно учитывать потребности многодетной семьи. Данные, полученные методом интервью с многодетными семьями, позволили сформулировать основные направления помощи многодетным семьям:

- обеспечение доступности дополнительного образования для детей, повышение качества подготовки в школах для успешного поступления в вузы;
- качественное медицинское обслуживание для многодетных семей, возможно, необходимо ввести расширенную страховку для членов многодетных семей;
- расширение мер, способствующих решению жилищных проблем семей;
- обеспечение экономического благополучия и экономической самостоятельности многодетных семей, формирование условий для самореализации родителей в многодетных семьях в социальной и экономической сферах;
- помощь в организации семейного досуга, развитие рекреационных услуг, создание системы сопровождения детей младшего и среднего школьного возраста;
- оптимизация поддержки семьи в кризисной ситуации (потеря работы и т. д.).

Консолидированное участие в решении проблем демографического развития России может опираться не только на меры государственной и региональной семейно-демографической политики, но и на корпоративные политики, включающие поощрение семейного взаимодействия (отдых, профессиональные династии и т. д.), информирование об успешных практиках многодетности среди сотрудников. Включение в данный процесс российских организаций, предоставляющих рабочие места родителям и потенциальным родителям, способных повлиять на решение государственных демографических задач, позволит сформировать комплексный многоуровневый подход к совершенствованию государственной демографической политики. Поддержка и пропаганда на уровне российских организаций семейного образа жизни, детности (многодетности), родительства является дополнительным стимулированием формирования общественного мнения и образа благополучных многодетных семей.

В настоящее время необходимо проводить системную работу по формированию и поддержке института многодетной семьи как ресурса социально-экономического и демографического развития. Однако увеличение рождаемости только при использовании экономических стимулов (что предусматривает современная социально-демографическая политика) ограничено сложившейся потребностью в детях, современные уровни которой недостаточны для выхода из режима сокращения населения. Между тем, разработка эффективных мер повышения потребности в детях возможна лишь при принципиальном пересмотре мировоззренческих установок населения, коррекции сложившейся у молодых поколений системы ценностей, повышения престижа семьи и семейного образа жизни и т. д. Необходимо совершенствовать механизмы в части обеспечения жильем многодетных семей, поддержать льготную ипотеку для членов молодых и студенческих семей как основы формирования стратегий многодетности. Возможно развитие программ строительства социального жилья для его предоставления членам молодых и студенческих семей в льготную аренду, пока семье отказывают в ипотечном кредите в связи с недостаточными доходами для приобретения первого жилья или расширения площади жилья в связи с рождением второго или последующих детей, что позволит расширить сегмент многокомнатных квартир для проживания многодетных и многопоколенных семей.

Для решения проблем жизнедеятельности многодетной семьи, формирования культуры осознанного, ответственного родительства и отцовства необходимо активизировать роль многопоколенной семьи (родителей, прародителей), в развитии института благополучной детной (многодетной) молодой семьи. Особую значимость это приобретает в условиях старения населения, сопровождающегося трансформацией возрастной пирамиды, в которой доля пожилых сравнивается или даже превышает долю детей, что непосредственно влияет на состав российских домохозяйств и семейных ячеек. Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, характерное для России и большинства развитых стран мира, стало не только одним из ключевых трендов последних десятилетий, но и важнейшим драйвером перемен во всех сферах современного общества.

Необходимо разработать целостный концептуальный подход, учитывающий комплексную детерминацию репродуктивного поведения членов благополучной многодетной российской семьи. Важно активно разрабатывать меры социальной поддержки многодетной семьи, с целью того, чтобы практики многодетных не были практиками «выживания», а могли быть охарактери-

зованы как практики воспроизводства благополучия. Благополучие является идеальной моделью и интегративным показателем уровня и качества жизни российских семей, доступности здравоохранения, социально-экономического развития регионов и эффективности семейно-демографической политики, реализующей меры на национальном, региональном и местном уровнях. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. РОСТОВСКАЯ Т. К., КУЧМАЕВА О. В., ЗОЛОТАРЕВА О. А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21, № 4 (4). С. 805–824. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824. EDN GCVGXE.
2. ICARDI, R., GAILEY, N., GOUJON, A., NATALE, F., & UEFFING, P. (2023). *Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2760/139588>.
3. АНТОНОВ А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2010. № 4. С. 134–150. EDN NCQBHZ.
4. ЕЛИСЕВА И. И., КЛУПТ М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // *Вопросы статистики*. 2016. № 8. С. 53–65. EDN WKOFFN.
5. КАЛАБИХИНА И. Е., КУЗНЕЦОВА П. О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2. С. 57–81. DOI 10.14515/monitoring.2023.2.2362. EDN TROTMF.
6. РОСТОВСКАЯ Т. К., КУЧМАЕВА О. В., ВАСИЛЬЕВА Е. Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3, № 4. С. 59–77. DOI 10.19181/demis.2023.3.4.4. EDN PNNQUG.
7. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. DOI 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. EDN YTPUEV.
8. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>.
9. ГУРКО Т. А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2021. № 1 (61). С. 45–53. DOI 10.52452/18115942_2021_1_45. EDN ZLKZEF.
10. ГУРКО Т. А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 107–116. DOI 10.31857/S013216250021397-9. EDN YKRCIF.
11. НЕШАТАЕВ А. В., БЛЕДНОВА Н. Д., БАГИРОВА А. П. Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации // *Вопросы управления*. 2023. № 4 (83). С. 54–67. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67. EDN YIRHEV.
12. DESAI, S. (1995). When are children from large families disadvantaged? Evidence from cross-national analyses. *A Journal of Demography*, 49(2), 195–210. <https://doi.org/10.1080/0032472031000148466>.
13. PANOVA, R., BUBER-ENNSER, I., & BUJARD, M. (2023). How socio-cultural factors and opportunity costs shape the transition to a third child. *Journal of Family Research*, 35, 162–180. <https://doi.org/10.20377/jfr-821>.
14. CALHOUN, C. A., & ESPENSHADE, T. J. (1988). Childbearing and Wives' Foregone Earnings. *Population Studies*, 42(1), 5–37. <https://doi.org/10.1080/0032472031000143106>.
15. LAI, Q., & THORNTON, A. (2015). The making of family values: Developmental idealism in Gansu, China. *Social Science Research*, 51, 174–188. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012>.
16. MARTIN, M. A. (2012). Family structure and the intergenerational transmission of educational

advantage. *Social Science Research*, 41(1), 33–47. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.07.005>.

17. MAXWELL, C., & YEMINI, M. (2023). Global mobility and middle class families-parenting and education. In *International Encyclopedia of Education* (4th ed., pp. 302–307). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.01070-8>.

18. BERNEDO, I. M., ALMEIDA, A., BYRNE, S., GONZÁLEZ-PASARÍN, L., PEĆNIK, N., CRUZ, O., UKA, A., SKUČIENĖ, D., & ŠUMSKAITĖ, L. (2024). The use of evidence-based programmes in family support across Europe: A comparative survey study. *Children and Youth Services Review*, 158, Article 107455. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107455>.

19. BRUCKMAYER, M., PICKEN, N., & BARBARA JANTA, B. (2020). *Developments in Child and Family Policy in the EU in 2019. European Platform for Investing in Children: third annual thematic report. October*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2767/10833>.

20. ДОВРОХЛЕВ В. Г., КОНДАКОВА Н. А. Состоя-

ние и тенденции семейного потенциала современной России: региональный аспект // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 6. С. 178–190. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.11. EDN XPGGZW.

21. ПРОКОФЬЕВА А. М., КОРЧАГИНА И. И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // *Демографическое обозрение*. 2023. Т. 10, № 2. С. 4–17. DOI 10.17323/demreview.v10i2.17763. EDN TDYEBV.

22. LEE, J. (2019). Bonding and bridging social capital and their associations with self-evaluated community resilience: A comparative study of East Asia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(1), 31–44. <https://doi.org/10.1002/casp.2420>.

23. BERGSVIK, J., COOLS, S., & HART, R. K. (2023). Explaining Residential Clustering of Large Families. *European Journal of Population*, 39(1), Article 13. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09655-6>.

REFERENCES

1. ROSTOVSKAYA, T. K., KUCHMAEVA, O. V., & ZOLOTAREVA, O. A. (2021). Assessment of the social well-being of families in Russian regions: A sociological analysis. *RUDN Journal of Sociology*, 21(4), 805–824. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824>.

2. ICARDI, R., GAILEY, N., GOUJON, A., NATALE, F., & UEFFING, P. (2023). *Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2760/139588>.

3. ANTONOV, A. I. (2010). Current demographic trends and analytical projections, the problems of family and demographic policy in the social state. *MOscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), 134–150. <https://elibrary.ru/ncqbbz>.

4. ELISEEVA, I. I., & KLUPT, M. A. (2016). Family transformation in Russia and China: Comparative analysis. *Voprosy Statistiki*, (8), 53–65. <https://elibrary.ru/wkoffn>.

5. KALABIKHINA, I. E., & KUZNETSOVA, P. O. (2023). Population heterogeneity in the number of children born: Is there a “parity transition”? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 57–81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362>.

6. ROSTOVSKAYA, T. K., KUCHMAEVA, O. V., & VASILYEVA, E. N. (2023). The institute of multi-generational family as a reserve of demographic development in Russia. *DEMIS. Demographic Research*, 3(4), 59–77. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4>.

7. SINELNIKOV, A. B. (2018). Family and marriage: Crisis or modernization? *Sociological Journal*, 24(1), 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

8. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>.

9. GURKO, T. A. (2021). Children’s well-being in various family structures: A review of foreign research results. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (1), 45–53. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_45.

10. GURKO, T. A. (2022). Dynamics of indicators of development and well-being of adolescents in various types of families. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 107–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250021397-9>.

11. NESHATAEV, A. V., BLEDNOVA, N. D., & BAGIROVA, A. P. (2023). Delegating parental responsibilities on parental leave: Opportunities for trans-

formation. *Management Issues*, (4), 54–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-54-67>.

12. DESAI, S. (1995). When are children from large families disadvantaged? Evidence from cross-national analyses. *A Journal of Demography*, 49(2), 195–210. <https://doi.org/10.1080/0032472031000148466>.

13. PANOVA, R., BUBER-ENNSER, I., & BUJARD, M. (2023). How socio-cultural factors and opportunity costs shape the transition to a third child. *Journal of Family Research*, 35, 162–180. <https://doi.org/10.20377/jfr-821>.

14. CALHOUN, C. A., & ESPENSHADE, T. J. (1988). Childbearing and Wives' Foregone Earnings. *Population Studies*, 42(1), 5–37. <https://doi.org/10.1080/0032472031000143106>.

15. LAI, Q., & THORNTON, A. (2015). The making of family values: Developmental idealism in Gansu, China. *Social Science Research*, 51, 174–188. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012>.

16. MARTIN, M. A. (2012). Family structure and the intergenerational transmission of educational advantage. *Social Science Research*, 41(1), 33–47. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.07.005>.

17. MAXWELL, C., & YEMINI, M. (2023). Global mobility and middle class families-parenting and education. In *International Encyclopedia of Education* (4th ed., pp. 302–307). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.01070-8>.

18. BERNEDO, I. M., ALMEIDA, A., BYRNE, S., GONZÁLEZ-PASARÍN, L., PEČNIK, N., CRUZ, O., UKA, A.,

SKUČIENĖ, D., & ŠUMSKAITĖ, L. (2024). The use of evidence-based programmes in family support across Europe: A comparative survey study. *Children and Youth Services Review*, 158, Article 107455. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107455>.

19. BRUCKMAYER, M., PICKEN, N., & BARBARA JANTA, B. (2020). *Developments in Child and Family Policy in the EU in 2019. European Platform for Investing in Children: third annual thematic report. October*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2767/10833>.

20. ДОБРОКХЛЕБ, В. Г., & КОНДАКОВА, Н. А. (2023). State and trends of family potential in contemporary Russia: Regional aspect. *Problems of Territory's Development*, 27(6), 178–190. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.11>.

21. ПРОКОФИЕВА, Л. М., & КОРЧАГИНА, И. И. (2023). The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses. *Demographic Review*, 10(2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreviewv10i2.17763>.

22. LEE, J. (2019). Bonding and bridging social capital and their associations with self-evaluated community resilience: A comparative study of East Asia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(1), 31–44. <https://doi.org/10.1002/casp.2420>.

23. BERGSVIK, J., COOLS, S., & HART, R. K. (2023). Explaining Residential Clustering of Large Families. *European Journal of Population*, 39(1), Article 13. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09655-6>.

СЕМЬЯ И ДЕТИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. П. Зимовина^а, М. Н. Храмова^б

^а Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия)

^б Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Данная работа посвящена выявлению роли семьи и детей в системе ценностей калининградских студентов. Данный аспект представляется важным в связи со сложившейся демографической ситуацией, а также с решением объявить в России 2024 год Годом семьи.

Материалы и методы. В 2023 г. был проведен опрос среди студентов калининградских вузов, в котором принял участие 241 человек в возрасте 18-24 лет. Анкета состояла из шести «открытых» вопросов. Студентам было предложено дать собственное определение понятия «ценности»; назвать наиболее значимые ценности; описать идеальную модель семьи; определить роль детей в целом и в собственных жизненных стратегиях; объяснить причины желания или нежелания иметь детей. Данный вид опроса был обозначен как экспресс-интервью. Методологической основой исследования явилась концепция демографического благополучия, согласно которой демографические процессы необходимо параллельно рассматривать на макроуровне и микроуровне. В данном исследовании основное внимание было уделено микроуровню.

Результаты. В ходе исследования выяснилось, что большинство респондентов воспринимают ценности как базовые установки, которые определяют жизнь человека, выражаются в духовных и материальных вещах и передаются следующим поколениям. Наиболее значимыми ценностями признаются семья, дружба, деньги, любовь, свобода и здоровье. Рассуждая об идеальной семье, участники опроса описывали те отношения, которые они хотели бы видеть в семье. Лишь несколько человек считают идеальными семьи, в которых они выросли и живут. Большинство респондентов намерены в будущем иметь детей, хотя некоторые делают оговорку, что для этого должны быть соответствующие условия. В то же время была выявлена значительная доля молодых людей, которые заявили о принципиальном нежелании иметь детей.

Обсуждение. На основе проведенного исследования было выявлено, что семья является наиболее значимой категорией в системе ценностей студентов. Идеальной представляется полная семья без финансовых проблем, члены которой живут в обстановке взаимопонимания, поддержки и любви. Для большинства респондентов дети представляются необходимой составляющей семьи. Некоторые участники опроса заявили о нежелании выполнять родительские функции. Проведенное исследование продемонстрировало важность анализа демографических процессов на микроуровне, то есть с позиции человека, с учетом его ценностей и жизненных установок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Калининградская область, молодежь, студенты, ценности, семья, дети

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

© Е. П. Зимовина, М. Н. Храмова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зимовина Е. П., Храмова М. Н. Семья и дети в системе ценностей студенческой молодежи // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 24-37. EDN KSYENN. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-24-37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зимовина Елена Павловна – кандидат исторических наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14) — *научный сотрудник социологической лаборатории*; zimelena@yandex.ru. SPIN-код: 9102-7424, ORCID: 0000-0001-6587-070X, ScopusID: 57226349153, ResearcherID: AGX-0201-2022.

Храмова Марина Николаевна – кандидат физико-математических наук; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *директор*; kh-mari08@yandex.ru. SPIN-код: 3786-0465, ORCID: 0000-0002-0893-3935, ScopusID: 57195735740, ResearcherID: C-8107-2015.

Статья поступила 03.04.2024; рецензия получена 21.05.2024; принята к публикации 25.06.2024.

FAMILY AND CHILDREN IN THE SYSTEM OF THE STUDENT'S VALUES

Е. П. Zimovina^a, М. Н. Khramova^b

^a Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

^b Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. This paper is devoted to identifying the role of family and children in the value system of Kaliningrad university students. This aspect is important both in connection with the current demographic situation, as well as with the decision to declare 2024 the Year of the Family in Russia.

Materials and methods. In 2023, a survey was conducted among students of Kaliningrad universities, which was attended by 241 people aged 18-24 years. The questionnaire consisted of six “open” questions. Students were asked to give their own definition of the concept of “values”; to name the most significant values; to describe the ideal family model; to determine the role of children in general and in their own life strategies; to explain the reasons for wanting or not wanting to have children. This type of survey was designated as an express interview. The methodological basis of the study was the concept of demographic well-being, according to which demographic processes must be considered simultaneously at the macro and micro levels. In this research, the focus was on the micro level.

Results. The study revealed that the majority of respondents perceive values as basic attitudes that define a person's life, are expressed in spiritual and material things and are passed on to the next generations. The most important values are recognized as family, friendship, money, love, freedom and health. Talking about the ideal family, the survey participants described the relationships they would like to see in the family. Only a few people consider the ideal families in which they grew up and live. The majority of respondents intend to have children in the future, although some make a reservation that there must be appropriate conditions for this. At the same time, a significant proportion of young people were identified who expressed a fundamental reluctance to have children.

Discussion. Based on the conducted research, it was revealed that the family is the most significant category in the students' value system. The ideal is a complete family without financial problems, whose mem-

bers live in an environment of mutual understanding, support and love. For most respondents, children seem to be a necessary part of the family. Some survey participants expressed unwillingness to perform parental functions. The conducted research has demonstrated the importance of analyzing demographic processes at the micro level, that is, from a human perspective, taking into account his values and life attitudes.

KEYWORDS: Kaliningrad region, youth, students, values, family, children

FUNDING: The study was carried out within the framework of the Priority 2030 project: “Sociological analysis of the value system and geopolitical picture of the world of residents of the Kaliningrad region in conditions of international tension”.

FOR CITATION: Zimovina, E. P., & Khramova, M. N. (2024). Family and children in the system of the student's values. *Management Issues*, 18(3), 24–37. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-24-37>

AUTHORS' INFORMATION:

Elena P. Zimovina – Ph.D. of Historical Sciences; Immanuel Kant Baltic Federal University (14, A. Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia) — *researcher at the Sociological Laboratory*; zimelena@yandex.ru. RSCI SPIN: 9102-7424, ORCID: 0000-0001-6587-070X, ScopusID: 57226349153, ResearcherID: AGX-0201-2022.

Marina N. Khramova – Ph.D. of Physico-mathematical Sciences; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *director*; kh-mari08@yandex.ru. RSCI SPIN: 3786-0465, ORCID: 0000-0002-0893-3935, ScopusID: 57195735740, ResearcherID: C-8107-2015.

The article was submitted 04/03/2024; reviewed 05/21/2024; accepted for publication 06/25/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Студенчество является особой категорией молодежи. Прежде всего, это социальная группа с определенными возрастными характеристиками, представители которой получают профессионально ориентированное образование. Однако студенчество не является однородным по составу. Как отмечают исследователи, оно дифференцируется в соответствии с типом учебного заведения, формой обучения, особенностями приобретаемой профессии, а также с определенными социально-демографическими признаками. Кроме того, студенчеству принадлежит особая роль в формировании интеллигенции и в воспроизводстве среднего класса общества¹. Именно поэтому исследование системы ценностей студенческой молодежи представляет значимость и вызывает интерес представителей разных научных направлений. Особая роль уделяется изучению вопросов, которые касаются планов на личную жизнь. Это создание семьи и рождение детей. Актуальность данной тематики обусловлена сложившейся демографической ситуацией

в стране и регионе, а также решением о проведении в 2024 г. в Российской Федерации Года семьи².

Объектом данного исследования явилась калининградская студенческая молодежь с целью определения роли семьи и детей в системе их ценностей. На сегодняшний день к студенчеству относится значительная доля молодежи. На начало 2022/2023 уч. года на территории Российской Федерации насчитывалось более 4 млн студентов всех форм обучения³, что составило 12,6%⁴ совершеннолетней молодежи. На территории Калининградской области в списках студентов значилось 21243 человека⁵, представляющих 9,4%⁶ численности молодого населения региона. Для решения поставленной цели были сформулиро-

² О проведении в Российской Федерации Года семьи : Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875.

³ Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. С. 68.

⁴ Подсчитано по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

⁵ Калининградская область в цифрах. 2023. Статистический сборник в 2 т. Калининград : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области (Калининградстат), 2023. Т. 1. С. 127.

⁶ Подсчитано по: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/population>.

¹ Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 509.

ваны следующие исследовательские вопросы: 1) какие ценности являются наиболее значимыми для студентов? 2) что студенческая молодежь вкладывает в понятие «идеальная семья»? 3) какое место уделяется детям в жизненных планах студентов?

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для понимания перспектив демографического развития региона весной и осенью 2023 г. был проведен опрос среди студентов калининградских вузов, посвященный определению роли семьи и детей в системе ценностей молодежи. В анкетировании принял участие 241 человек в возрасте 18–24 лет (135 мужчин и 106 женщин)⁷. Метод формирования выборки – гнездовой, при котором проводился сплошной опрос студентов в отобранных группах. Анкета состояла из шести открытых вопросов: что вы понимаете под словом «ценности»? какие ценности значимы лично для вас? какой в вашем представлении является идеальная семья? чем для вас являются дети? какое место уделяется детям в ваших жизненных планах? почему бы вы хотели или не хотели иметь детей? В итоге были получены материалы, которые мы условно обозначили как «экспресс-интервью», поскольку каждый респондент не имел возможности выбора из предложенных вариантов ответов, а должен был кратко сформулировать собственную позицию по тому или иному вопросу. В этом заключается определенная новизна исследования, поскольку данный метод не является широко распространенным. Как правило, массовые опросы проводятся с помощью анкетирования, при котором подавляющее большинство вопросов имеют варианты ответов.

⁷ Согласно общепринятым расчетам выборки при генеральной совокупности 14184 человека (калининградские студенты очного отделения), доверительной вероятности 95 % и погрешности ± 5 % число респондентов должно составлять 374 человека. Однако мы посчитали возможным сделать обобщающие выводы на материалах опроса 241 человека, поскольку при анализе полученных данных была обнаружена определенная повторяемость ответов, позволявшая определить основные тренды. Это было тем более важным, что все вопросы были «открытыми», без предлагаемых вариантов ответов. Поскольку апробированный нами метод является экспериментальным и исследование носит поисковый характер, мы посчитали возможным остановиться на данном количестве респондентов. В научной литературе для подобного рода исследований к выборочной совокупности предъявляются не столь строгие требования (см. например: Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М., 2001. С. 111-112; Добренёв В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М., 2004. С. 82-83).

Методологической базой исследования послужила концепция демографического благополучия, изложенная в работах С. В. Рязанцева и Т. Р. Мирязова [1, 2]. Ее суть заключается в рассмотрении демографических процессов с двух точек зрения: микроуровень (с позиции человека и семьи) и макроуровень (в масштабах страны, региона), а также их оценки в соответствии с определенными критериями. На микроуровне под демографическим благополучием понимается возможность реализации человеком своих жизненных установок и удовлетворенность достигнутыми результатами. На макроуровне демографическое благополучие представляется как «сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет» [1, с. 8-9]. В проводимом нами исследовании был сделан акцент на микроуровень.

Вопросы, связанные с ценностями в студенческой среде, довольно хорошо изучены российскими социологами. Прежде всего, исследователи пытаются осмыслить подвижки в системе ценностей. Одни отмечают: хотя материальные ценности и носят устойчивый характер, однако они не являются приоритетными; ценности молодежи формируются под воздействием социальной среды [3]. Другие говорят о духовной пассивности студентов, гедонистических доминантах и неопределенности жизненных приоритетов [4]. Следует отметить коллективное исследование, в ходе которого авторы выделяют главенство, полупериферию и периферию в ценностной иерархии молодежи, а также выявляют факторы жизненного успеха и определяют степень их значимости [5]. Интересны работы, в которых проводится сравнительный анализ жизненных ценностей студентов из разных стран и делается вывод об их зависимости от социокультурного контекста [6]. Отметим работу, в которой продемонстрирована значимость элементов социокультурного механизма и их влияние на формирование жизненных позиций отечественной молодежи [7].

Региональный аспект исследований имеет особое значение. На примере студентов вузов разной профессиональной направленности, расположенных в разных субъектах Российской Федерации, исследователи приходят к выводам об общем и специфичном в системе ценностей молодежи. Так, была выявлена связь между личност-

ными ценностями студентов и мотивационной базой при выборе профессии, установлено влияние перечисленных факторов на формирование успешной жизненной траектории [8]. Отмечается неоднородность ценностных ориентаций студентов, их условное разделение на «коллективистов» и «индивидуалистов» [9]. Подчеркивается эклектичный характер ценностной парадигмы студенческой молодежи, в которой, однако, важная роль принадлежит традиционным общечеловеческим ценностям [10, 11]. Применяя ресурсный подход, уральские исследователи проанализировали отношение студентов к здоровью и здоровому образу жизни. В результате был сделан вывод: «Здоровье остается одной из базовых ценностей студенческой молодежи. В совокупности с семьей здоровье составляет интегрирующее ядро ценностных ориентаций, которое обуславливает достижение жизненного успеха» [12, с. 131]. Ценностные координаты были проанализированы в соответствии с базовыми и периферийными концептами в языковом сознании студентов [13]. Интересен подход к анализу ценностей современного студенчества в контексте стремительной цифровизации общества [14, 15]. В качестве обобщения приведем вывод, сделанный чувашскими исследователями: «Несмотря на имеющиеся различия в доминирующих жизненных ценностях, можно говорить о единстве ценностных предпочтений студенческой молодежи» [16, с. 265].

Особое значение имеют работы, которые направлены на выявление роли семьи и детей в системе жизненных ценностей современных студентов. В связи с этим, важным представляется исследование установок молодежи на создание семьи и исполнение родительских функций. Как правило, исследователи обращают внимание на малую распространенность браков среди студентов, отсутствие правового статуса понятия «студенческая семья», откладывание деторождения [17]. Делается акцент на процесс трансформации института брака, расширение практики незарегистрированного брака, утверждение социальной терпимости к добрачным связям. Лонгитюдные социологические исследования, проведенные в отдельных регионах, позволяют авторам делать вывод о доминирующем влиянии возрастного фактора в снижении рождаемости. При этом самые низкие значения показателя ожидаемого количества

детей, как правило, фиксируются среди самых молодых возрастных групп [18]. В то же время в студенческой среде сохраняется понимание важности полной семьи для воспитания детей [19, 20]. Интересен гендерный аспект исследования проблемы: опрос девушек-студенток и женщин зрелого возраста [21], а также рассмотрение проблемы делегирования родительских функций в отпуске по уходу за ребенком в русле государственной политики по сохранению духовно-нравственных семейных ценностей и укреплению межпоколенных связей [22]. На сегодняшний день особую актуальность получает вопрос о добровольной бездетности (т. н. чайлдфри), изучение которого необходимо с учетом современной демографической ситуации в России [23].

В зарубежной научной литературе также происходит осмысление ценностей современного общества. В частности, разработана оригинальная система измерения ценностей [24], при которой традиционные ценности (религия, семья, превалирование общественных интересов над личными) противопоставляются секулярно-рациональным (светскость, независимость, доминирование личных интересов над общественными).

Широко представлены исследования по вопросам семьи и деторождения. Наиболее распространенным подходом, в русле которого рассматривается данная проблематика, является теория демографического перехода^{8,9} [25]. Среди работ последних лет по социально-демографической тематике следует отметить исследования о зависимости репродуктивного поведения молодежи от уровня образования, занятости, ценностей [26]; о рационализации поведения молодых людей, приводящего к отложенным бракам и отложенным деторождениям [27]; о структуре современной семьи и индикаторах ее благополучия [28]; а также о бездетности и отложенном родительстве [29].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ценности играют важную роль в жизни человека и общества. Они являются некими ориентирами как в повседневной деятельности, так

⁸ Dirk J. van de Kaa. Demographic Transitions. NIDI. Working paper no.: 2008/1. Retrieved from <https://nidi.nl/shared/content/output/papers/nidi-wp-2008-01.pdf>

⁹ Van de Kaa D. J. The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. Tokyo, Japan, 2002. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/253714045_The_Idea_of_a_Second_Demographic_Transition_in_Industrialized_Countries

и в критических ситуациях. Ценности воспринимаются по-разному, и зачастую молодежь стремится переосмыслить многие из них. Однако в большинстве случаев понимание ценностей идет в определенном русле и мнения незнакомых друг с другом людей совпадают. С целью выявить общее и особенное, респондентам было предложено объяснить свое понимание термина «ценности». Было получено довольно много лаконичных и емких определений, которые были подразделены на несколько категорий. Прежде всего обращают на себя внимание ответы, в которых участники опроса говорят о ценностях как о неких важных основах жизни человека и общества: «Превалирующие в жизни каждого человека установки, согласно которым он ведет свой образ жизни» (м, 22); «Ценности – жизненные принципы, ориентиры» (ж, 18); «Это то, что помогает человеку оставаться человеком, базовые установки, по которым он живет» (м, 18); «Ценности – значимые аспекты жизни человека, на которых строится жизнь» (ж, 21); «Совокупность духовных вещей, являющихся для человека жизненными ориентирами» (м, 18); «Ценности – это то, что важно как для отдельного человека, так и для общества в целом» (ж, 19). Более того, под ценностями понимается преемственность: «Это принципы, переходящие из поколения в поколение» (ж, 19). Причем это настолько значимо, что требует трепетного отношения и защиты: «Под словом “ценности” я понимаю те вещи, которыми человек дорожит в первую очередь, к которым он стремится или которые оберегает всеми возможными способами» (ж, 20); «Ценности – вещи, которые ни в коем случае не хочется терять» (м, 19); «Под ценностями я понимаю что-то значимое для человека. То, что он будет оберегать даже ценой своей жизни» (м, 18). Как видим, молодые люди довольно серьезно воспринимают ценности: видят в них жизненную опору, подчеркивают их духовно-нравственную суть, а также важность сохранения и передачи следующим поколениям. Кроме того, указывают на значимость ценностей не только для каждого отдельного человека, но и для общества в целом.

Часть респондентов конкретизировали свои мысли, перечисляя то, что они воспринимают как ценности: «Важные для человека места, люди, вещи, культура» (м, 18); «Духовные и материальные вещи, которые наполняют жизнь смыс-

лом и дают причины жить» (м, 18); «Когда что-то имеет для человека важность, например, идея, данное человеку слово или вещь» (м, 18); «Ценности – самые дорогие сердцу и разуму вещи/люди, за которые можно чем-то пожертвовать» (ж, 18); «Ценности – близкие, родные люди, прожитые моменты жизни» (м, 18); «Ценности должны в себе сочетать работу, личное развитие, отдых, семью» (м, 20); «Есть личностные ценности – это самое дорогое, что есть в жизни человека. Например, семья и здоровье родных и близких. А есть культурные ценности, которые подразумевают собой ценности всех народов страны. Например, историческая память, уникальная архитектура и культура» (ж, 18). Обращает на себя внимание, что респонденты подчеркивали значимость как духовных, так и материальных ценностей, указывали на возможность их гармоничного сочетания.

Одна из участниц опроса охарактеризовала ценности как способ восприятия действительности: «Ценности – это призма, через которую я смотрю на этот мир» (ж, 19). Несколько респондентов рассматривают ценности как некий «компас», с которым нужно постоянно сверяться на жизненном пути: «Это то, что важно для человека, чем человек руководствуется на протяжении всей жизни» (ж, 18); «Ценности – это взгляды человека, которые помогают ему принимать решения в жизни» (ж, 18). По мнению некоторых молодых людей, ценности влияют на формирование личности и определяют жизненную траекторию: «Ценности – это определенные жизненные установки, на основании которых человек выстраивает свой путь. Исходя из ценностных установок человек формирует свою семью, выстраивает карьеру, создает собственный социальный имидж, то есть расставляет приоритеты по своей индивидуальной иерархии» (ж, 20); «В моем понимании – это то, что прокладывает жизненный путь человека и выстраивает личность человека. Ценности – это своеобразный маяк, благодаря которому человек достигает своих целей тем или иным образом» (ж, 20). Получается, что молодые люди обращают внимание и на практическую значимость ценностей, которые помогают воспринимать мир, определять этапы жизненного пути, формировать личностные и профессиональные качества.

После того как респонденты изложили свое понимание ценностей, им было предложено

Таблица 1 — Перечислите ценности, значимые лично для вас
Table 1 — List the values that are important to you personally

Категория	Муж.	Жен.	Всего		Категория	Муж.	Жен.	Всего	
			абс.	%				абс.	%
семья	83	72	155	64,3	знания	5	4	9	3,7
друзья	38	30	68	28,2	культура	5	4	9	3,7
деньги	20	25	45	18,7	работа	5	4	9	3,7
любовь	13	24	37	15,6	честь	5	4	9	3,7
свобода	16	20	36	14,9	доход	7	1	8	3,3
здоровье	10	20	30	12,4	обычай/традиции	5	3	8	3,3
саморазвитие	11	17	28	11,6	равенство	4	3	7	2,9
самореализация	9	12	21	8,7	время	5	1	6	2,5
честность	10	10	20	8,3	счастье	0	6	6	2,5
учеба	9	9	18	7,5	вера	3	2	5	2,1
карьера	6	11	17	7,1	дом	3	1	4	1,7
уважение	7	10	17	7,1	правда	2	1	3	1,2
справедливость	8	7	15	6,2	безопасность	1	1	2	0,8
добро	4	7	11	4,6	жизнь	0	2	2	0,8
родина	7	4	11	4,6	религия	2	0	2	0,8

перечислить то, что значимо лично для них. В результате было получено множество вариантов ответов, в которых были обозначены 95 категорий, указанных как отдельно, так и в разных сочетаниях. Мы отобрали 30, которые встречаются либо чаще других, либо представляют интерес в силу их актуального звучания (безопасность, знания, правда, справедливость, родина, честь), общественной значимости (добро, вера, религия, равенство, культура, обычаи и традиции), а также традиционной для человека важности (жизнь, счастье, дом, время, доход) (таблица 1).

Лидирующее положение в системе ценностей респондентов занимает семья – ее указали 2/3 респондентов. Наибольшая частота упоминаний приходится и на такие категории, как друзья, деньги, любовь, свобода и здоровье. Довольно часто в ответах встречались понятия «самореализация» и «саморазвитие». Однако ценность жизни и счастья отметили лишь несколько женщин, религии – только двое мужчин, веры – трое мужчин и две женщины (таблица 1). Такой расклад свидетельствует о светском восприятии ценностей.

Отметим, что некоторые участники опроса продемонстрировали элементы гедонистического мировоззрения, когда среди наиболее значимых ценностей называли благополучие (7), комфорт (5), отдых (3), путешествия (2), удовольствие (1). Одна из девушек так и напи-

сала: «насыщенная жизнь». Два человека проявили конкретно-прагматичный подход к ценностям: «связи, компьютеры», «бриллианты». Также среди ответов встречались забавные («сон», «чай по утрам») и трогательные («любовь к волейболу», «любовь к животным»). Таким образом, спектр ценностей многообразен и их ранжирование не всегда одинаково. Тем не менее, приоритетность основополагающих ценностей является бесспорной.

Как мы уже отметили, среди наиболее значимых ценностей чаще всего упоминается семья. Имея в виду молодой возраст респондентов и, в подавляющем большинстве случаев, отсутствие у них опыта создания собственной семьи, был задан вопрос о том, какой они представляют себе идеальную семью. Прежде всего была проанализирована частота употребления тех или иных определений. Полученные ответы говорят о том, что в семейной жизни молодые люди больше всего ценят обстановку взаимопонимания, любви, уважения и поддержки. Довольно много респондентов акцентировали внимание на том, что семья должна быть полной и обеспеченной (таблица 2).

По большому счету участники опроса описывали те отношения, которые они хотели бы видеть в семье. В результате был получен целый спектр представлений. Одни подчеркивали значимость эмоциональной составляющей, атмосферы любви и ощущения счастья: «Когда все

члены данной семьи счастливы» (м, 18); «Где есть любовь, где все счастливы и никто не обделен» (ж, 18); «Идеальная семья состоит из любящих людей. Не обязательно кровное родство» (ж, 18); «Место, где любят. Место, где ты начинаешь понимать мир» (м, 20). Другие видели суть семейной жизни в единении интересов и сплоченности, неподдельном интересе друг к другу и стремлении держаться вместе: «Совместное решение проблем, обсуждение семейного бюджета, наличие совместного и раздельного отдыха» (ж, 18); «Большая и дружная, с общими традициями и праздниками» (ж, 18). Третьи обращали внимание на обязательное наличие детей: «В моем понимании семья возникает при рождении или появлении ребенка. До этого момента это супружеская пара» (ж, 20); «Полная многодетная семья» (м, 18); «Семья идеальна тогда, когда мужчина и женщина, в первую очередь, разговаривают друг с другом, уважают и ценят своего партнера. Когда оба из них самодостаточны, им следует задуматься о детях, и идеальная семья станет более идеальной!» (ж, 21). Встречались и ответы, в которых присутствовал прагматичный взгляд и удивительное для столь юного возраста понимание реалий жизни: «Мама и папа, может, уже и не любящие друг друга, как раньше, но живут вместе ради собственной бытовой стабильности и благополучия ребенка/детей» (м, 18). Для части респондентов немаловажное значение имеет материальная обеспеченность: «Традиционная семья без финансовых проблем» (м, 19); «Обеспеченная семья» (ж, 18). Обратил на себя внимание один очень искренний и лаконичный ответ: «Мама и папа должны быть» (м, 18). А в одном из ответов респондент как бы обобщил все вышесказанное: «Полная. Семья, в которой нет зависимостей (алкоголь, наркотики, азартные игры), никто ими не страдает. Достаток не ниже среднего (семья должна быть самостоятельна в материальном плане, чтобы без пособий, без материальной помощи других родственников). Семья без эмоционального и физического насилия от родителей друг к другу и к детям» (ж, 21).

Только четыре человека назвали идеальными семьи, в которых они живут: «Моя семья» (м, 19); «Моя семья для меня пример идеальной семьи» (м, 19); «Моя семья неполноценна, но для меня она идеальна. Была бы она полноценной, она бы

Таблица 2 — Какой в вашем представлении является идеальная семья?

Table 2 — What is the ideal family in your opinion?

Категория	Муж.	Жен.	Всего	
			абс.	%
взаимопонимание	33	43	76	31,5
любовь	26	37	63	26,1
полная	37	23	60	24,9
уважение	17	41	58	24,1
поддержка	23	28	51	21,2
обеспеченная	17	15	32	13,3
взаимопомощь	9	11	20	8,3
без конфликтов	7	11	18	7,5
гармония	6	12	18	7,5
желание вместе решать проблемы	5	12	17	7,1
доверие	7	10	17	7,1
общие цели на жизнь/мировоззрение	1	12	13	5,4
хорошие взаимоотношения	7	6	13	5,4
дружная	8	4	12	5,0
равноправие	5	6	11	4,6
спокойствие	4	6	10	4,1
готовая выслушать	5	4	9	3,7
благополучная	2	3	5	2,1

все так же была идеальной» (м, 18); «Идеальная семья в моем представлении – это моя семья! В которой родители понимают детей, дорожат временем с ними, стараются сделать для них всё, на все 100%. В которой дети не боятся рассказать о проблемах, могут свободно высказываться. Задавать друг другу сотни вопросов и получать ответы» (ж, 18).

Несколько респондентов скептически отнеслись к предложенному понятию «идеальная семья», однако после критических замечаний все же излагали свою позицию: «Идеальных семей нет, везде есть свои изъяны. Для меня идеальная семья – полная семья, где муж и жена любят друг друга и своих детей. В такой семье есть уважение ко всем членам семьи. Семья живет в достатке» (ж, 22); «В моем представлении идеальной семьи не существует. А если и есть, то это просто видимость для окружающих. Лично для меня идеальная семья, это когда люди в ней умеют друг к другу прислушиваться и идти на компромисс» (ж, 19); «Нет ничего идеального. Однако если в среде, которая состоит из неидеальных людей, процветает атмосфера любви и понимания, то это явление или среду я могу назвать идеальной семьей» (м, 22).

Итак, из ответов респондентов складывается следующий образ идеальной семьи: полная, с детьми, без финансовых проблем, скрепленная атмосферой взаимопонимания, любви и поддержки. Отметим, что для молодежи эмоциональный контекст является очень важным, когда речь идет о понятии «семья». Во многих ответах именно на это был сделан акцент.

Результаты опроса продемонстрировали, что полная семья является значимой ценностью для молодежи. В большинстве случаев (но не всегда!) имелась в виду семья с детьми. Поэтому студентам были заданы вопросы не просто о намерении в перспективе иметь детей, но и о своем отношении к ним. В итоге выяснилось, что 119 человек (49,4%) однозначно хотели бы в будущем иметь детей; 37 человек (15,4%) думают о такой возможности при определенных условиях (состояние здоровья, финансовое положение, наличие постоянного партнера и т. д.); 24 человека (9,9%) затруднились дать ответ, проявив равнодушие к данному вопросу или ссылаясь на свой возраст. В то же время четверть респондентов (25,3%) заявили о нежелании иметь детей (61 человек). Понятно, что жизнь внесет коррективы в планы молодых людей. Однако ориентация значительного количества респондентов на бездетность вызывает обеспокоенность в условиях сложной демографической ситуации на современном этапе.

Причины своего отношения к будущему родительству респонденты пытались обосновать. Те, кто выразил твердое намерение иметь в своей жизни семью и детей, приводят разные доводы. Довольно часто встречается мысль о необходимости продолжения рода и сохранения памяти. Причем об этом говорили и девушки, и юноши: «Я не могу представить, что мой род не продолжится после меня» (м, 21); «Дети – продолжение меня, а мне не хотелось бы прервать мой род» (ж, 21); «Ребенок будет нести память о нас и наших традициях» (м, 18); «Дети – это прежде всего наследники нашей памяти и семейных ценностей» (м, 18). Несколько молодых людей продемонстрировали удивительную для своего возраста зрелость в восприятии мужского и женского начала, а также жизненного цикла отдельного человека: «Я бы хотела иметь двоих детей: девочку и мальчика. Мальчик – для продолжения рода. А девочка – потому что без женщин этот мир будет тусклым» (м, 19);

«Дети для меня – завершающая ступень социального развития» (м, 18); «Дети не дают стабильность, с ними ты в постоянном движении» (ж, 19). Некоторые респонденты уже задумываются о передаче наследства: «Чтобы было кому передать нажитое имущество» (ж, 22). А кто-то хочет обеспечить себе старость: «В старости хочу находиться среди большого количества детей и внуков» (ж, 21); «Я смогу положиться на них в старости» (ж, 18). Одни хотят повторить положительный опыт своих предков: «Очень хочу, чтобы труды, гены, достоинства моих родителей и других предков перешли в будущее и принесли пользу» (ж, 18); «Я уверена, что благодаря моей семье я смогу воспитать своих детей достойными личностями» (ж, 18). Другие имеют желание не повторять ошибки своих родителей, стать лучше их: «Стать отцом, отличным в хорошую сторону от моего» (м, 19). Во многих ответах сквозит стремление создать хорошую и крепкую семью. Особенно радует, что некоторые молодые люди воспринимают детей как необходимую составляющую семейной жизни вне зависимости от кровного родства с ними: «Чтобы иметь полноценную семью и испытать счастье быть родителем» (ж, 22); «Я считаю детей неотъемлемой частью настоящей семьи. И не важно, приемные ли они» (ж, 19); «Я бы хотела иметь детей, так как это важно для создания собственной семьи» (ж, 18). Необходимо подчеркнуть, что молодые люди (в основном девушки) акцентируют внимание на таком важном факторе, как отношения с любимым человеком: «Есть желание создать жизнь с любимым человеком» (ж, 20); «Возможно, когда-нибудь в моей жизни появится человек, с которыми я захочу завести ребенка» (ж, 18); «Я бы хотела иметь детей от любимого и любящего супруга, потому что ребенок – это плод любви» (ж, 24); «Я считаю, что для начала в моей жизни должен появиться достойный человек, с которым я бы могла подумать о будущем» (ж, 19); «Разумеется, встретит соответствующего человека, чтобы основать семью» (ж, 20); «Все зависит от того, смогу ли я найти человека, которого люблю» (ж, 18). Наконец, во многих ответах чувствуется серьезное отношение к детям, неподдельное чувство любви к ним и восприятие их как счастья: «Я хотела бы иметь детей, чтобы подарить им хорошую жизнь. Хочу дать всё, чего не было у меня» (ж, 21); «Я люблю

детей и мне хочется постоянно о ком-то заботиться. Они же уютю» (ж, 18); «Дети – это самые искренние существа в мире, у них можно многому научиться, даже будучи взрослым и зрелым человеком» (ж, 18); «Я бы хотела ребенка, потому что с ним я бы смогла быть искренней, настоящей и дарить всю свою бесконечную любовь» (ж, 18); «Воспринимаю детей как радость в жизни, пусть и сопровождаемую трудностями» (ж, 18); «Я хочу иметь детей, потому что убежден, что они будут самой дорогой частью моей жизни» (м, 21); «Я бы хотела иметь детей, потому что люблю заботиться о ком-то и у меня есть желание подарить обществу достойного представителя» (ж, 24); «Это большая ценность в жизни, ради них я сделаю что угодно, чтобы они были счастливы» (ж, 18); «Дети для меня значат многое: наше будущее, наше счастье и радость» (м, 21). Одна девушка дала ответ, который, исходя из современных демографических реалий, удивил и порадовал одновременно: «Если у меня будут дети, значит, я достигла всех своих карьерных целей» (ж, 19).

Как было отмечено, часть респондентов проявляют осторожность и планируют семью с детьми при определенных условиях. Их ответы представляют собой осмысление жизненных стратегий, продумывание этапов следования по жизненному пути: «Я считаю, что для начала нужно заработать на свою жизнь и на жизнь будущего ребенка, проработать свои детские травмы, а уже потом планировать детей, чтобы они не росли в нищете и с больной, поломанной психикой» (ж, 18); «Я считаю, что заводить детей стоит к моменту стабильного материального состояния, здоровой семьи и тогда, когда оба партнера этого хотят и могут детям что-то дать (образование, воспитание, пропитание)» (ж, 18); «Для начала я бы хотела закончить учебу, найти интересующую меня работу, иметь стабильный заработок. Ведь для воспитания детей нужно много средств, как материальных, так и эмоциональных. Воспитывать ребенка сложно. Если будут проблемы за пределами семьи, это будет только угнетать» (ж, 18); «Для начала я хотела бы получить образование, найти работу, иметь финансовую подушку, морально созреть для материнства и проработать все личные проблемы, чтобы не нанести ребенку детские травмы, из-за проблем своего прошлого и комплексов. На данный момент я еще

ничего не достигла и ни с кем не встречаюсь, так что и для материнства еще не готова» (ж, 20); «В данный момент я считаю, что не готова вырастить ребенка. Ни физически, ни психологически, ни материально» (ж, 18). Ответственное отношение к будущему родительству характерно в основном для девушек. Для них в большей степени характерно предварительное продумывание своих дальнейших шагов в жизни.

Ответы респондентов, которые не желают иметь детей, зачастую звучат категорично и эгоистично: «Не хочу, потому что дети сильно обременяют» (м, 18); «Мне хочется больше времени посвятить себе, а не детям» (ж, 20); «Трата времени» (м, 19); «Не вписываются в планы» (ж, 18); «Потому что я хочу пожить для себя, а не для кого-то» (ж, 18); «Не хочу рисковать здоровьем. Мне комфортно в статусе бездетной» (ж, 22). Некоторые молодые люди обосновывают свою позицию конкретными доводами: «Множество трудностей. Большие траты. Требуют много времени. Нет гарантий, что они вырастут такими, какими их хотелось бы видеть» (м, 19); «Это затратно» (м, 18); «Не чувствую себя психологически стабильной, чтобы стать хорошим родителем» (ж, 22).

Несколько респондентов признались в своих специфических страхах: «Я боюсь того, что женщина может подать на развод, отсудить то, на что я копил, и платить алименты не хочу. Это главная из причин, почему я не хочу иметь детей. А еще, у меня проблемы с доверием» (м, 18); «Я не хочу неправильно вырастить ребенка. Чтобы он потом страдал от психических расстройств или негативного воздействия сверстников» (ж, 20). Для нескольких участников анкетирования характерен пессимистичный взгляд на мир в целом, что исключает желание иметь ребенка: «Я думаю, что в ближайшем будущем может случиться так, что люди будут не жить, а выживать в условиях умирающей экономики, множественных конфликтов и т. д. Тогда зачем заводить ребенка, обрекая его на такое будущее?» (ж, 24); «Я бы не хотела приводить в этот мир человека, который будет видеть только войну, жестокость и разруху, так как дети не должны страдать из-за ошибок взрослых» (ж, 20); «Не хочу приносить новую жизнь в этот мир (подчеркнуто респондентом – авт.)» (ж, 21). Своеобразный итог подвела девушка, которая так объяснила свое нежелание иметь детей: «Не хочу по многим при-

чинам: от беспокойства за свое здоровье (во время беременности/родов) до нестабильности в обществе. Плюс хотелось бы беспрепятственно реализовать самой в этой жизни, а не бросать все силы на воспитание ребенка» (ж, 18). Прямолинейная откровенность подобных ответов заставляет задуматься о ресурсах, которые можно задействовать, чтобы преодолеть столь негативный настрой. И речь не только о государственных программах по поддержке семей с детьми и стимулированию рождаемости, но и о повороте в общественном сознании посредством Интернета, СМИ, блогеров, деятелей культуры. Однако, несмотря на разные суждения, молодые люди проявляют серьезное отношение к будущему статусу родителя. Каждый, кто имел четкую позицию по этому вопросу, пытался обосновать свою точку зрения, привести веские аргументы.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Подводя итоги, обратим внимание на несколько моментов. В системе ценностей студенческой молодежи выделяются такие категории, как семья, друзья, деньги, любовь, свобода и здоровье. Причем значимость семьи отмечена большинством респондентов. И это несмотря на то, что всего несколько участников опроса, рассуждая об идеальных семьях, привели в пример свои. Представления об идеальных семьях варьируются. Однако наиболее распространенное представление таково: полная семья без финансовых проблем, в которой царит обстановка взаимопонимания, поддержки и любви.

Будущее родительство рассматривается вариативно: от твердого намерения стать в будущем отцом или матерью, а также прагматичного осмысления условий для рождения ребенка до отрицания потребности в детях и нежелания выполнять родительские функции. При этом часть респондентов, в силу молодого возраста и студенческого статуса, затрудняется сказать что-либо определенное относительно своей будущей роли родителя.

В большинстве случаев дети рассматриваются как необходимая составляющая жизни человека и залог семейного счастья. В восприятии молодежи дети являются продолжателями рода, наследниками, хранителями памяти о предках и семейных традициях. В то же время молодые люди проявляют определенную ответственность в вопросе о рождении детей, отмечая значение материального благосостояния, психологической готовности, а также чувства любви к своему партнеру. Ориентация части молодежи на бездетность связана как с эгоизмом, так и с неуверенностью в завтрашнем дне и страхом повторить неудачный опыт родительской семьи.

Проведенное исследование продемонстрировало важность анализа демографических процессов на микроуровне, то есть с позиции человека, с учетом его ценностей и жизненных установок. Именно микроуровень является основой всех демографических явлений, а потому внимание к данному аспекту может вывести на глубинное понимание тенденций развития населения на макроуровне и определение основных направлений по достижению демографического благополучия. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI 10.19181/demis.2021.1.4.1. EDN HNFJKJ.

2. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Архангельский В. Н. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад: Монография. Москва: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 108 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7. EDN YHMZPP.

3. Шувалова Н. В., Муталимова А. М. Некоторые аспекты социализации личности и формирования ценностных ориентаций современного

студента // *Педагогика и психология образования*. 2023. № 2. С. 138–151. DOI 10.31862/2500-297X-2023-2-138-152. EDN DQTIVQ.

4. Сахарчук Е. С., Киселева И. А., Баграмян Э. Р., Сахарчук А. Л. Аксиология образования: идеалы и объединяющие ценности в социальном воспитании современной студенческой молодежи // *Образование и наука*. 2023. Т. 25, № 3. С. 67–96. DOI 10.17853/1994-5639-2023-3-67-96. EDN HIBZZL.

5. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // *Социологические*

исследования. 2023. № 5. С. 97–107. DOI 10.31857/S013216250023772-2. EDN KQDNSZ.

6. **ЗАБЕЛИНА Е. В.** Психологическое время личности и жизненные ценности студенческой молодежи в глобальном обществе (на материале Японии и России) // *Научно-педагогическое обозрение*. 2020. № 4 (32). С. 180–187. DOI 10.23951/2307-6127-2020-4-180-187. EDN ADHIXK.

7. **ЗУБОК Ю. А., ЧУПРОВ В. И., ЛЮБУТОВ А. С., СОРОКИН О. В.** Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12, № 3. С. 79–98. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.738. EDN YXTHRJ.

8. **КОХ И. А.,** Орлов В. А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 2. С. 142–169. DOI 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170. EDN ZCAWVH.

9. **ЛИМОНЦЕВА Г. В.** Ценностные ориентации современной студенческой молодежи // *Научное мнение*. 2018. № 4. С. 60–66. EDN XNONYT.

10. **МАЛОЛЕТНЕВА И. В., ЖИРАТКОВА Ж. В., ЭЛИАРОВА Т. С.** О ценностях студенческой молодежи // *Вестник РМАТ*. 2018. № 2. С. 12–19. EDN XYPLXF.

11. **ВИСКОВА Т. А., МАЛЫШЕВ К. Б.** Исследование ценностных ориентаций студентов Вологодского государственного университета // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2022. № 2 (107). С. 128–137. DOI 10.23859/1994-0637-2022-2-107-10. EDN EFEBVZ.

12. **ВИШНЕВСКИЙ Ю. Р., ЗАБОКРИЦКАЯ А. Д., КУЛЬМИНСКАЯ А. В.** Самооценка здоровья студентов Свердловской области: мониторинговое исследование // *Вопросы управления*. 2021. № 4 (71). С. 123–135. DOI 10.22394/2304-3369-2021-4-123-135. EDN ZZPZUS.

13. **ВЕПРЕВА И. Т., ИЦКОВИЧ Т. В., МИХАЙЛОВА О. А.** Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 277–288. DOI 10.15826/qr.2023.1.789. EDN AYGLSL.

14. **КОРШУНОВА С. А.,** Латий Е. И. Ценностные ориентации студенческой молодежи в цифровую эпоху // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2023. № 2 (35). С. 127–132. EDN HTQIZH.

15. **АСТРАТОВА Г. В., ИЗМАЙЛОВ А. М.,** Семенов М. М., Митро М. С. Проблемы ценностей и выбора образовательных услуг студенческой молодежи в условиях цифровизации экономики (предварительный анализ) // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 3. EDN MWPKMB.

16. **ВИШНЕВСКАЯ М. Н., АНДРЕЕВА Е. А.** Изучение жизненных ценностей студентов педагогического вуза: сравнительный анализ // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 2 (139). С. 261–267. EDN BGNHNV.

17. **РОСТОВСКАЯ Т. К., ШАБУНОВА А. А., КАЛАЧИКОВА О. Н.** Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 3. С. 31–42. DOI 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN IVVVAZ.

18. **ЗЫРЯНОВА М. А.** Рождаемость в период пандемии COVID-19: причины формирования динамики // *Вопросы управления*. 2022. № 5 (78). С. 66–80. DOI 10.22394/2304-3369-2022-5-66-80. EDN BVSVDY.

19. **ПОЛЕНОВА М. Е., ЛАЗУРЕНКО Н. В.,** Подпорошникова Н. Н., **КОРОЛЕВА К. Ю.** Матримониальное поведение студенческой молодежи в контексте изучения социального здоровья (гендерный аспект) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31, № S1. С. 765–773. DOI 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN VZYRHE.

20. **БЛОХИНА М. В., ГРИГОРЬЕВ А. Г.** Семейные ценности студентов: опыт социологического исследования в вузе (на примере Тверского государственного технического университета) // *Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: Одиннадцатый ежегодный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ / под ред. О. Ю. Ильина. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2023. С. 9–12. EDN FWLZLO.*

21. **АЙГУМОВА З. И.** Семейные ценности современной молодежи (на примере исследования студентов педагогического университета) // *Проблемы современного образования*. 2022. № 4. С. 41–55. DOI 10.31862/2218-8711-2022-4-41-55. EDN ТВРХЛХ.

22. **НЕШАТАЕВ А. В., БЛЕДНОВА Н. Д., БАГИРОВА А. П.** Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации // *Вопросы управления*. 2023. № 4 (83). С. 54–67. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67. EDN YIRHEV.

23. **ЛЕВЧЕНКО В. В., БАЯНДИНА Я. О.** Отношение к добровольной бездетности в современном российском обществе // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического*

университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 131–141. DOI [10.15593/2224-9354/2023.1.10](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.10). EDN UONTDC.

24. INGLEHART, R., & WELZEL, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

25. LESTHAEGHE, R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(51), 18112–18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.

26. WOOD, J., & NEELS, K. (2019). Does mothers' parental leave uptake stimulate continued employment and family formation? Evidence for Belgium. *Social Sciences*, 8(10), 292. <https://doi.org/10.3390/socsci8100292>.

[socsci8100292](https://doi.org/10.3390/socsci8100292).

27. LEBANO A., JAMIESON L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement narratives // *Population and Development Review*. 2020. Т. 46, № 1. С. 121–144. DOI [10.1111/padr.12313](https://doi.org/10.1111/padr.12313).

28. BROWN, S. L., MANNING, W. D., & STYKES, J. B. (2015). Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*, 77(1), 177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>.

29. ERIKSSON, C., LARSSON, M., SKOOG SVANBERG, A., & TYDÉN, T. (2013). Reflections on fertility and postponed parenthood-interviews with highly educated women and men without children in Sweden. *Upsala Journal of Medical Sciences*, 118(2), 122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>.

REFERENCES

1. RYAZANTSEV, S. V., & MIRYAZOV, T. R. (2021). Demographic well-being: Theoretical approaches to definition and assessment methodology. *DEMIS. Demographic Research*, 1(4), 5–19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

2. RYAZANTSEV, S. V., ROSTOVSKAYA, T. K., & ARKHANGELSKY, V. N. (2022). *Demographic well-being of Russia. National Demographic Report*. Publishing and trading house "PERSPECTIVE". <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7>.

3. SHUVALOVA, N. V., & MUTALIMOVA, A. M. (2023). Some aspects of individual socialization and formation of value orientations of a modern student. *Pedagogy and Educational Psychology*, (2), 138–151. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2023-2-138-152>.

4. SAKHARCHUK, E. S., KISELEVA, I. A., BAGRAMYAN, E. R., & SAKHARCHUK, A. L. (2023). Axiology of education: Ideals and unifying values in social education of modern student youth. *Education and Science Journal*, 25(3), 67–96. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-3-67-96>.

5. REUTOV, E. V., REUTOVA, M. N., & SHAVYRINA, I. V. (2023). Life goals of youth and ways to achieve them (a survey in the south-western and southern regions of Russia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 97–107. <https://doi.org/10.31857/S013216250023772-2>.

6. ZABELINA, E. V. (2020). Psychological time and live values of students in the global society (the study of Japanese and Russians). *Pedagogical Review*, (4), 180–187. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-4-180-187>.

7. ZUBOK, YU. A., CHUPROV, V. I., LYUBUTOV, A. S.,

& SOROKIN, O. V. (2021). Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 12(3), 79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>.

8. КОКХ, И. А., & ОРЛОВ, В. А. (2020). Values and professional identity of student-age population. *Education and Science Journal*, 22(2), 142–169. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-143-170>.

9. LIMONTSEVA, G. V. (2018). Value orientations of modern student youth. *Scientific Opinion*, (4), 60–66. <https://elibrary.ru/xnonyt>.

10. MALOLETNEVA, I. V., ZHIRATKOVA, ZH. V., & ELIAROVA, T. S. (2018). About values of learning youth. *RMAT Bulletin*, (2), 12–19. <https://elibrary.ru/xyplxf>.

11. VISKOVA, T. A., & MALYSHEV, K. B. (2022). Research of students' value orientations at Vologda State University. *Cherepovets State University Bulletin*, (2), 128–137. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-2-107-10>.

12. VISHNEVSKY, YU. R., ZABOKRITSKAYA, L. D., & KULMINSKAYA, A. V. (2021). Self-assessment of health by the Sverdlovsk region students: A monitoring study. *Management Issues*, (4), 123–135. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-4-123-135>.

13. VEPREVA, I. T., ITSKOVICH, T. V., & MIKHAILOVA, O. A. (2023). The value system of today's students: From family well-being to self-realisation. *Quaestio Rossica*, 11(1), 277–288. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.789>.

14. KORSHUNOVA, S. A., & LATTY, E. I. (2023). Value orientations of student youth in the digital age. *Problems of Social and Humanitarian Sciences*, (2),

127–132. <https://elibrary.ru/htqizh>.

15. АСТРАТОВА, Г. В., ИЗМАЙЛОВ, А. М., СЕМЕНОВ, М. М., & МИТРО, М. С. (2023). Values and choice of educational services problems for student youth in the conditions of the economy digitalization (preliminary analysis). *Bulletin of Eurasian Science*, 15(3). <https://elibrary.ru/mwpmkmb>.

16. VISHNEVSKAYA, M. N., & ANDREEVA, E. A. (2020). Study of life values of students of pedagogical higher education: Comparative analysis. *Kazan Pedagogical Journal*, (2), 261–267. <https://elibrary.ru/bghhhv>.

17. РОСТОВСКАЯ, Т. К., ШАБУНОВА, А. А., & КАЛАЧИКОВА, О. Н. (2023). Marriage and family conceptions of student youth: According to the results of the author's study. *Woman in Russian Society*, (3), 31–42. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.3.3>.

18. ЗЫРЯНОВА, М. А. (2022). Fertility in the Covid-19 pandemic: Dynamics reasons. *Management Issues*, (5), 66–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-66-80>.

19. ПОЛЕНОВА, М. Е., ЛАЗУРЕНКО, Н. В., ПОДПОРИНОВА, Н. Н., & КОРОЛЕВА, К. Ю. (2023). Matrimonial behavior of student youth in the context of social health studying (gender aspect). *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 31(S1), 765–773. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773>.

20. БЛОХИНА, М. В., & ГРИГОРИЕВ, Л. Г. (2023). Students' family values: The experience of sociological research at the university (on the example of Tver State Technical University). In O. Yu. Ilyin (Ed.) *Management Problems in Social, Humanitarian, Economic and Technical Systems* (pp. 9–12). Tver State Technical University. <https://elibrary.ru/fwlzlo>.

21. АИГУМОВА, З. И. (2022). Family values of modern youth (the case study of pedagogical university students). *Problems of Modern Education*, (4), 41–55. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-4-41-55>.

22. NESHATAEV, A. V., BLEДНОВА, N. D., & BAGI-

ROVA, A. P. (2023). Delegating parental responsibilities on parental leave: Opportunities for transformation. *Management Issues*, (4), 54–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-54-67>.

23. LEVCHENKO, V. V., & BAYANDINA, YA. O. (2023). Attitude to voluntary childlessness in modern Russian society. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*, (1), 131–141. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.10>.

24. INGLEHART, R., & WELZEL, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

25. LESTHAEGHE, R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(51), 18112–18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.

26. WOOD, J., & NEELS, K. (2019). Does mothers' parental leave uptake stimulate continued employment and family formation? Evidence for Belgium. *Social Sciences*, 8(10), 292. <https://doi.org/10.3390/socsci8100292>.

27. LEBANO A., JAMIESON L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement narratives // *Population and Development Review*. 2020. Т. 46, № 1. С. 121–144. DOI 10.1111/padr.12313.

28. BROWN, S. L., MANNING, W. D., & STYKES, J. B. (2015). Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*, 77(1), 177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>.

29. ERIKSSON, C., LARSSON, M., SKOOG SVANBERG, A., & TYDÉN, T. (2013). Reflections on fertility and postponed parenthood-interviews with highly educated women and men without children in Sweden. *Upsala Journal of Medical Sciences*, 118(2), 122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>.

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ: ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ, ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

А. Е. Иванова^а, С. А. Вангородская^{аб}

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

^б Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В условиях увеличения доли пожилых людей в населении смещение фокуса внимания в сторону решения проблем здорового долголетия является одним из условий обеспечения социальной, экономической и геополитической устойчивости современного общества. Однако, несмотря на актуальность проблематики, можно говорить о существовании ряда проблем, снижающих эффективность реализации политики активного долголетия и диктующих необходимость проведения дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Целью статьи является определение дефиниции активного долголетия, анализ и систематизация основных детерминант, воздействующих на повышение продолжительности и качества жизни, а также выявление основных противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта.

Методы. В основу методологии проведенного исследования положены концепции активного долголетия, демографического, эпидемиологического и обратного эпидемиологического переходов, подходы, рассматривающие специфику активного долголетия в мужских и женских популяциях, теории демографической безопасности и демографического благополучия. Для подтверждения теоретических выводов применялся вторичный анализ результатов социологических исследований по данной проблематике. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные Организации Объединенных Наций и Федеральной службы государственной статистики.

Результаты. Для изучения феномена активного долголетия в научной литературе используются понятия, затрагивающие различные аспекты благополучия пожилых людей и наиболее отвечающие потребностям и/или вызовам современного «стареющего» общества.

Всю совокупность факторов активного долголетия можно условно объединить в три группы: факторы макро-, мезо- и микроуровня. Применительно к социуму, находящемуся в состоянии перманентной трансформации, определяющими выступают социально-экономические, политические и культурно-исторические факторы, состояние экологии, специфика социальной структуры и стратификации, условия труда и быта, развитость социальных сетей.

Анализ стратегических нормативных документов международного и российского уровней, принятых в рамках реализации стратегии активного долголетия, продемонстрировал смещение акцента на рассмотрение проблем старения населения не как демографической угрозы, а как общемирового процесса, предоставляющего новые возможности реализации потенциала для населения старших возрастных групп и общества в целом.

Выводы. Концептуальное осмысление феномена старения населения в научном и политическом дискурсе, связанное в том числе со смещением фокуса в сторону активного долголетия, открывает большие перспективы как для самих пожилых людей, так и для государства, заинтересованного

в реализации потенциала пожилых людей, в том числе для обеспечения социально-экономической, политической и демографической безопасности и устойчивости.

Предложенная в рамках данной статьи классификация детерминант активного долголетия охватывает всю совокупность факторов макро-, мезо- и микроуровня и может быть использована при корректировке стратегий активного долголетия на федеральном и региональном уровнях.

Важным представляется также учет и разрешение противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: старение населения, активное долголетие, детерминанты активного долголетия, демографическая безопасность, демографическое благополучие, пожилое население, демографическая политика, стратегии активного долголетия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванова А. Е., Вангородская С. А. Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 38-51. EDN IDDCXW. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-38-51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заведующий отделом здоровья и самосохранительного поведения*; ivanova-home@yandex.ru. SPIN-код: 7621-8398, ORCID: 0000-0002-0258-3479, ScopusID: 24329092500, ResearcherID: R-7551-2016.

Вангородская Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *ведущий научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения*; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, Белгород, Победы, 85) — *профессор кафедры социальных технологий и государственной службы*; Vangorodskaya@bsu.edu.ru. SPIN-код: 1094-8083, ORCID: 0000-0002-1100-423X, ResearcherID: AAD-4597-2022.

Статья поступила 14.02.2024; рецензия получена 18.03.2024; принята к публикации 02.05.2024.

ACTIVE LONGEVITY: CONCEPT DEFINITION, KEY DETERMINANTS AND CONTRADICTIONS

A. E. Ivanova^a, S. A. Vangorodskaya^{ab}

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

^b Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. With the increasing share of elderly people in the population, shifting the focus of attention towards solving the problems of healthy longevity is one of the conditions for ensuring social, economic and geopolitical sustainability of modern society. However, despite the relevance of the issue, we can talk about the existence of a number of problems that reduce the effectiveness of the implementation of the active longevity policy and dictate the need for further theoretical and empirical research.

The purpose of the article is to elaborate the definition of active longevity, analyze and systematize the main determinants affecting the increase in life expectancy and quality of life, and identify the key contradictions demonstrating the vulnerable nature of the concept of active longevity as a political, economic and social construct.

Methodology. The methodology of the study is based on the concepts of active longevity, demographic, epidemiological and reverse epidemiological transitions, approaches considering active longevity specifics in male and female populations, the theory of demographic security and demographic well-being. To confirm the theoretical conclusions, a secondary analysis of the results of sociological research on this issue was used. The information base of the article was compiled by the official statistics of the United Nations and the Federal State Statistics Service.

Results. To study the phenomenon of active longevity, the scientific literature uses concepts that affect various aspects of the well-being of elderly people and best meet the needs and/or challenges of a modern “aging” society.

The whole set of factors of active longevity can be conditionally combined into three groups: macro-, meso- and micro-level factors. In the case of a society in a state of permanent transformation, socio-economic, political, cultural and historical factors, the state of ecology, the specifics of social structure and stratification, working and living conditions, and the development of social networks are decisive.

An analysis of strategic regulatory documents at the international and Russian levels, adopted as part of the implementation of the active longevity strategy has demonstrated a shift in emphasis to considering the problems of population aging not as a demographic threat, but as a global process that provides new opportunities for realizing the potential of the population of older age groups and society as a whole.

Conclusions. A conceptual understanding of the phenomenon of population aging in scientific and political discourse, including a shift in focus towards active longevity, opens up great prospects both for the elderly themselves and for the state interested in realizing the potential of older people, including for ensuring socio-economic, political and demographic security and sustainability.

The classification of determinants of active longevity proposed in this article covers the entire set of macro-, meso- and micro-level factors and can be used to adjust active longevity strategies at the federal and regional levels.

It is also important to take into account and resolve the contradictions that demonstrate the vulnerability of the concept of active longevity and require close attention from authorities, public structures and the scientific community.

KEYWORDS: population aging, active longevity, determinants of active longevity, demographic security, demographic well-being, elderly population, demographic policy, strategies of active longevity

FOR CITATION: Ivanova, A. E., & Vangorodskaya, S. A. (2024). Active longevity: concept definition, key determinants and contradictions. *Management Issues*, 18(3), 38–51. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51>

AUTHORS' INFORMATION:

Alla E. Ivanova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *head of the Department of Health and Self-Preservation Behavior*; ivanova-home@yandex.ru. RSCI SPIN: 7621-8398, ORCID: 0000-0002-0258-3479, ScopusID: 24329092500, ResearcherID: R-7551-2016.

Svetlana A. Vangorodskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *leading researcher of the Department of Health and Self-Preservation Behavior*; Belgorod State National Research University (85, Pobedy, Belgorod, 308015, Russia) — *professor of the Department of Social Technologies and Public Administration*; Vangorodskaya@bsu.edu.ru. RSCI SPIN: 1094-8083, ORCID: 0000-0002-1100-423X, ResearcherID: AAD-4597-2022.

The article was submitted 02/14/2024; reviewed 03/18/2024; accepted for publication 05/02/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Интерес мирового научного сообщества к проблеме активного долголетия неразрывно связан с проблемами демографической устойчивости, безопасности и благополучия, стоящими сегодня перед большинством развитых стран. Смещение фокуса внимания в сторону различных аспектов повышения продолжительности и качества жизни населения старших возрастных групп стало не только одним из ключевых трендов последних десятилетий, но и важнейшим драйвером перемен во всех сферах современного общества.

Согласно прогнозам Всемирной организации здравоохранения, за период с 2015 по 2050 г. доля населения мира в возрасте старше 60 лет почти удвоится и составит 22% (против 12% в 2015 г.), а численность населения в возрасте старше 80 лет за 2020–2050 гг. вырастет втрое и достигнет 426 млн человек¹. Это выдвигает перед обществом ряд актуальных задач, обусловленных изменением роли и положения пожилых людей в обществе и связанных как с необходимостью расширения их прав и возможностей интеграции в активную социальную жизнь, так и с необходимостью адаптации самого общества к существенным изменениям, инициированным повышением в населении доли лиц старших возрастных групп.

Актуальность проблемы активного долголетия в России, как и в других развитых странах мира, обусловлена в первую очередь процессами старения населения, результатом чего становится трансформация возрастной пирамиды в сторону увеличения доли пожилых людей (которая сравнивается или даже превышает долю детей). Согласно среднему варианту прогноза, представленного Росстатом в конце 2023 г. с учетом результатов Всероссийской переписи населения 2021 г., доля детей и подростков моложе 15 лет уменьшится за период с 2024 до 2045 г. с 18,4 до 15,6%, а доля населения старше трудоспособного возраста за тот же период увеличится с 23,6 до 26,9%².

В условиях увеличения доли пожилых людей в населении смещение политического, социального и научного дискурса в сторону решения проблем здорового долголетия является одним из ключевых условий развития и благополучия со-

временного социума, обеспечения его социальной, экономической и геополитической устойчивости.

Целью статьи является определение дефиниции активного долголетия, анализ и систематизация основных детерминант, воздействующих на повышение продолжительности и качества жизни, а также выявление основных противоречий, снижающих эффективность реализации программ активного долголетия в России.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу методологии проведенного исследования положены концепции активного долголетия, демографического, эпидемиологического и обратного эпидемиологического переходов, подходы, рассматривающие специфику активного долголетия в мужских и женских популяциях, теории демографической безопасности и демографического благополучия. Для подтверждения теоретических выводов применялся анализ стратегических нормативных документов международного и российского уровней, принятых в рамках реализации стратегии активного долголетия, а также вторичный анализ результатов социологических исследований по данной проблематике. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные Организации Объединенных Наций и Федеральной службы государственной статистики.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (2002) понятие «активное старение» (преобразованное в русскоязычном пространстве в «активное долголетие», призванное нивелировать негативные ассоциации с ускоренным старением) понимается как «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества, защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения»³ и складывается из трех составляющих: физического и ментального здоровья, активности во всех ее проявлениях (экономической, политической, социальной и пр.), а также безопасности – как физической, так и материальной⁴.

¹ Старение и здоровье // Всемирная Организация Здравоохранения. 2022. 1 октября. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 01.11.2023).

² Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. 2021. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

⁴ Там же.

В настоящее время для изучения феномена активного долголетия в научной литературе используются понятия, затрагивающие различные аспекты благополучия (термин, используемый во многих стратегических документах как синоним «качества жизни») пожилых людей [1, с. 6; 2, с. 13–18]. К их числу относятся такие, как «успешное старение», «позитивное старение», «осознанное старение», «гармоничное старение», «оптимальное старение», «продуктивное старение», «здоровое старение» [3]. Каждое из этих понятий отражает ту сферу долголетия, которая представляется авторам наиболее отвечающей потребностям и/или вызовам современного «стареющего» общества. Изначально под «успешным старением» [4–5] понималась «максимальная удовлетворенность пожилого человека жизнью без серьезных затрат для общества» [4], дополненная впоследствии такими компонентами, как низкая вероятность заболеваемости и инвалидности, высокая физическая и когнитивная активность, а также разнообразный досуг и активное участие в общественной жизни [6].

В отечественной литературе наиболее широкий подход к дефиниции активного долголетия представлен в работах ученых вологодской школы (Барсуков В. Н., Калачикова О. Н., Короленко А. В., Шабунова А. А.), в соответствии с которым оно рассматривается как социальное явление, включающее «распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, а также на развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, с одной стороны, и эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения – с другой» [3, с. 41].

Таким образом, человек рассматривается не как объект заботы государства в лице его институтов для обеспечения условий благополучной жизнедеятельности, но как активный субъект, который в соответствии с системой ценностей реализует практики достижения активного долголетия на протяжении жизни, а не только в пожилом возрасте. Это позволяет гармонизировать интересы личности и ее удовлетворенность жизнью в результате самореализации и интересы государства по эффективному использованию человеческого потенциала.

Различные вариации данного концептуального подхода встречаются в работах других авторов. Так, Е. В. Васильева рассматривает феномен активного долголетия через призму двух подходов: комплексного (ориентированного на изучение реализации потенциала пожилых людей в различных сферах жизни общества) и экономического (делающего акцент на государственных интересах в экономической сфере и рассматривающего сохранение здоровья пожилых людей как необходимое условие их привлечения на рынок труда) [2, с. 22–26].

Второй – экономический – подход является наиболее распространенным и транслируется в значительном числе научных работ. Это во многом стало закономерным результатом сокращения доли населения трудоспособного возраста, усугубления нагрузки на социальную сферу и, как следствие, необходимости продления периода активной трудовой деятельности, в первую очередь, все увеличивающейся категории населения старших возрастных групп. Не стал исключением и коллективный научный труд «Горизонт 2040» о будущем России, вышедший в конце 2023 г. и объединивший результаты научных исследований в области демографии, экологии, здравоохранения, климата, энергетики и пр. Один из участников проекта Д. Р. Белоусов, характеризуя глобальные технологические тренды 2022–2040 годов, связывает развитие технологий продления человеческой жизни и активной старости в первую очередь с дефицитом трудовых ресурсов в развитых странах⁵.

Смещение акцента на рассмотрение проблем старения населения не как демографической угрозы, а как общемирового процесса, предоставляющего новые возможности реализации потенциала для населения старших возрастных групп и общества в целом, происходит при разработке и реализации стратегических и программных документов различного уровня.

В докладе «Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе», представленном Всемирной организацией здравоохранения в 2021 г., описаны 8 основных направлений (областей стратегических действий), которые распределены по трем крупным секторам (физическая среда, социальная среда и муниципальные услуги) и должны быть положены в основу

⁵ Горизонт 2040. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/> (дата обращения: 25.01.2024).

реализации стратегий политики активного долголетия в странах Европы. При этом в качестве ключевого условия для обеспечения здорового старения выступает создание поддерживающей среды, дающей возможность пожилым людям «возможность вести здоровый и активный образ жизни на всех ее этапах с учетом их различных потребностей и потенциала»⁶.

По сути близкое по значению определение активного долголетия как состояния «социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии»⁷ представлено в научно-методическом докладе НИУ ВШЭ «Концепция политики активного долголетия», изданном в 2020 г.

При этом в качестве двуединой цели политики активного долголетия заявлено обеспечение «всем гражданам условий для плодотворной и независимой жизни и, наряду с этим, мобилизация потенциала стареющего общества для его непрерывного устойчивого развития»⁸. Эта цель положена в основу ряда стратегических и программных документов федерального и регионального уровня (таких как Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.⁹, национальный проект «Демография»¹⁰ и пр.), а также использовано при разработке индекса активного долголетия (*Active Ageing Index*) в Российской Федерации, разработанного Федеральной служ-

бой государственной статистики и утвержденного приказом Росстата от 31 октября 2019 г.¹¹.

Наряду с положительной оценкой расширения дефиниции «активное долголетие» можно выделить также и ряд проблем, связанных в том числе с многообразием и разнородностью международных и отечественных методик измерения активного долголетия [1-3; 7-9]. Это приводит к сложностям межстрановых и межрегиональных сопоставлений, а также снижению эффективности (экономической и социальной) программ и проектов, разрабатываемых в рамках реализации политики активного долголетия, и диктует потребность в разработке интегрального индекса активного долголетия, которая, несмотря на определенные успехи в этой сфере, до сих пор не решена [8; 10].

Данная проблема является следствием не только многогранности самого понятия «активное долголетие», но и плюрализма мнений в отношении обуславливающих его детерминант.

Наиболее полное представление о детерминантах активного долголетия можно получить, анализируя индекс активного долголетия (ИАД), представленный в методических рекомендациях ООН¹². В индекс вошли 22 показателя¹³, сгруппированные в четыре субиндекса (домена), такие как «занятость, участие в жизни общества, независимая, здоровая и безопасная жизнь,

⁶ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. С. 9 // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

⁷ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020 г.) / под ред. А. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 7.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁰ Паспорт Национального проекта «Демография» // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 12.01.2024).

¹¹ Индекс активного долголетия (Active Ageing Index) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации // Европейская экономическая комиссия ООН. 2018. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

¹³ В число 22 показателей входят: занятость; волонтерская деятельность; уход за детьми, внуками; уход за пожилыми людьми; участие в политической жизни; физическая активность; доступ к медицинской и стоматологической помощи; независимое проживание; оценка финансового положения пожилых относительно остального общества; риск бедности; риск материальных лишений; относительный медианный доход; отсутствие риска бедности; отсутствие материальной депривации; физическая безопасность; непрерывное обучение; степень достижения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) целевого показателя в 105 лет; доля ожидаемой продолжительности здоровой жизни в общей ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет; психическое благополучие; использование сети Интернет; социальные связи; уровень образования. Источник: Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации. 2018. С. 19-52 // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 17.11.2023).

а также имеющийся потенциал и благоприятная среда для активного долголетия»¹⁴.

Всемирной организацией здравоохранения выделены шесть детерминант активного долголетия: экономические и социальные факторы, физическое окружение, социальное и медицинское обслуживание, индивидуальные физические и психологические характеристики¹⁵.

Ссылаясь на результаты исследований, Т. А. Бурцева, С. Н. Гагарина и Н. Ю. Чаусов выделяют следующие компоненты качества жизни пожилых людей, которые, на наш взгляд, также можно считать одновременно и характеристиками, и основными детерминантами активного долголетия: «состояние здоровья, физическая, трудовая и социальная активность, наличие семьи, друзей и доверительного лица, финансовая независимость, окружающая среда и ее безопасность» [1, с. 9].

Изучение факторов активного долголетия находится в фокусе внимания вологодской научной школы и основано как на анализе теоретических работ, так и на результатах эмпирических исследований [3; 10–13]. В результате, ключевыми компонентами активного долголетия названы «здоровье, занятость (трудовая деятельность, социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование и развитие») [3, с. 31], а все детерминанты объединены в две группы: «внутренние, связанные с поведением человека (установки, мотивы и действия), и внешние, отражающие условия среды (доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни)» [3, с. 31].

Большая часть этих факторов еще в 90-х гг. XX века легли в основу разработанной G. Dahlgren и M. Whitehead¹⁶ «многослойной» модели социальных детерминант здоровья и позднее были систематизированы Л. В. Пановой в рамках предложенной ею многоуровневой методологии изучения здоровья [14].

¹⁴ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации. 2018. С. 6 // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

¹⁵ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Сивянской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 8.

¹⁶ Dahlgren, G., & Whitehead. M. *Policies and strategies to promote social equity in health*. Stockholm: Institute for Future Studies, 1991.

В работе М. С. Пристрома и соавторов на основе результатов исследования 106 долгожителей в возрасте от 90 до 102 лет, проживающих в Минской области Республики Беларусь, был сделан вывод о том, что «феномен долголетия имеет многофакторную обусловленность, возникающую вследствие сложного взаимодействия наследственных и внешнесредовых факторов» [15]. Аналогичные выводы были сделаны в рамках биографического исследования, проведенного С. А. Вангородской с использованием данных полуструктурированных интервью 30 женщин-долгожительниц России в возрасте от 90 до 131 года [16].

Суммируя наработки по данному вопросу, всю совокупность факторов активного долголетия можно условно объединить в три группы:

1) факторы макроуровня, представляющие собой объективные условия реализации стратегий активного долголетия и включающие экономические, политические, экологические, социокультурные и институциональные особенности конкретного общества;

2) факторы мезоуровня, в число которых входят: условия проживания, степень участия в экономической и социальной жизни общества, степень социальной защищенности и доступности государственных и негосударственных медицинских услуг и лекарственного обеспечения, гендерная специфика реализации стратегий активного долголетия, степень включенности в социальные сети, семейные и иные малые группы, виды социальных взаимодействий между людьми в процессе ежедневных практик здоровьесбережения, формальные и неформальные нормы (стандарты) в отношении здоровья и продолжительности жизни, действующие на уровне малых социальных групп (семьи, друзей, сверстников) и пр.;

3) факторы микроуровня, отражающие условия реализации стратегий активного долголетия на индивидуальном уровне и включающие в себя: индивидуальные характеристики здоровья (в том числе генетическую предрасположенность к долголетию и пр.), ценностные и диспозиционно-мотивационные аспекты долголетия, нормы в отношении здоровья и индивидуальные практики самосохранительного поведения, сформированные семьей и ближайшим окружением, степень информированности в отношении рисков, угроз и стратегий самосохранительного поведения, уровень испытываемого

стресса, опыт столкновения со смертью и пр., оказывающие непосредственное и опосредованное влияние на реализацию индивидуальных стратегий активного долголетия.

Изучая детерминанты активного долголетия, исследователи Санкт-Петербургской школы И. Григорьева и Е. Богданова пришли к выводу о доминирующей роли индивидуальной активности в поддержании физического, психического и социального здоровья. Отмечая стремление россиян «скорее преувеличивать степень нездоровья и пожаловаться на медицину, чем активно заниматься поддержанием или сохранением здоровья» [17, с. 202], авторы ссылаются на четырехфакторную модель здоровья, принятую в международной практике и отводящую медицинской помощи «не более 10–15% обеспечения здоровья, а собственному образу жизни – около 50%» [17, с. 201].

Безусловно, проявление индивидуальной активности в выстраивании и реализации стратегий самосохранительного поведения можно считать одним из важнейших факторов обеспечения активного долголетия. Однако применительно к социуму, находящемуся в состоянии перманентной трансформации, определяющими, на наш взгляд, выступают все-таки социально-экономические, политические и культурно-исторические факторы, состояние экологии, специфика социальной структуры и стратификации, условия труда и быта, развитость социальных сетей. Это умозаключение перекликается с выводом экспертов Всемирной организации здравоохранения о том, что именно «социальные детерминанты здоровья лежат в основе большинства несправедливостей в отношении здоровья, то есть дискриминационных и устранимых различий в показателях здоровья, наблюдаемых в странах и между странами»¹⁷. Исходя из этого, наиболее перспективной представляется нам позиция исследователей, рассматривающих феномен активного долголетия через призму «расширения возможностей и сокращения

ограничений на пути автономной и независимой жизни населения по мере его старения»¹⁸.

Существенная роль в реализации предпосылок к активному долголетию отводится организации досуга, в частности, путешествиям [18] и занятиям различными видами творческой деятельности, положительное влияние которой на продолжительность и качество жизни получило подтверждение в ходе научных исследований [19]. В настоящее время появляются работы, акцентирующие внимание на важности данного аспекта, в том числе через призму анализа российского и зарубежного опыта культурно-досуговой деятельности пожилых людей как один из эффективных инструментов реализации политики активного долголетия [20; 21].

Так или иначе, можно говорить о взаимовлиянии двух групп факторов, предопределяющих успешность реализации стратегий активного долголетия, индивидуальной жизнеспособности и потенциала пожилого человека – с одной стороны, а также внешних условий, окружающих данного человека и способствующих или препятствующих реализации данного потенциала, – с другой [22].

Данная классификация является, на наш взгляд, оптимальной и может быть использована в качестве основы при совершенствовании механизмов реализации политики активного долголетия, которая на сегодняшний день «страдает бессистемностью и ограничивается рядом краткосрочных мер» [22, с. 10].

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение работ отечественных и зарубежных исследователей, а также анализ основных стратегических и программных документов, реализуемых в России в рамках политики активного долголетия, позволяет выделить ряд противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества:

1. Противоречие между расширением дефиниции «активное долголетие» за счет включения

¹⁷ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. 2021. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁸ Васильева Е. В. Формирование и реализация политики активного долголетия в условиях старения населения России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Васильева Елена Витальевна. Екатеринбург, 2023. С. 14.

в него множества параметров и фактическим сужением его «интерпретации до «продуктивного» старения, приносящего пользу обществу и, соответственно, фокусирующегося на <...> способах продлить период оплачиваемой занятости» [23, с. 97]. По утверждению И. Григорьевой и Е. Богдановой, это приводит к тому, что главной «стратегической задачей, на решение которой направлена концепция активного старения, является возврат людей старшего возраста на рынок труда..., а занятость в периоде от 55 до 74 лет является приоритетным контролируемым параметром...» [17, с. 189].

В качестве одного из косвенных доказательств можно привести содержание Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., в которой в первую очередь прописан раздел «Доходы и занятость граждан старшего поколения», а уже после него – все остальные разделы, касающиеся обеспечения здоровья, обучения и досуга пожилых россиян.

Отождествление понятий «активное долголетие» и «продуктивное долголетие», связанное с переходом от «понимания старения как <...> утрачиваемой с возрастом способности работать» к «ценностям активного старения и участия на рынке труда» [17, с. 188], фактически игнорирует интересы той части пожилых граждан, для которых мотивация к продлению жизни может выходить далеко за рамки трудовой деятельности и привычных ролевых моделей, распространяясь на сферы творчества, самообразования, духовного роста, волонтерства, помощи детям и внукам и т. д.

2. Противоречие между запросом со стороны государства на продление активной трудовой жизни и объективными возможностями пожилых россиян. Как отмечают О. В. Синявская и А. А. Червякова, «возможности и потенциал активного долголетия в России по-прежнему сильно ограничены низкой ожидаемой продолжительностью жизни в старшем возрасте (особенно у мужчин) и низким уровнем психологического благополучия» [23, с. 108]. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни россиян в возрасте 60 лет в 2019 г. составила 15 лет. При этом по показателю ОПЗЖ Россия в 2019 г. занимала 97 место среди более чем 180 стран мира, демонстрируя отставание от стран-лидеров рейтинга

на более чем 5 лет, а от средних показателей по Европейскому региону – на 2,1 года¹⁹.

С учетом того, что ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России значительно ниже, чем в экономически развитых странах, а «различия в продолжительности здоровой жизни между субъектами Российской Федерации достигают большего размаха, чем между группами стран с низким и высоким доходом, между регионами ВОЗ, между странами Европейского региона ВОЗ» [24, с. 48], есть смысл прислушаться к экспертам, рекомендующим «замедлить темпы повышения пенсионного возраста в РФ – особенно для мужчин. Иначе период здоровой жизни может у них закончиться раньше пенсии»²⁰.

3. Противоречие между запросом государства на активную интеграцию пожилых в экономический сектор и реальным положением дел, при котором представители старших возрастных групп зачастую оказываются одной из самых уязвимых групп, сталкиваясь с различными видами дискриминации и депривации.

Сюда же можно добавить «отсутствие практики эйдж-менеджмента (управления разновозрастным коллективом) в российских компаниях»²¹, а также эйджизм, который, по мнению ряда исследователей, в современном обществе распространен больше, нежели дискриминация по половому или этническому признаку [22; 25], и входит в явное противоречие с требованиями к пожилому человеку со стороны государства как к полноценному его члену, обязанному продолжать активную трудовую деятельность наравне с представителями более молодых поколений. Акцент на существовании в российском обществе негативных тенденций, связанных с дискриминацией по возрастному признаку и необходимости преодоления «негативных стереотипов старости и проявлений насилия и дискриминации по отношению к людям стар-

¹⁹ Global Health Observatory data repository // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁰ У россиян после 60 есть только шесть лет здоровой жизни. Повышение пенсионного возраста для мужчин рекомендовано замедлить // Независимая газета. 2023. 19 февраля. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-02-19/1_8664_life.html (дата обращения: 23.01.2024).

²¹ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020 г.) / под ред. А. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 14.

шого поколения», сделан в ряде стратегических документов, в частности, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.²²

В то же время важным является признание неоднородности населения старших возрастных групп, требующее дифференцированных мер в части поддержания здоровья, трудовой деятельности и организации досуга как мужской части пожилых россиян (особенно с учетом проблемы «мужской сверхсмертности», отличающей Россию от большинства развитых стран мира), так и женской, поскольку у «стареющей России «женское лицо»» [26, с. 115].

Последнее обусловлено выраженным гендерным дисбалансом в старших возрастных группах населения и требует при разработке и реализации программ активного долголетия уделять особое внимание траекториям долголетия женщин, которые «с возрастом ... неуклонно теряют свои сущностные качества, занимают самые низкие статусные ступеньки в глазах общества» [27] и, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (2021), чаще, чем мужчины, сталкиваются в возрасте старше 65 лет с существенными материальными лишениями, проблемами одиночества и социальной изоляции²³.

Именно гендерное неравенство также во многом предопределяет трудности в реализации индивидуальных стратегий активного долголетия в России [10, с. 8], где, по данным исследований, «мужчины чаще, чем женщины <...> ощущают себя в большей безопасности, реже отмечают проблемы с доступом к медицинской помощи, имеют более высокие доходы и меньшие относительные риски бедности» [23, с. 105].

Так или иначе, нельзя не согласиться с экспертами Всемирной организации здравоохранения, которые отмечают, что «успех деятельности по улучшению здоровья и повышению благополучия людей старшего возраста <...> во многом

зависит от того, насколько эффективно она будет охватывать людей из групп наибольшего риска»²⁴.

4. С последним тезисом связано противоречие между запросом государства на увеличение продолжительности жизни россиян и повышением нагрузки на систему здравоохранения и социальной поддержки, которые в настоящее время далеки «не только от идеала, но и даже от оптимального уровня, дающего пожилым людям шанс на адекватную и достойную жизнь в обществе» [28, с. 113].

В этой связи приходится констатировать, что на сегодняшний день в России, к сожалению, еще не созданы предпосылки для отождествления понятий старости с «активным» и, тем более, «здоровым» долголетием.

Такой вывод напрашивается, в частности, при анализе проекта «Старшее поколение», входящего в национальный проект «Демография» и предполагающего в качестве основной цели «создание условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению гражданами здорового образа жизни»²⁵. При этом наиболее значимые задачи (призванные в идеале способствовать достижению данной цели) касаются проведения профилактических медицинских осмотров, а также совершенствования системы социального обслуживания с акцентом на выстраивание системы долговременного ухода для нуждающихся в нем пожилых граждан и инвалидов. Подробный анализ других проблем, связанных с реализацией проекта «Старшее поколение» в аспекте активного долголетия, представлен в работах К. А. Галкина [29, с. 24].

Безусловно, не отрицая всей значимости поставленных в проекте задач, такой акцент на системе долговременного ухода, как минимум, препятствует формированию в публичном пространстве позитивного образа пожилого человека и, по сути, идет вразрез с концепцией активного старения, сформулированной в Мадридском плане действий по старению в 2002 г.²⁶ и декларирующей «отказ от биологизированного и ме-

²² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 №164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIe5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

²³ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. С. 69, 84 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

²⁴ Там же.

²⁵ Федеральный проект «Старшее поколение» // Министерство труда и социальной Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁶ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

дикализируемого понимания старения как времени обязательного угасания и утрачиваемой с возрастом способности работать» [17, с. 188].

Те же проблемы наблюдаются и в других стратегических документах. В их числе, например, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., в качестве основного результата которой заявлено «создание условий для активного долголетия граждан старшего поколения»²⁷, а из шести целевых показателей только один (доля граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом) имеет непосредственное отношение к позитивному восприятию «активного долголетия», а пять остальных касаются обеспеченности геронтологическими койками, удовлетворенности качеством предоставляемых социальных услуг, а также повышения мобильности лиц с ограниченными возможностями, в том числе инвалидов-колясочников.

■ ВЫВОДЫ

Концептуальное осмысление феномена старения населения в научном и политическом дискурсе, связанное в том числе со смещением фокуса в сторону активного долголетия, символизирует переход от восприятия пожилого возраста как времени дожития, связанного с угасанием физической и социальной активности, к рассмотрению его как продолжительного периода от-

носительно здоровой и активной жизни людей, обладающих высоким потенциалом, который может быть использован для реализации как личных, так и общественно значимых целей.

Такой подход открывает большие возможности, с одной стороны, для самих пожилых людей, позволяя им выстраивать долгосрочные жизненные стратегии, ориентируясь на ценности активного долголетия и осознание значимости своего вклада в обеспечение социальной, экономической и геополитической устойчивости государства.

С другой стороны, такой подход представляется перспективным и для государства, которое, создавая условия для реализации потенциала населения старших возрастных групп, получает дополнительный эффект рассмотрения этой категории не как страты, требующей постоянных затрат, а как части населения, которая в меру имеющихся у нее ресурсов может быть активно вовлечена во все сферы жизни общества, в том числе в сферу производства.

Предложенная в рамках данной статьи классификация детерминант активного долголетия охватывает всю совокупность факторов макро-, мезо- и микроуровня и может быть использована при корректировке стратегий активного долголетия на федеральном и региональном уровнях.

Важным представляется также учет и разрешение противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества. ●

²⁷ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. БУРЦЕВА Т. А., ГАГАРИНА С. Н., ЧАУСОВ Н. Ю. Оценка качества жизни населения старших возрастов при обосновании стратегий активного долголетия в условиях структурных демографических изменений // *Вестник университета*. 2019. № 2. С. 5–12. DOI 10.26425/1816-4277-2019-2-5-12. EDN NNRKZH.

2. ВАСИЛЬЕВА Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России : Монография. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с. DOI 10.17059/661-5.

3. КАЛАЧИКОВА О. Н., КОРОЛЕНКО А. В., НАЦУН А. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1 (173). С. 20–45. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2209. EDN TYOGUM.

4. HAVIGHURST, R. J. (1961). Successful Aging. *The Gerontologist*, 1(1), 8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

5. KATZ, S., & CALASANTI, T. (2014). Critical Perspectives on Successful Aging: Does It “Appeal More Than It Illuminates”. *The Gerontologist*, 55(1), 26–33.

<https://doi.org/10.1093/geront/gnu027>.

6. ROWE, J. W., & KAHN, R. L. (1997). Successful Aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>.

7. АЛЕШНИКОВА В. И., БУРЦЕВА Т. А., Нуридинов З. А. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия // *Управление*. 2020. Т. 8, № 4. С. 86–93. DOI 10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93. EDN KOXBNI.

8. ПАВЛОВА И. А., МОНАСТЫРНЫЙ Е. А., ГУМЕННИКОВ И. В., БАРЫШЕВА Г. А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16, № 1 (1). С. 23–36. DOI 10.17323/727-0634-2018-16-1-23-36. EDN YVBCOG.

9. ФРОЛОВА Е. А., КАШАПОВА Э. Р., КЛЕМАШЕВА Е. И., МАЛАНИНА В. А. Оценка активного долголетия в Сибирском Федеральном округе на основе методики Индекса активного долголетия // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2019. № 2 (33). С. 36–45. DOI 10.18799/24056537/2019/2(33)/973. EDN VIBGQW.

10. БАРСУКОВ В. Н., КАЛАЧИКОВА О. Н. Территориальные особенности распространенности активного долголетия // *Вопросы территориального развития*. 2021. Т. 9, № 2. DOI 10.15838/tdi.2021.2.57.3. EDN FJGNAQ.

11. КОРОЛЕНКО А. В. Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // *Социальное пространство*. 2022. Т. 8, № 1. DOI 10.15838/sa.2022.1.33.2. EDN XCZVRT.

12. ШАВУНОВА А. А., РОССОШАНСКИЙ А. И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // *Проблемы развития территории*. 2018. № 3 (95). С. 7–19. DOI 10.15838/ptd.2018.3.95.1. EDN XPLYTB.

13. ИВАНОВА А. Е. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // *Социологические исследования*. 2013. № 2 (346). С. 120–129. EDN PWUQRJ.

14. ПАНОВА Л. В. Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии изучения здоровья // *Петербургская социология сегодня*. 2013. Т. 1, . С. 221–252. EDN RTDXSJ.

15. ПРИСТРОМ М. С., СУШИНСКИЙ В. Э., СЕМЕНЕНКОВ И. И., АРТЮЩИК В. В. Характеристика феномена долголетия. Взгляд на проблему // *Международные обзоры: клиническая практика и здоровье*. 2017. № 5-6 (28). С. 65–74. EDN YMPBPW.

16. ВАНГОРОДСКАЯ С. А. Феномен долголетия в представлениях долгожителей России (по материалам биографического исследования) // *Знание. Понимание. Умение*. 2019. № 1. С. 110–122. DOI 10.17805/zpu.2019.1.7. EDN EBTOEY.

17. ГРИГОРЬЕВА И., БОГДАНОВА Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211. DOI 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211. EDN WMGFWL.

18. ЛАГУСЕВ Ю. М. Современные тенденции организации туристского обслуживания людей пожилого возраста // *Сервис plus*. 2019. Т. 13, № 2. С. 27–35. DOI 10.24411/2413-693X-2019-10204. EDN GCWUSD.

19. АНИСИМОВ В. Н., ЖАРИНОВ Г. М. Продолжительность жизни и долголетие у представителей творческих профессий // *Успехи геронтологии*. 2013. Т. 26, № 3. С. 405–416. EDN RBXKUX.

20. МАКСИМЕНКО А. В., ВИТКОВСКАЯ Е. Д. Российский и зарубежный опыт культурно-досуговой деятельности граждан старшего возраста как способ активного долголетия (обзор) // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2023. Т. 19, № 1. С. 71–76. DOI 10.15275/ssmj1901071. EDN HFSPQV.

21. РОСТОВСКАЯ Т. К., ТОЛМАЧЕВ Д. П. О реализации проектов активного долголетия на региональном уровне // *Старшее поколение современной России* : Материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 13-14 октября 2021 г.) / под ред. З. Х. М. Саралиевой. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 56–61. EDN WFDHIA.

22. ВОРОВЬЕВ Р. В., КОРОТКОВА А. В. Аналитический обзор проблемы здорового старения в странах европейского региона ВОЗ и Российской Федерации // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2016. № 5 (51). EDN XBHKPX.

23. СИНЯВСКАЯ О. В., ЧЕРВЯКОВА А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 5 (171). С. 94–121. DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2043. EDN GNFMIV.

24. СИНДЯШКИНА Е. Н. Ожидаемая продолжи-

тельность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2022. № 1. С. 40–53. DOI 10.20542/afij-2022-1-40-53. EDN CNQOPV.

25. КОЛПИНА Л. В. Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // *Социологические исследования*. 2015. № 5 (373). С. 72–77. EDN TUNQUR.

26. ГРИГОРЬЕВА И. А., СИЗОВА И. А. Траектории старения женщин в современной России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. Т. 27, № 2. С. 109–135. DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135. EDN LBFQTR.

27. ГРИГОРЬЕВА И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // *Жен-*

щина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5–18. DOI 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN VZPSHZ.

28. НОЯНЗИНА О. Е., МАКСИМОВА С. Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // *Society and Security Insights*. 2018. Т. 1, № 1. С. 99–119. EDN XSSFIL.

29. ГАЛКИН К. А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 2. С. 239–252. DOI 10.15838/esc.2022.2.8 0.15. EDN UQVRAL.

REFERENCES

1. BURTSEVA, T. A., GAGARIN, S. N., & CHAUSOV, N. YU. (2019). Quality of life assessment of the older population at the substantiation of active longevity strategies in the context of structural demographic changes. *Vestnik Universiteta*, (2), 5–12. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-2-5-12>.

2. VASILYEVA, E. V. (2022). *The concept of active longevity: Possibilities and limitations of implementation in Russia*. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.17059/661-5>.

3. KALACHIKOVA, O. N., KOROLENKO, A. V., & NATSUN, L. N. (2023). Theoretical and methodological foundations of active longevity research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2 023.1.2209>.

4. HAVIGHURST, R. J. (1961). Successful Aging. *The Gerontologist*, 1(1), 8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

5. KATZ, S., & CALASANTI, T. (2014). Critical Perspectives on Successful Aging: Does It "Appeal More Than It Illuminates". *The Gerontologist*, 55(1), 26–33. <https://doi.org/10.1093/geront/gnu027>.

6. ROWE, J. W., & KAHN, R. L. (1997). Successful Aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>.

7. ALESHNIKOVA, V. I., BURTSEVA, T. A., & NURIDINOV, Z. A. (2020). Social effect of implementing active longevity strategies. *Upravlenie*, 8(4), 86–93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>.

8. PAVLOVA, I. A., MONASTYRNY, E. A., GUMENNIKOV, I. V., & BARYSHEVA, G. A. (2018). Russian index

of well-being of the older generation: Methodology, methods, testing. *Journal of Social Policy Research*, 16(1), 23–36. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-23-36>.

9. FROLOVA, E. A., KASHAPOVA, E. R., KLEMASHEVA, E. I., & MALANINA, V. A. (2019). Active ageing assessment for Siberian federal district based on active ageing index methodology. *Journal of Wellbeing Technologies*, (2), 36–45. [https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2\(33\)/973](https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2(33)/973).

10. BARSUKOV, V. N., & KALACHIKOVA, O. N. (2021). Territorial features of active longevity prevalence. *Territorial Development Issues*, 9(2). <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3>.

11. KOROLENKO, A. V. (2022). Active ageing in the life practices of the Vologda oblast population. *Social Area*, 8(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>.

12. SHABUNOVA, A. A., & ROSSOSHANSKY, A. I. (2018). Assessment of subjective quality of life by the older generation. *Problems of Territory's Development*, (3), 7–19. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.1>.

13. IVANOVA, A. E. (2013). The population's need for longevity and the degree of its implementation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (2), 120–129. <https://elibrary.ru/pwuqrj>.

14. PANOVA, L. V. (2013). Model of social determinants as the basis for multilevel methodology in health studies. *Petersburg Sociology Today*, 1, 221–252. <https://elibrary.ru/rtdxsj>.

15. PRISTROM, M. S., SUSHINSKY, V. E., SEMENENKOV, I. I., & ARTYUSHCHIK, V. V. (2017). Characteristics of the phenomenon of longevity. A look at the issue. *International Reviews: Clinical Practice and*

Health, (5-6), 65–74. <https://elibrary.ru/ympbpw>.

16. VANGORODSKAYA, S. A. (2019). The phenomenon of longevity as viewed by female long-livers of Russia (on materials of a biographical study). *Knowledge. Understanding. Skill*, (1), 110–122. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.7>.

17. GRIGORIEVA, I., & BOGDANOVA, E. (2020). The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the Covid-19 pandemic. *Laboratorium: Journal of Social Research*, (2), 187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.

18. LAGUSEV, YU. M. (2019). Modern trends in the organization of tourist services for the elderly people. *Service Plus*, 13(2), 27–35. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10204>.

19. ANISIMOV, V. N., & ZHARINOV, G. M. (2013). Life span and longevity in representatives of creative professions. *Advances in Gerontology*, 26(3), 405–416. <https://elibrary.ru/rbxkux>.

20. MAKSIMENKO, L. V., & VITKOVSKAYA, E. D. (2023). Russian and foreign experience of cultural and leisure activities of older citizens as a way of active longevity (review). *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 19(1), 71–76. <https://doi.org/10.15275/ssmj1901071>.

21. ROSTOVSKAYA, T. K., & TOLMACHEV, D. P. (2021). On the implementation of active longevity projects at the regional level. In Z. Kh. M. Saraliev (Ed.) *The older generation of modern Russia* (pp. 56–61). National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. <https://elibrary.ru/wfdhia>.

22. VOROBIEV, R. V., & KOROTKOVA, A. V. (2016). Analytical review of healthy ageing in the who European region countries and Russian Federation.

Social Aspects of Population Health, (5), 3. <https://elibrary.ru/xbhkpx>.

23. SINYAVSKAYA, O. V., & CHERVYAKOVA, A. A. (2022). Active aging in Russia during economic stagnation: What can we learn from the dynamics of the active ageing index?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 94–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043>.

24. SINDYASHKINA, E. N. (2022). Healthy life expectancy in the context of the united nations decade of healthy ageing. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, (1), 40–53. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-1-40-53>.

25. KOLPINA, L. V. (2015). Gerontology ageism in practices of medical and social care (according to focus-groups research data). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 72–77. <https://elibrary.ru/tuhqur>.

26. GRIGORIEVA, I. A., & SIZOVA, I. L. (2018). Trajectories of women's aging in modern Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 27(2), 109–135. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>.

27. GRIGORIEVA, I. A. (2018). Elderly women: Over the hill – age- and gender-wise. *Woman in Russian Society*, (1), 5–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1>.

28. NOYANZINA, O. E., & MAKSIMOVA, S. G. (2018). Integrated ageing: Social policy in the society of demographic security threats. *Society and Security Insights*, 1(1), 99–119. <https://elibrary.ru/xssfll>.

29. GALKIN, K. A. (2022). Social policy of active aging in Russia and European welfare states: Experience of comparative analysis. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 15(2), 239–252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>.

РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. С. Вавилова^а, Ю. А. Масалова^а, С. В. Петухова^а

^а Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматриваются возможности для развития демографического потенциала как критического фактора, влияющего на социально-экономическое развитие сельских территорий.

Материалы и методы. Для изучения фактически сложившейся демографической ситуации в Новосибирской области и регионах Сибирского федерального округа использовались методы статистического анализа – индексный, табличный методы и др. Эмпирической базой выступили данные Федеральной службы государственной статистики, в том числе Территориального органа по Новосибирской области, о демографических процессах в Новосибирской области за период в 2010-2023 гг. (численность населения, структура, естественный прирост, миграционный прирост, миграционное сальдо, коэффициент общего прироста численности населения, коэффициент рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни).

Для анализа реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий в Российской Федерации применялся метод ретроспекции, с помощью которого было показано сохранение негативных демографических трендов сельских территорий.

Для разработки рекомендаций по развитию направлений корпоративной социальной политики крупных организаций агропромышленного комплекса авторы опирались на методы стратегического и системного анализа для выявления потенциала и разработки мер корпоративной социальной политики сельхозпроизводителей Новосибирской области.

Результаты. По итогам анализ демографических показателей сделаны выводы о негативных тенденциях развития демографического потенциала сельских территорий как в РФ в целом, так и в Новосибирской области. Для поиска решений данной ситуации проведен анализ региональной демографической политики, направленной на поддержку сельского населения и предложены направления ее модернизации, связанные с привлечением в сельские поселения молодежи и ее адаптация к сельской жизни. Осуществлен анализ социальной деятельности предприятий АПК с целью определения потенциала воздействия на решение демографических проблем сельских территорий.

Обсуждение. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий невозможно без решения демографических проблем на основе разработки региональной демографической политики, учитывающей интересы молодой сельской семьи, и реализации корпоративной демографической политики на уровне предприятий агропромышленного комплекса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демографический потенциал, демографическая политика, корпоративная демографическая политика, сельские территории, устойчивое развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вавилова А. С., Масалова Ю. А., Петухова С. В. Развитие демографического потенциала сельских территорий в целях обеспечения их социально-экономического развития (на примере Новосибирской области) // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 52-67. EDN PDZYFU. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-52-67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вавилова Ася Сергеевна – кандидат экономических наук; Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56) — *доцент кафедры корпоративного управления и финансов*; a.s.vavilova@edu.nsuem.ru. SPIN-код: 5544-8205, ORCID: 0000-003-0079-7024.

Масалова Юлия Александровна – кандидат экономических наук; Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56) — *заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом*; ymasalova@yandex.ru. SPIN-код: 5317-4575, ORCID: 0000-0001-5298-5743.

Петухова Светлана Валериевна – кандидат экономических наук; Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56) — *заведующий кафедрой корпоративного управления и финансов*; s.v.petuhova@edu.nsuem.ru. ORCID: 0000-0002-2154-8871.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 05.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

IMPROVING DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF RURAL TERRITORIES FOR ENSURING THEIR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT (EXEMPLIFIED BY THE NOVOSIBIRSK REGION)

A. S. Vavilova^a, Yu. A. Masalova^a, S. V. Petukhova^a

^a Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The article considers opportunities to improve demographic potential as a critical factor influencing the socio-economic development of rural areas.

Materials and methods. To study the actual demographic situation in the Novosibirsk region and the regions of the Siberian Federal District, statistical analysis methods were used - index, tabular methods, etc. The empirical basis for this was the data of the Federal State Statistics Service, including the Territorial Authority for the Novosibirsk Region, on demographic processes in the Novosibirsk region for the 2010-2023 period (population size, structure, natural increase, migration increase, migration balance, total population growth rate, birth and death rate, average life expectancy).

To analyze the implementation of the strategy for sustainable development of rural areas in the Russian Federation, a retrospective method was used, with the help of which the persistence of negative demographic trends in rural areas was shown.

To work out recommendations for the development of corporate social policy directions for large organizations of the agro-industrial complex, the authors relied on strategic and systemic analysis methods to identify the potential and develop measures of corporate social policy of agricultural producers in the Novosibirsk region.

Results. Consideration of the all-Russian situation regarding the development of rural areas showed that it is necessary to pay more attention to the development of the demographic potential of these territories. At the level of the Novosibirsk region, an analysis of the legislative framework allowed us to conclude that it is necessary to actively attract young people to rural areas, retaining them in agricultural enterprises, providing efficient employment and at the same time promoting the socio-economic development of rural areas.

Discussion. Ensuring sustainable development of rural areas is impossible without solving demographic problems based on a regional demographic policy considering the interests of young rural families, and corporate demographic policy implementation at the level of agricultural enterprises.

KEYWORDS: demographic potential, demographic policy, corporate demographic policy, rural areas, sustainable development

FOR CITATION: Vavilova, A. S., Masalova, Yu. A., & Petukhova, S. V. (2024). Improving demographic potential of rural territories for ensuring their socio-economic development (exemplified by the Novosibirsk region). *Management Issues*, 18(3), 52–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-52-67>

AUTHORS' INFORMATION:

Asya S. Vavilova – Ph.D. of Economic Sciences; Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russia) — *associate professor of the Department of Corporate Management and Finance*; a.s.vavilova@edu.nsuem.ru. RSCI SPIN: 5544-8205, ORCID: 0000-003-0079-7024.

Yuliya A. Masalova – Ph.D. of Economic Sciences; Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russia) — *head of the Department of Labor Economics and Personnel Management*; ymasalova@yandex.ru. RSCI SPIN: 5317-4575, ORCID: 0000-0001-5298-5743.

Svetlana V. Petukhova – Ph.D. of Economic Sciences; Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russia) — *head of the Department of Corporate Management and Finance*; s.v.petuhova@edu.nsuem.ru. ORCID: 0000-0002-2154-8871.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 02/05/2024; accepted for publication 02/29/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Демографическая ситуация в сельских территориях, как в целом в Российской Федерации, так и в Новосибирской области в частности, характеризуется как неблагоприятная, что связано не только с низкой и сокращающейся рождаемостью и относительно высокой смертностью, но и значительной миграцией сельского населения в города [1, 2, 3, 4, 5]. Данная ситуация приводит, прежде всего, к существенному оттоку молодежи из сельской местности, а также к кадровому голоду в агропромышленном комплексе и деградации села в целом^{1,2}. Вместе с тем и на федеральном, и на региональном уровнях осознается необходимость повышения привлекательно-

сти сельских территорий для населения в целом и для привлечения молодежи в частности, в том числе для обеспечения социально-экономического развития данных территорий и развития агропромышленного комплекса страны. Однако коренное изменение ситуации возможно только на основе детального анализа демографических процессов и определяющих их факторов, а также оценки возможности влиять на них. Понимание особенностей данных процессов в региональном разрезе позволяет сформировать перспективные способы решения накопившихся социально-демографических проблем, выделить приоритетные направления и разработать конкретные мероприятия в рамках демографической политики. Подобные меры должны иметь комплексный характер и реализовываться как на федеральном и региональном, так и на корпоративном уровнях управления.

Одним из инструментов, имеющих потенциал влияния на решение демографических про-

¹ Кузина, Е. И. Трудовой потенциал сельских территорий, его формирование и регулирование (на материалах Рязанской области) : 08.00.05 : автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Кузина Екатерина Ивановна. Москва, 2012. 27 с.

² Новиков, В. Г. Трудовой потенциал сельских территорий, его воспроизводство и регулирование : 08.00.05 : автореф. дисс. ... д-ра экон. наук / Новиков Владимир Геннадьевич. Москва, 2012. 38 с.

блем, является корпоративная демографическая политика. Она представляет собой систему мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих наряду с профессионально-трудовыми семейные функции (в том числе родительские функции, уход за престарелыми родителями и др.) [12]. При этом интерес предприятий к реализации политики социальной ответственности, направленной на достижение стоящих перед страной демографических задач, лежит в плоскости наращивания имиджевых и репутационных преимуществ, которые, в свою очередь, влияют на рост инвестиционной привлекательности организации³.

Как отмечают отечественные исследователи, основной целью реализации организациями корпоративной демографической политики является обеспечение наиболее благоприятных нравственных, экономических и социальных условий для реализации сотрудниками предприятия родительских и других семейных функций при условии их занятости на рынке труда [14].

Проведенный российскими учеными анализ отечественных и зарубежных практик позволил выделить наиболее распространенные форматы реализации корпоративной демографической политики [15]. Они таковы:

1. Обеспечение защиты жизни и здоровья работников [16].
2. Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки.
3. Уважение семейных обязанностей работников⁴ [17].
4. Эффективная система взаимодействия с работниками как основными стейкхолдерами компании [18].

Представляется, что включение перечисленных направлений корпоративной демографической политики предприятиями АПК в концепцию социальной ответственности будет иметь потенциал влияния на решение демографических проблем сельских территорий, в том числе таких ключевых задач в области развития и наращивания демографического потенциала сель-

ских территорий, как увеличение численности населения и повышение уровня рождаемости.

Сегодня в России существует ряд примеров включения в социальную ответственность предприятий сельского хозяйства некоторых аспектов политики, дружественной к семьям работников. Как правило, это меры, направленные на обеспечение защиты жизни и здоровья работников и достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки. Подобные меры осуществляют крупные федеральные холдинги, такие как ФосАгро, РусАгро, регулярно оказывавшиеся в топе рейтингов компаний, реализующих стратегию социальной ответственности⁵. В остальных случаях сложно говорить о системном, комплексном характере реализации демографических мер в организациях АПК.

Новосибирская область является регионом, в котором продолжительное время фиксируется прирост населения, прежде всего, за счет миграционных потоков. Что касается естественного прироста, то незначительный прирост наблюдался лишь с 2012 по 2016 год, на перспективу до 2030 года прогнозируется существенная естественная убыль населения. В то же время ситуация в отношении сельского населения Новосибирской области более неблагоприятная, так как характеризуется устойчивым трендом снижения численности, в том числе за счет естественной убыли и миграционного оттока, прежде всего, молодежи. Вместе с тем в области реализуется экономическая политика, направленная на развитие агропромышленного комплекса, для которого важно наличие трудовых ресурсов, проживающих в сельской местности, именно поэтому в рамках данного исследования уделяется особое внимание вопросам корпоративной демографической политики и региональной демографической политики в отношении молодой сельской семьи.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При проведении исследования использовались методы статистического анализа — индексный, табличный методы и др. Анализ официальных статистических данных в динамике показывает, что численность сельского населения последние десятилетия неуклонно снижается, что в перспективе создает существенную

³ Vavilova, A., Bagirova, A., & Shutova, N. (2021). Supporting demographic policy in Russia: business-level opportunities and advantages. Conference proceedings of the 15th International Days of Statistics and Economics, MSEED, Prague. Pp. 1144–1153. DOI 10.29141/2218-5003-2022-13-5-3.

⁴ Samman, E., & Lombardi, J. (2019). *Childcare and working families: new opportunity or missing link? An evidence brief*. UNICEF – Childcare-Family-Friendly Policies-2019. <https://www.unicef.org/sites/default/files/2019-07/UNICEF-Childcare%20-Family-Friendly-Policies-2019.pdf>

⁵ Сайт РСПП. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/.

угрозой для обеспечения продовольственной безопасности страны. Так как и естественная убыль, и миграционный отток, характерные для сельской местности, не позволяют развивать предприятия агропромышленного комплекса и осваивать данные территории. Необходимо переломить ситуацию, повышая качество жизни сельского населения, гарантируя его эффективную занятость, что, в свою очередь, позволит перенаправить миграционные потоки, сделать сельские территории привлекательными для жизни и работы за счет их комплексного развития. Ключевым фактором для этого является естественное воспроизводство сельского населения, что требует роста рождаемости и снижения смертности за счет создания благоприятных условий, при которых будут сформированы позитивные репродуктивные установки и нормы, направленные на здоровьесбережение и продление жизни населения.

Неблагоприятная ситуация, которая сложилась к настоящему времени, требует систематического исследования региональных демографических процессов, особенно в контексте сельских территорий. Данная проблематика находит отражение в работах ряда исследователей, которые рассматривают ее не только с позиции демографии, но и экономики, управления, социологии, психологии и даже медицины. Следует особо отметить авторов, которые внесли существенный вклад в исследование демографических проблем, среди них В. Н. Архангельский [1; 8], А. Г. Вишневский [9], Н. К. Долгушкин, С. В. Захаров, О. А. Козлова [4], И. С. Лунёва, Т. К. Ростовская [10], С. В. Рязанцев [11], А. Б. Синельников и др. Научные разработки указанных исследователей стали методологической опорой в процессе формирования проектных предложений.

Эмпирическая база исследования построена на данных Федеральной службы государственной статистики, в том числе Территориального органа по Новосибирской области, о демографических процессах в Новосибирской области за период 2010–2023 гг. (численность населения, структура, естественный прирост, миграционный прирост, миграционное сальдо, коэффициент общего прироста численности населения, коэффициент рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни).

Проведенный с помощью метода ретроспекции анализ реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий в Российской Фе-

дерации показал сохранение данных трендов и необходимость поиска новых решений, обеспечивающих социально-экономическое развитие данных территорий на региональном уровне.

Для разработки рекомендаций по развитию направлений корпоративной социальной политики крупных организаций агропромышленного комплекса авторы опирались на методы стратегического и системного анализа для выявления потенциала и разработки мер корпоративной социальной политики сельхозпроизводителей Новосибирской области.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сельские территории в Российской Федерации являются ключевым ресурсом страны, важность которого стремительно растет в условиях усиления процессов глобализации при одновременном увеличении значения природных и территориальных ресурсов для развития страны.

Численность сельского населения Российской Федерации на 1 января 2023 г. составила 36,8 млн человек, что на 386 тыс. человек меньше, чем на 1 января 2020 г. (37186 тыс. человек). За последние семь лет доля сельского населения в Российской Федерации сократилась с 25,85% (на 1 января 2016 года) до 25,12% (на 1 января 2023 года).

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года количество сельских населенных пунктов без населения составляло 19,4 тысячи. Последняя перепись населения, проведенная в 2020 году, установила, что в России всего 153157 сельских населенных пунктов, при этом в 24751 из них никто не проживает. Около половины (около 12 тыс.) заброшенных населенных пунктов расположены в Центральном федеральном округе. При этом есть населенные пункты, в которых проживает не более 50 человек (более чем 52 тыс.), а в 23 тыс. сельских поселений менее 6 жителей. Таким образом, в целом по стране за десять лет количество заброшенных сел выросло на 30%.

На протяжении ряда лет усиливается поляризация сельских поселений по численности населения, что приводит к изменению исторически сложившейся сети расселения. Происходит старение сельского населения, снижение рождаемости в сельской местности, сокращение населения трудоспособного возраста, сохраняется миграция из сельских населенных пунктов в города. Общий коэффициент смертности, коэф-

фициенты младенческой смертности и смертности в трудоспособном возрасте в сельской местности остаются выше, чем в городе [19]. Между городом и селом сохраняется разрыв в продолжительности жизни. Убыль сельского населения является как следствием демографических процессов, так и результатом недостаточного развития экономики и инфраструктуры в сельской местности [20].

В целом по России отмечается положительная тенденция увеличения ожидаемой продолжительности жизни. Так, за первый квартал 2023 года этот показатель составил 73,31 года, а по итогам 2022 года — 72,8 года⁶. При этом следует отметить, что, по данным Росстата, в 2019 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни у сельского населения был на год ниже, чем у городского (сельское население — 72,21 года, городское население — 73,72 года). И такой разрыв сохраняется длительное время.

В то время, когда в России разрабатывалась стратегия устойчивого развития сельских территорий, эксперты отмечали значительный рост миграционного оттока населения из сельской местности (2012 г. — 166,6 тыс. человек, 2013 г. — 176,8 тыс. человек). На тот момент было зафиксировано, что именно неудовлетворительные условия жизни в сельских поселениях негативно сказываются на демографической ситуации. В период с 1995-го по 2017 год 2,5 млн человек составляла в совокупности естественная убыль сельского населения и миграционный отток. По прогнозным данным, которые составляют официальные органы статистики на перспективу, данный процесс только будет ускоряться и к 2036 году численность сельского населения сократится до 33 млн (на 4,6 млн). Можно сказать, что данная ситуация не только не позволяет селу выполнять его функции по производству сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а также другие общенациональные функции, но и в целом создает ограничения для реализации целей общегосударственного значения в области демографического развития. На протяжении последних четырех лет также сохраняется миграционный отток из сельской местности, который имеет противоречивую динамику. Так, в 2019 году он

составил –62037, в 2020-м — –38758, в 2021-м — –56118, а в 2022-м — –49668. Таким образом, можно сказать, что отток сохраняется, но в меньших объемах, вместе с тем важно переломить ситуацию, перенаправив миграционные потоки в сторону сельских территорий, сделав их благоприятными для проживания.

В качестве обобщающего показателя уровня и качества жизни используется ожидаемая продолжительность жизни при рождении: в 2022 году она составила в городе 73,09 года, на селе — 71,62 года, то есть на 1,47 года меньше. По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости⁷ в сельской местности хоть и выше, чем в городе, но в 2022 году по сравнению с 2014 годом снизился в 1,5 раза (с 2,318 до 1,590), и если в 2014 году он превышал показатель городского населения на 0,72, то к 2022 году всего на 0,23.

Важно при этом говорить также о миграции молодого сельского населения в городскую местность и крупные города. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года⁸ показала, что в структуре занятых в сельском хозяйстве сокращается доля работников молодых возрастов, но при этом растет доля сотрудников пенсионного возраста. Если сравнивать с данными переписи, проведенной в 2006 году, то можно наблюдать снижение на 3% удельного веса постоянных работников сельскохозяйственных организаций в возрасте 15–29 лет и рост на 6,7% работников, находящихся в пенсионном возрасте.

Прогноз Федерального органа статистики показывает, что на 7,3% произойдет уменьшение численности сельских жителей к 2030 году, в абсолютном выражении на 2,8 млн человек. Делается вывод о том, что постепенно происходит концентрация сельского населения в пригородных территориях, приводящая «к социальному опустыниванию сельских районов, создавая геополитические риски». Однако при грамотном и эффективном использовании потенциала сельских территорий может быть обеспечено устойчивое развитие экономики, высокий уровень и качество жизни сельского населения страны. Для этого в рамках Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года были определены целевые показатели устойчивого развития сельских территорий на долгосрочный период:

⁶ В России выросла ожидаемая продолжительность жизни // РИА Новости. 2024. 24 апреля. URL: <https://ria.ru/20230424/prodolzhitelnost-1867302697.html> (дата обращения: 16.12.2023)

⁷ Число родившихся детей в расчете на одну женщину.

⁸ Следующая будет только в 2026 году.

- стабилизация численности сельского населения на уровне 35 млн;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни сельского населения до 75,6 года;
- уменьшение миграционного оттока сельского населения до 74,1 тыс. человек.

Можно констатировать, что первый показатель имеет неблагоприятную тенденцию к снижению и, по прогнозам, к 2030 году может оказаться ниже целевого значения, по последнему показателю сложилась более благоприятная тенденция, миграционный отток снижается, но пока нет предпосылок и для притока в сельскую местность. При этом не удалось достичь плановых значений по следующим показателям:

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении сельского населения составила 71,62 года, что ниже планового показателя даже для 2020 года — 72,7 года;
- уровень занятости сельского населения составил в сентябре 2023 года 56,1% при плановом значении 62,3%.

Приоритетным направлением государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 г. является улучшение демографической ситуации. Стратегией предусмотрено, что решение демографических проблем страны осуществляется в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Требуется решение целого ряда задач⁹:

- обеспечение агропромышленного комплекса и сельской экономики в целом молодыми квалифицированными кадрами, а также облегчение трудовой мобильности;
- создание условий для самореализации молодежи в сельской местности;
- создание благоприятных условий для жизни сельских семей, особенно молодых и многодетных;
- сокращение темпов убыли сельского населения;
- поддержка переселения в сельскую местность, освоения заброшенных земель сельско-

⁹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (с изм. на 13.01.2017). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273>.

хозяйственного назначения и расширения социального контроля над сельскими территориями;

- создание положительного образа сельских территорий, информирование широких масс населения о сравнительных преимуществах жизни в сельской местности, в том числе о доступном и просторном жилье, здоровой окружающей среде, дружелюбной социальной атмосфере, возможностях для реализации творческого потенциала молодежи и предпринимателей.

Важно при этом рассматривать ситуацию в региональном разрезе, так как она не является однородной в масштабах страны. В качестве объекта исследования выбрана Новосибирская область (НСО), так как проблема развития сельских территорий здесь является очень острой. С одной стороны, НСО входит в десятку крупнейших производителей сельскохозяйственных товаров России, а с другой, неблагоприятная демографическая ситуация в сельской местности сдерживает развитие агропромышленного комплекса области. Следует отметить, что НСО полностью обеспечивает себя фуражным зерном и семенным материалом. Животноводство области специализируется на разведении крупного рогатого скота молочно-мясных пород, свиноводстве, птицеводстве. Производственные мощности предприятий агропромышленного комплекса позволяют не только обеспечивать внутренние потребности области, но и экспортировать за ее пределы около 22% молока и молокопродуктов, 29% мяса и мясопродуктов, 38% произведенного в области зерна и зернопродуктов¹⁰. На перспективу планируется дальнейшее развитие сельскохозяйственных предприятий, в том числе перерабатывающих производств в отрасли, но уже сейчас ощущается нехватка специалистов, существуют трудности в части привлечения молодежи в сельскую местность, что создает ресурсные ограничения.

При этом демографическая ситуация региона характеризуется следующими данными. Новосибирская область в своем составе имеет пять городских округов и тридцать муниципальных районов. По состоянию на начало 2023 года 66% всего населения области составляет население городских округов и 34% — муниципальных районов. Почти 60% численности населения области (58,5%) — численность населения г. Новосибир-

¹⁰ Официальный сайт Правительства НСО. URL: <https://www.nso.ru/page/2264> (дата обращения: 16.12.2023).

Таблица 1 — Компоненты изменения численности населения Новосибирской области за 2010–2023 гг., тыс. чел.

Table 1 — Components of population change in Novosibirsk Oblast for 2010–2023, thousand people.

Год	Численность населения на начало года	Абсолютный прирост	В том числе	
			естественный прирост	сальдо миграции
<i>Городское и сельское население</i>				
2010	2661,6	4,9	-2,0	6,9
2011	2666,5	20,4	-1,4	21,8
2012	2686,9	22,6	0,9	21,7
2013	2709,5	21,7	1,7	20,0
2014	2731,2	15,6	2,0	13,6
2015	2746,8	15,4	3,1	12,3
2016	2762,2	17,3	2,0	15,3
2017	2779,6	9,3	-1,4	10,7
2018	2788,8	4,6	-3,5	8,1
2019	2793,4	4,8	-5,6	10,4
2020	2798,2	-12,4	-14,0	1,6
2021	2785,8	-5,5	-18,9	13,4
2022*	2797,5*	-3,2	-11,6	8,4
2023	2794,3	...	...	...
<i>Сельское население</i>				
2010	613,6	-8,6	-1,4	-7,2
2011	605,0	-2,4	-0,8	-1,6
2012	602,6	-3,2	-0,3	-2,9
2013	599,5	-4,1	-0,4	-3,7
2014	595,3	-5,3	-0,2	-5,2
2015	590,0	-2,6	-1,6	-1,1
2016	587,4	-1,6	-1,4	-0,2
2017	585,8	-1,3	-1,8	0,5
...	...	...	...	...
2022*	568,4	-1,9	-3,4	1,5
2023	566,5	...	...	...

Источник: данные официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://54.rosstat.gov.ru/>.

ска. Среди муниципальных районов самыми крупными являются: Новосибирский (166,5 тыс. человек, 6,0% от всей численности населения области), Искитимский (58,8 тыс. человек, 2,1%), Куйбышевский (54,2 тыс. человек, 1,9%) и Тогучинский (54,0 тыс. человек, 1,9%).

Численность населения территории изменяется под влиянием естественных процессов (рождений и смертей) и миграции. В таблице 1 приведены данные о компонентах изменения численности населения Новосибирской области за период с 2010 по 2023 годы.

Для сельского населения зафиксированы и абсолютное уменьшение численности населения, и естественная убыль, и отрицательное

Таблица 2 — Коэффициенты общего прироста численности населения по субъектам СФО за 2022 год

Table 2 — Coefficients of total population growth by subjects of the Siberian Federal District for 2022

	Коэффициенты общего прироста на 1000 человек			Среди субъектов федерального округа ранги коэффициентов общего прироста		
	Всего населения	В т. ч.		Всего населения	В т. ч.	
		городского	сельского		городского	сельского
Сибирский ФО	-6,7	-6,0	-8,9			
Респ. Алтай	-0,2	-6,2	2,5	2	5	1
Респ. Тыва	3,0	11,8	-7,7	1	1	5
Респ. Хакасия	-5,2	-2,7	-10,7	5	4	7
Алтайский край	-11,2	-9,8	-13,1	10	9	9
Красноярск. край	-3,8	-1,7	-12,0	4	3	8
Иркутская обл.	-8,1	-9,5	-3,4	6	8	3
Кемеровская обл.	-9,2	-9,2	-9,1	7	7	6
Новосибирск. обл.	-1,2	-0,6	-3,3	3	2	2
Омская обл.	-10,6	-9,1	-14,7	9	6	10
Томская обл.	-10,0	-11,8	-5,7	8	10	4

Источник: данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

сальдо миграции. За последние 13 лет численность сельского населения Новосибирской области уменьшилась на 47,1 тыс. человек. Численность же городского населения области до 2020 года увеличивалась, а с 2021 года начала уменьшаться. Рост численности в первую очередь объясняется миграционными процессами, но в последние годы положительное сальдо миграции уже не компенсирует естественную убыль населения.

В данной ситуации важно посмотреть на общую картину, складывающуюся в близлежащих регионах, чтобы оценить потенциал НСО, с точки зрения возможного прироста численности населения в целом и в сельской местности в частности. Прежде всего, с точки зрения возможных миграционных процессов. В таблице 2 приведены сравнительные данные для характеристики изменения численности населения по субъектам Сибирского федерального округа за 2022 год в разрезе городского и сельского населения.

Как видно из данных таблицы, численность населения во всех субъектах СФО снижается, кроме Республики Тыва. Самое большое снижение зафиксировано в Алтайском крае — 11,2 человека на каждую тысячу населения. Чуть ниже

Таблица 3 — Прогноз численности населения Новосибирской области на период до 2030 года, средний вариант**Table 3** — Forecast of the population of the Novosibirsk region for the period up to 2030, average variant

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	в том числе		Удельный вес, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2024	2815,7	2243,0	572,7	79,7	20,3
2025	2817,4	2247,0	570,4	79,8	20,2
2026	2818,2	2250,0	568,2	79,8	20,2
2027	2818,8	2252,7	566,1	79,9	20,1
2028	2819,2	2255,1	564,1	80,0	20,0
2029	2819,7	2257,3	562,4	80,1	19,9
2030	2820,6	2259,6	561,0	80,1	19,9

Источник: данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

значения показателей в Омской и Томской областях. На этом фоне снижение численности населения Новосибирской области не выглядит так уж катастрофически: у нас данный показатель составляет «всего» 1,2 человека на каждую тысячу населения. По рейтингу область находится на третьем месте после Республики Тыва и Республики Алтай. В разрезе городского и сельского населения регион занимает более высокие позиции: Новосибирская область находится на втором месте после Республики Тыва (по городскому населению) и после Республики Алтай (по сельскому населению). Необходимо отметить, что в указанных субъектах численность населения (городского в Тыве и сельского на Алтае) выросла. Следовательно, хотя в НСО и наблюдается снижение численности населения, оно происходит менее интенсивно, чем в большинстве субъектов СФО. Что можно оценить как относительно благоприятную ситуацию в регионе.

Однако, если обратиться к прогнозным данным, то можно увидеть, что на фоне общего роста численности сельское население области сохранит тенденцию к снижению. В таблице 3 приведены данные прогноза численности населения Новосибирской области в целом и отдельно по городскому и сельскому населению на период до 2030 года (расчеты Федеральной службы государственной статистики).

Общая численность населения области по среднему варианту прогноза увеличится до 2821 тыс. человек (на 0,9% по сравнению с 2023 г.). Необходимо отметить, что на фоне прогнозируемого снижения численности населения большин-

ства субъектов Сибирского федерального округа (кроме Республики Алтай и Республики Тыва) и численности населения всего СФО такой рост весьма позитивен. Высокий вариант прогноза предполагает рост численности населения на 3,9%, низкий вариант — снижение на 2,2%. Что касается сельского населения, то здесь прогноз неблагоприятен: его численность к 2030 году сократится до 561 тыс. человек против сегодняшних 567 тыс., т.е. снижение составит 1,1%. Удельный вес сельского населения сократится до 19,9%, что существенно ниже общероссийского и целевого показателя.

В настоящее время почти четверть населения области составляют лица старше трудоспособного возраста, а молодое население — всего чуть более 19%. В трудоспособном возрасте находится 57% мужчин и женщин, и эта доля постепенно снижается, в сельской местности этот процент еще ниже и составляет 52,6%. При этом молодое население составляет 20,8%.

В таблице 4 представлена половозрастная структура сельского населения Новосибирской области, которая показывает, что в сельской местности демографическая нагрузка выше, чем в городе, и составляет почти 879 человек нетрудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного. При этом данная нагрузка стабильно увеличивается.

В то же время данные прогнозной численности населения Новосибирской области по отдельным возрастным группам на период до 2030 года показывают, что удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста начнет снижаться и к 2030 году достигнет уровня 16,9%. Такая же тенденция будет прослеживаться и в отношении изменения доли лиц старше трудоспособного возраста. Таким образом, демографическая нагрузка должна постепенно снижаться.

В таблице 5 приведены данные о средней ожидаемой продолжительности жизни населения Новосибирской области за 2010–2022 годы.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения НСО за рассматриваемый период с 2010 года в целом увеличивается, но остается ниже, чем аналогичный показатель по Российской Федерации. Так, в 2022 году по России значение показателя составляло 72,7 года (в НСО — 71,5 года). Вместе с тем, за период 2020–2021 гг., из-за резко увеличившейся смертности населения в период пандемии COVID, средняя ожи-

Таблица 4 — Компоненты изменения численности населения Новосибирской области за 2010–2023 гг., тыс. чел.
Table 4 — Components of population change in Novosibirsk Oblast for 2010–2023, thousand people.

Возрастная группа, лет	Всего сельское население	Сельское население		Всего сельское население	Сельское население	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
	на 1 января 2023 года			на 1 января 2022 года		
0-4	29714	15449	14265	31044	16168	14876
5-9	40541	20791	19750	42176	21474	20702
10-14	40418	20579	19839	38499	19635	18864
15-19	30732	15798	14934	29291	15091	14200
20-24	23578	12494	11084	22694	12045	10649
25-29	22637	11991	10646	23786	12565	11221
30-34	33853	17834	16019	37188	19543	17645
35-39	43231	22278	20953	43714	22499	21215
40-44	41936	20981	20955	41010	20518	20492
45-49	39594	19448	20146	39282	19302	19980
50-54	35756	17452	18304	35283	17229	18054
55-59	37839	18020	19819	40435	19229	21206
60-64	49772	22889	26883	51123	23513	27610
65-69	41573	18081	23492	39562	17232	22330
70-74	27241	10746	16495	25620	10085	15535
75-79	10133	3517	6616	8532	2938	5594
80-84	10316	2686	7630	11906	3084	8822
85 и старше	7625	1620	6005	7241	1569	5672
<i>Всего, в т. ч.</i>	566489	272654	293835	568386	273719	294667
<i>моложе трудоспособного</i>	117955	60554	57401	118134	60541	57593
<i>в трудоспособном возрасте</i>	298078	161447	136631	302507	164659	137848
<i>старше трудоспособного</i>	150456	50653	99803	147745	48519	99226

Источник: данные официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://54.rosstat.gov.ru/>.

даемая продолжительность жизни в области снизилась. Так, уровень данного показателя по женскому населению откатился до уровня начала 2000-х, по мужчинам — до уровня 2014 года. Учитывая, что в сельской местности данный показатель традиционно ниже, чем в городе, можно сказать, что будет сохраняться отставание данного показателя от общероссийского.

В последние годы неоднозначно складывается ситуация с естественным движением населения Новосибирской области, а именно, с рождаемостью и смертностью. Так, до 2015 года рождаемость населения в области в целом увеличивалась, начиная с 2016 года — снижается. Снижение происходит стремительно: за семь лет на 32,4%. Примечательно, что даже при положительной динамике рождаемость в области находилась и находится в интервале «низкой», а с 2019 года — «очень низкой» рождаемости (по шкале Меркова А. М.). При этом уровень показателя (2022 г.) по области чуть выше, чем в среднем по России (8,9 промилле), и чуть

Таблица 5 — Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Новосибирской области за 2021–2022 годы, лет

Table 5 — Average life expectancy at birth of the population of the Novosibirsk region for 2021–2022, years

Год	Все население	Мужчины	Женщины
2010	69,3	63,3	75,4
2015	70,9	65,1	76,6
2020	70,3	66,2	75,4
2021	69,2	64,4	74,0
2022	71,5	...	...

Источник: данные официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://54.rosstat.gov.ru/>.

выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу (9,2 промилле). В СФО по уровню рождаемости Новосибирская область уступает лишь Республике Тыва (17,7), Республике Алтай (13,1) и Иркутской области (10,4). Данная тенденция является характерной и для сельской местности, несмотря на то, что доля молодого населения в целом выше, но количество детей от 0-4 имеет тенденцию к снижению.

Что касается смертности населения, то необходимо отметить положительную динамику изменения уровня: с 2010 года смертность населения в области хоть и очень медленно, но снижается. Причем практически за весь рассматриваемый период ее уровень характеризовался как «выше среднего» или «средний», и только в 2021 году — как «высокий». Данный показатель в Новосибирской области несколько выше, чем в целом по России (12,9 промилле), и чуть ниже, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу (14,0 промилле). Здесь также нет существенных отличий для проживающих в сельской местности, в целом наблюдается общая тенденция.

Так как основной прирост численности населения Новосибирской области образуется за счет миграционных процессов, то в части миграционных процессов можно отметить следующее: хотя их интенсивность уменьшается, Новосибирская область считается одним из центров притяжения мигрантов и среди субъектов Сибирского федерального округа, и в целом по России. За анализируемый период с 2018 по 2022 год в области регистрируется положительный миграционный прирост населения, за счет положительного сальдо миграции происходит полная или частичная компенсация естественной убыли населения, что является отличительной особенностью региона.

В 2018 году Новосибирская область была единственным субъектом в Сибирском федеральном округе, где в целом по всему населению зафиксировано положительное сальдо миграции: положительный миграционный прирост наблюдался и в городском, и в сельском населении. По этому показателю регион занимал первое (по области в целом и по сельскому населению) и второе место (по городскому населению), уступив лишь Республике Алтай. Также достаточно высокие позиции по коэффициентам миграционного прироста область занимает и среди субъектов России: 13 место по населению в целом и отдельно по сельскому населению и 15 место по городскому населению.

К 2022 году ситуация с миграцией улучшилась: область занимала первые строчки в рейтинге (по области в целом, по городскому и сельскому населению) среди субъектов СФО и улучшала свои позиции среди регионов России, передвинулась на 11 место по населению в це-

лом и на 12 место по городскому населению. Рейтинг по сельскому населению не изменился. Около 40%, прибывших составляют потоки, относящиеся к внутренней миграции, т.е. происходящей внутри Новосибирской области. Из-за пределов региона прибывают около 60% всех мигрантов. Большую их часть, в свою очередь, составляют прибывшие из других регионов России. И только около четверти всех прибывших (min 2019 год (21,4%), max 2022 год (26,1%)) приезжают из-за пределов России, в первую очередь — из стран СНГ. При этом от 50 до 58% всех выбывших составляют перемещающиеся за пределы региона, в первую очередь — в другие регионы России. Их доля колеблется от 37,6% в 2020 году до 41,5% в 2022 году. В 2022 году в Новосибирской области впервые зафиксировано отрицательное сальдо миграции населения с другими регионами России, т.е. число выехавших из Новосибирской области в другие регионы России превысило число прибывших в Новосибирскую область из других регионов России. Хотя количественно потоки мигрантов между Новосибирской областью и другими регионами России гораздо крупнее, основной миграционный прирост в НСО образуется за счет миграционных потоков со странами СНГ. Более того, в 2022 году положительное сальдо миграции с этой группой стран компенсировало отрицательное сальдо миграции с другими регионами России. Основные потоки мигрантов приходятся на четыре страны: Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан. Порядка 90% прибывших в Новосибирскую область из стран СНГ и выбывших из Новосибирской области в страны СНГ составляют выходцы из этих стран. Примерно 50% мигрантов приходится на Казахстан, в первую очередь, из-за близости границ. Самой мобильной группой населения является население в трудоспособном возрасте, эта группа составляет большую долю по сравнению с мигрантами моложе и старше трудоспособного возраста. Гораздо больший интерес представляет соотношение рассматриваемых возрастных групп, так называемая демографическая (экономическая) нагрузка на трудоспособное население.

В целом можно отметить, что в Новосибирской области горожан в 3,9 раза больше, чем жителей села. Возрастная структура сельского населения отличается от городского. В сельской

местности наиболее многочисленны поколения 8–13-летних (9%) и 61–65-летних (8,9%), в городской местности — 35–39-летних (9,5%) — в основном за счет приезжающих на поиски работы. Это характерно как для мужчин, так и для женщин данных возрастных групп. В Новосибирской области коэффициент старения составил 16,4%, что соответствует среднероссийскому уровню, но выше данного показателя по Сибирскому федеральному округу (15,7%). Динамика коэффициента свидетельствует, что в регионе идет интенсивный процесс демографического старения. И это в большей степени характерно для сельского населения (17,1%), чем для городского (16,2%).

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Поскольку для Новосибирской области, особенно в части развития демографического потенциала сельских территорий, наблюдаются негативные тенденции, то требуется разработка мер, направленных на изменение ситуации. Для этого необходимо проведение особой региональной демографической политики, направленной на поддержку сельского населения, прежде всего молодежи.

Региональная демографическая политика в настоящее время предполагает стабилизацию демографической ситуации в Новосибирской области за счет:

- реализации мер, направленных на улучшение положения семей с детьми, укрепление института семьи, повышение престижа материнства и отцовства, развитие и сохранение семейных ценностей;
- предупреждения и снижения смертности по основным классам причин, содействия увеличению продолжительности здоровой жизни населения;
- повышения доступности и качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям, в частности сохранения репродуктивного здоровья населения;
- содействия добровольному переселению в Новосибирскую область соотечественников, проживающих за рубежом;
- совершенствования механизмов регулирования внутренней и внешней миграции.

Отметим, что для улучшения демографической ситуации в сельской местности в НСО

области применяются гарантии финансовой поддержки молодых специалистов. Согласно Постановлению Правительства НСО от 11.09.2023 № 427-п «О внесении изменений в постановление Правительства НСО от 03.03.2020 № 53-п» размеры единовременных выплат молодым специалистам, принятым в течение года со дня окончания обучения на работу в организации, осуществляющие сельскохозяйственное производство в сельской местности НСО, увеличены и составляют: 500 тыс. рублей — получившим высшее образование, 350 тыс. рублей — получившим среднее профессиональное образование. Также в области действуют программы «Земский доктор» и «Земский учитель». Однако эти меры недостаточны.

Ключевым фактором для повышения демографического потенциала должно стать возвращение в сельские поселения молодежи и ее адаптация к сельской жизни в концепции «Сельское поселение XXI века», где уровень благоустройства и комфорта будет не ниже, чем в городе (в том числе современные средства связи, Интернет, возможность работать удаленно). Для этого необходимы меры государственной политики в области:

- повышения занятости сельского населения и регулирования рынка труда в сельской местности;
- развития кадрового обеспечения агропромышленного комплекса региона;
- стимулирования развития фермерства, сельского туризма и малого бизнеса в целом на сельских территориях;
- комплексного развития инфраструктуры сельских территорий (в том числе социальной, инженерной, транспортной, цифровой и т.д.);
- роста уровня доходов в сельской местности, в том числе посредством создания возможностей для формирования диверсификации источников, получаемых сельским населением, доходов;
- продвижения и стимулирования сбыта сельскохозяйственной продукции;
- создания позитивного отношения молодого населения к сельскому образу жизни;
- обеспечения в сельской местности доступного и качественного образования, в том числе и профессионального;
- повышения качества медицинского и культурного обслуживания населения, проживающего в сельской местности и др.

При этом концепция региональной демографической политики поддержки молодой сель-

ской семьи должна включать в себя следующие направления [21]:

- предоставление социального жилья или льготных кредитов на приобретение собственного жилья для молодых семей, желающих жить и работать в сельской местности;
- организация программ профессионального обучения и повышения квалификации для молодых специалистов, работающих в сельской местности, в том числе компенсация затрат по прохождению обучения для молодых семей с детьми;
- предоставление молодым семьям, проживающим в сельской местности, повышенных социальных выплат, в том числе за рождение вторых, третьих и последующих детей;
- предоставление грантов на открытие предприятий малого бизнеса в сельской местности для молодых семей;
- введение системы льготного налогообложения для фермерских хозяйств и сельскохозяйственных предприятий, в которых доля молодых работников, имеющих семью, составляет от 20-30% от общего числа работающих;
- организация фестивалей, конкурсов и других культурных, спортивных мероприятий как целенаправленных кампаний по привлечению молодежи в сельские поселения.

Вместе с тем, важно отметить, что на территории Новосибирской области осуществляют свою деятельность около 25 крупных сельскохозяйственных предприятий¹¹:

- *по производству молока:*

ООО «Сибирская Нива»;
 ЗАО Племенной завод «Ирмень»;
 СПК колхоз «Колос»;
 ЗАО «СПК Луковское»;
 ЗАО Агрофирма «Лебедевская»;
 ОАО ПЗ «Учхоз Тулинское»;
 ЗАО им. Кирова;
 ЗАО «Ивановское»;
 ЗАО «Политотдельское»;
 ЗАО «Крутишинское»;
 ООО «Красносельское»;
 ЗАО «Шарчинское»;
 ЗАО «Рямовское»;
 ОАО «Доронинское»;

¹¹ Агровестник. URL: <https://agrovosti.net/lib/regionals/region-54/perechen-krupnejshikh-selskokhozyajstvennykh-i-pererabatyvayushchikh-predpriyatij-novosibirskoj-oblasti.html> (дата обращения: 15.12.2023).

ЗАО «Кубанское»;
 СПК колхоз «Победа»;
 ООО КФХ «Русское поле»;
 ЗАО «Раздольное»;
 СПК «Кирзинский»;

- *по переработке молока*

ЗАО «Маслосырзавод «Утянский»;
 ООО «Тогучинское молоко»;
 «ОАО «Молкомбинат»;
 ЗАО «Маслосырзавод «Сузунский».

Для данных организаций существенное значение в настоящее время имеет привлечение и удержание кадров, которое требует пересмотра подходов в связи со сложившейся демографической ситуацией и текущей неблагоприятной ситуацией на рынке труда.

Анализ информации о социальной деятельности этих предприятий, находящейся в открытом доступе, позволил сделать вывод о том, что ключевым направлением стратегии социальной ответственности для них является эффективное взаимодействие с местными сообществами по вопросам, в том числе имеющим прямое или косвенное влияние на демографический потенциал. К наиболее часто обозначаемым проектам относятся помощь в строительстве и обслуживании объектов социальной инфраструктуры (детские сады, спортивные площадки); проведение мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни. Тогда как адресная поддержка сотрудников, осуществляющих вместе с трудовыми родительские функции, упоминается крайне редко.

Включение в социальную повестку предприятиями АПК демографического аспекта может базироваться на создании и реализации принципов и условий, повышающих конкурентную среду сельского рынка труда. К ключевым мерам в рамках обозначенных выше направлений поддержки сотрудников и их семей можно отнести следующие меры, представленные в таблице 6.

Таким образом, становится возможным предположить, что для наращивания демографического потенциала сельских территорий в условиях их устойчивого развития, в том числе в Новосибирской области, необходимо реализовать комплексный подход, включающий в себя набор мер и инструментов, осуществляемых как на федеральном и региональном уровнях, так и на уровне корпоративного управления. ●

Таблица 6 — Меры корпоративной демографической политики для предприятий АПК
Table 6 — Corporate demographic policy measures for agricultural enterprises

Направление	Меры
Обеспечение защиты жизни и здоровья работников	Мотивирование работников к здоровому образу жизни путем формирования доступных условий для занятий спортом и физической культуры
Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки, в том числе направленные на поддержку семей с детьми	Система поощрительных выплат для сотрудников, стремящихся или выполняющих семейные обязанности (выплаты при заключении брака; выплаты при рождении детей; выплаты сотрудникам с детьми к 1 сентября и др.)
Уважение семейных обязанностей работников	Меры для повышения качества жизни сельских семей; комплекс мер по социальным обязательствам в отношении семей с детьми.
Эффективная система взаимодействия с работниками как основными стейкхолдерами компании	Создание и модификация рабочих мест с учетом меняющейся возрастной структуры населения, в том числе с учетом потребностей и ожиданий молодых сотрудников; создание комфортной инфраструктуры для сотрудников с целью реализации ими как трудовых, так и родительских функций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н.** Динамика рождаемости в России: детерминанты и возможные перспективы // **Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»** : Материалы форума (Воронеж, 30 сентября – 2 октября 2021 г.). Воронеж : Цифровая полиграфия, 2021. С. 24–31. EDN **OGRRAN**.
2. **ЖУРАВЛЕВА Т. А.**, Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // **Экономический журнал Высшей школы экономики**. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187. EDN **YMIQTF**.
3. **ЗАХАРОВ С. В.**, Сакевич В. И. Долговременные тенденции уровня рождаемости и проблемы ее контроля на внутрисемейном уровне в современной России : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 154 с. DOI **10.17323/978-5-7598-2554-8**. EDN **FKJKMO**.
4. **КОЗЛОВА О. А.**, **ЛЕВИНА Е. И.** Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // **Журнал экономической теории**. 2019. Т. 16, № 1. С. 144–153. DOI **10.31063/2073-6517/2019.16-1.13**. EDN **DHZGMO**.
5. **NIKOLOSKI, Z.**, **SHKOLNIKOV, V. M.**, & **MOSSIALOS, E.** (2023). Preventable mortality in the Russian Federation: a retrospective, regional level study. *The Lancet Regional Health - Europe*, 29, Article 100631. <https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631>.
6. **АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н.**, **ВАСИЛЬЕВА Е. Н.**, **ВАСИЛЬЕВА А. Е.** Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // **Logos et Praxis**. 2021. № 3. С. 93–111. DOI **10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10**. EDN **CVYOCN**.
7. **ВИШНЕВСКИЙ А. Г.**, **АНДРЕЕВ Е. М.**, **ТРЕЙВИШ А. И.** Перспективы развития России: роль демографического фактора: научные труды : Монография. Москва, 2003. 90 с. EDN **PYNJTT**.
8. **РОСТОВСКАЯ Т. К.**, **ЗОЛОТАРЕВА О. А.** Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // **Вопросы управления**. 2022. № 3 (76). С. 6–18. DOI **10.22394/2304-3369-2022-3-6-18**. EDN **SWXZSE**.
9. **РЯЗАНЦЕВ С. В.**, **РОСТОВСКАЯ Т. К.**, **АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н.**, **ВОРОВЬЕВА О. Д.**, **ЗОЛОТАРЕВА О. А.**, **ИВАНОВА А. Е.**, **КАШЕПОВ А. В.**, **КУЧМАЕВА О. В.**, **МИРЯЗОВ Т. Р.**, **МОИСЕЕВА Е. М.**, **ПИСЬМЕННАЯ Е. Е.**, **СЕМЕНОВА В. Г.**, **ТОПИЛИН А. В.**, **ХРАМОВА М. Н.** Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 108 с. DOI **10.19181/monogr.978-5-88045-557-7**.
10. **БАГИРОВА А. П.**, **ВАВИЛОВА А. С.** Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // **Управленец**. 2022. Т. 13, № 5. С. 34–48. DOI **10.29141/2218-5003-2022-13-5-3**. EDN **LLZBQQ**.
11. **ШУВАТ О. М.**, **БАГИРОВА А. П.**, **Янь Д.** Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // **Экономика региона**. 2022. Т. 18, № 4 (4). С. 1121–1134. DOI **10.17059/ekon.reg.2022-4-11**. EDN **KGPWEO**.
12. **РОСТОВСКАЯ Т. К.**, **ШАБУНОВА А. А.**, **БАГИРОВА А. П.** Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // **Экономические и социальные перемены**:

факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 151–164. DOI [10.15838/esc.2021.5.77.9](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9). EDN SZVVIV.

13. KIM, H., RHO, Y., TOPCUOGLU, E., & KIM, Y. G. (2020). Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory. *International Journal of Hospitality Management*, (87), Article 102505. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102505>.

14. STIER, H., LEWIN-EPSTEIN, N., & BRAUN, M. (2012). Work-family conflict in comparative perspective: The role of social policies. *Research in Social Stratification and Mobility*, 30(3), 265–279. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2012.02.001>.

15. ГРОВОВА Н. В. Лояльность персонала как фактор обеспечения конкурентоспособности российских компаний // *Современная конкурен-*

ция. 2020. Т. 14, № 2 (78). С. 60–72. DOI [10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72](https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72). EDN XLWNAM.

16. БОНДАРЕНКО А. В. Интегральная оценка уровня жизни сельского и городского населения : Монография. Москва : Граф и К, 2009. 88 с. EDN UIIFYT.

17. ZASIMOVA, L., SHELUNTCOVA, M., KOLOSITSYNA, M., KOSKOVA, T., MAKSHANCHIKOV, K., & BIRYUKOVA, A. (2023). Unhealthy lifestyles and regional differences in life expectancy in Russia. *Public Health*, 225, 66–71. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028>.

18. РОСТОВСКАЯ Т. К., ШАБУНОВА А. А., КАЛАЧИКОВА О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 3. С. 31–42. DOI [10.21064/WinRS.2023.3.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.3.3). EDN IVVVAZ.

REFERENCES

1. ARKHANGELSKY, V. N. (2021). Fertility dynamics in Russia: Determinants and possible prospects. In N. V. Yakovenko (Ed.) *International Demographic Forum “Demography and Global Challenges”* (pp. 24–31). Digital Printing. <https://elibrary.ru/ogrrah>.

2. ZHURAVLEVA, T. L., & GAVRILOVA, Y. A. (2017). Analysis of fertility determinants in Russia: What do RLMS data say?. *Higher School Of Economics Economic Journal*, 21(1), 145–187. <https://elibrary.ru/ymiqtf>.

3. ZAKHAROV, S. V., & SAKEVICH, V. I. (2022). *Long-term trends in the birth rate and problems of its control at the intrafamily level in modern Russia*. National Research University Higher School of Economics. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>.

4. KOZLOVA, O. A., & LEVINA, E. I. (2019). The role of social and economic factors in formation of demographic processes: Evolution of theoretical concepts. *Russian Journal of Economic Theory*, 16(1), 144–153. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.13>.

5. NIKOLOSKI, Z., SHKOLNIKOV, V. M., & MOSSIALOS, E. (2023). Preventable mortality in the Russian Federation: a retrospective, regional level study. *The Lancet Regional Health - Europe*, 29, Article 100631. <https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631>.

6. ARKHANGELSKY, V. N., VASILYEVA, E. N., & VASILYEVA, A. E. (2021). Reproductive intentions of modern Russian youth and assessment of the possibilities of their realization. *Logos et Praxis*, (3), 93–111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>.

7. VISHNEVSKY, A. G., ANDREEV, E. M., & TREYVISH, A. I. (2003). *Prospects for the development of Russia: The role of the demographic factor: Scientific works*. <https://elibrary.ru/pynjtt>.

8. ROSTOVSKAYA, T. K., & ZOLOTAREVA, O. A. (2022). Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Management Issues*, (3), 6–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18>.

9. RYAZANTSEV, S. V., ROSTOVSKAYA, T. K., ARKHANGELSKY, V. N., VOROBYOVA, O. D., ZOLOTAREVA, O. A., IVANOVA, A. E., KASHEPOV, A. V., KUCHMAEVA, O. V., MIRYAZOV, T. R., MOISEEVA, E. M., WRITTEN, E. E., SEMENOVA, V. G., TOPILIN, A. V., & KHRAMOVA, M. N. (2022). *Demographic well-being of Russia. National Demographic Report*. Publishing and Trading House “PERSPECTIVE”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7>.

10. BAGIROVA, A. P., & VAVILOVA, A. S. (2022). Corporate demographic policy: The reality and development opportunities in Russian organizations. *The Manager*, 13(5), 34–48. <https://doi.org/10.29141/218-5003-2022-13-5-3>.

11. SHUBAT, O. M., BAGIROVA, A. P., & YAN, D. (2022). Corporate family-friendly policies: The possibility of implementation in Russian regions. *Economy of Regions*, 18(4), 1121–1134. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-11>.

12. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., & BAGIROVA, A. P. (2021). The concept of corporate demographic policy of Russian organizations in the context of social responsibility of business. *Ekonomich-*

eskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz, 14(5), 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>.

13. KIM, H., RHO, Y., TOPCUOGLU, E., & KIM, Y. G. (2020). Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory. *International Journal of Hospitality Management*, (87), Article 102505. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102505>.

14. STIER, H., LEWIN-EPSTEIN, N., & BRAUN, M. (2012). Work-family conflict in comparative perspective: The role of social policies. *Research in Social Stratification and Mobility*, 30(3), 265–279. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2012.02.001>.

15. GROMOVA, N. V. (2020). Personnel loyalty as a factor in ensuring the competitiveness of Russian companies. *Journal of Modern Competition*, 14(2),

60–72. <https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72>.

16. BONDARENKO, L. V. (2009). *Integral assessment of the standard of living of rural and urban populations*. Graf and Co. <https://elibrary.ru/uiifyt>.

17. ZASIMOVA, L., SHELUNTCOVA, M., KOLOSNI-TSYNA, M., KOSSOVA, T., MAKSHANCHIKOV, K., & BIRYUKOVA, A. (2023). Unhealthy lifestyles and regional differences in life expectancy in Russia. *Public Health*, 225, 66–71. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028>.

18. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., & KALACHIKOVA, O. N. (2023). Marriage and family conceptions of student youth: According to the results of the author's study. *Woman in Russian Society*, (3), 31–42. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.3.3>.

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER
and PUBLIC ADMINISTRATION

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ МИГРАНТОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Г. И. Осадчая^а, В. Ю. Леденева^а, Т. Н. Юдина^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки в России политики интеграции мигрантов с целью их инкорпорирования в основные институты общества. Отсутствию четких акторов, занимающихся политикой интеграции мигрантов, ведут к возникновению этнических анклавов, обособлению мигрантов, формированию отрицательного отношения к мигрантам со стороны местного населения. В исследовании поставлена цель – выделить временные этапы миграционной политики, которые соответствовали бы определенным моделям интеграции внешних мигрантов в российское общество, провести анализ моделей интеграции мигрантов в рамках государственной миграционной политики в период с 1992 г. по настоящее время и выработать рекомендации по формированию политики интеграции мигрантов.

Материалы и методы. В качестве методов использованы теоретический анализ текста нормативно-правовых актов, научной литературы, методы сравнения и аналогии, сравнительно-правовой и статистический подходы, а также специальный социологический метод – качественный анализ документов.

Результаты. Представлена авторская типология интеграции мигрантов, которая стала фундаментом выделения этапов и характеристики типов реальных интеграционных моделей: гуманитарная; выборочная; гостевая; жесткая-контрольная; адаптивная; интеграционная; адаптивно-гостевая. Обоснована потребность в совершенствовании управления миграционными процессами в сфере интеграционной политики на федеральном и региональном уровнях, определены организационные мероприятия для органов государственной власти и местного самоуправления по формированию адекватной модели интеграции мигрантов.

Выводы. В настоящее время в Российской Федерации проделана значительная работа по созданию системы социокультурной интеграции иммигрантов. Однако интеграционная политика до сих пор не реализована в достаточной мере, не принят федеральный закон, который бы явно регулировал соответствующие общественные отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграционная политика, иммиграция, иммиграционные страны, интеграция, модели интеграции, зарубежные мигранты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осадчая Г. И., Леденева В. Ю., Юдина Т. Н. Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 69-80. EDN TJVNRM. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-69-80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС*; osadchaya111@gmail.com. SPIN-код: 6918-1267, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017.

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; vy.ledeneva@yandex.ru. SPIN-код: 3331-0909, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009, ResearcherID: AAU-6083-2021.

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; ioudinatn@mail.ru. SPIN-код: 4150-5328, ORCID: 0000-0001-7785-8601, ResearcherID: P-5028-2015.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 17.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

INTEGRATION POLICY REGARDING FOREIGN MIGRANTS: INSTITUTIONAL ASPECTS

G. I. Osadchaya^a, V. Yu. Ledeneva^a, T. N. Yudina^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The relevance of this research is due to the need to develop an integration policy in Russia as an integral part of migration policy aimed at incorporating immigrants into the main social institutions. Intense migration flows with the absence of clear actors involved in integration policies, lead to the ethnic enclaves emergence, migrants isolation and other negative phenomena, which in their turn generate negative attitude towards migrants on the part of the local population. The purpose of the research is to single out the immigration policy time frame, which would correspond to particular models of external migrants integration into the Russian society, to analyze models of migrants integration in the context of public migration policy from 1992 up to now, and work out recommendations to formulate the migrants integration policy.

Materials and methods. The research methods used are theoretical analysis of the text of regulatory legal acts, scholarly literature, comparison and analogy methods, comparative legal and statistical approaches, and qualitative analysis of documents as a specific sociological method.

Results. Based on the analysis of various models of migrant integration proposed by domestic and foreign scholars, the author's typology is given as the foundation to identify stages and characterize types of the real integration models. The need to improve migration processes management in the field of integration policy is substantiated, and steps to form an adequate integration model are identified.

Conclusions. By now, a considerable amount of work has been done in the Russian Federation to create a system of sociocultural immigrant integration. However, integration policy is not yet sound enough; no federal law is adopted to adequately regulate relevant social relations.

KEYWORDS: migration policy, immigration, immigrant countries, integration, integration models, foreign migrants

FOR CITATION: Osadchaya, G. I., Ledeneva, V. Yu., & Yudina, T. N. (2024). Integration policy regarding foreign migrants: Institutional aspects. *Management Issues*, 18(3), 69–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-69-80>

AUTHORS' INFORMATION:

Galina I. Osadchaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *head of the Department for the Study of Socio-Demographic Processes in the EAEU*; osadchaya111@gmail.com. RSCI SPIN: 6918-1267, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017.

Viktoriya Yu. Ledeneva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; vy.ledeneva@yandex.ru. RSCI SPIN: 3331-0909, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009, ResearcherID: AAU-6083-2021.

Tatyana N. Yudina – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; ioudinatn@mail.ru. RSCI SPIN: 4150-5328, ORCID: 0000-0001-7785-8601, ResearcherID: P-5028-2015.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 03/17/2024; accepted for publication 03/29/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В контексте современных миграционных процессов Россия в настоящее время остается и в перспективе будет оставаться центром, активно принимающим мигрантов. По абсолютному числу прибывающих иммигрантов Россия занимает одно из ведущих мест среди других стран. В 2022 году в Российской Федерации проживало около 12 миллионов международных мигрантов, и Россия занимала четвертое место после США, Германии и Саудовской Аравии¹. В то же время Россию можно отнести к новым иммиграционным странам, «характерной чертой которых является неготовность общества признать факт иммиграции» [1]. Признаками таких стран являются, во-первых, отсутствие публичных акторов, реализующих политику интеграции, отсутствие государственной инфраструктуры и четкой иммиграционной стратегии, касающейся анализа объема, количественного и качественного состава мигрантов и управления их пребывания/проживания в стране. И второй признак – неразработанная политика интеграции, направленная на включение иммигрантов в основные институты общества.

Для России важно вести концептуальную дискуссию о политике интеграции мигрантов,

поскольку процесс поиска моделей интеграции иммигрантов в стране проходил в сложных условиях, разработка и внедрение политики интеграции столкнулись с неоднозначным пониманием властями целесообразности пребывания мигрантов в России².

Отсутствие четкой политики интеграции способствует анклавизации мигрантов – обособлению их в пределах отдельных территорий. В иммиграционных анклавах практически не развиваются процессы интеграции. Даже третье поколение мигрантов не может интегрироваться в местное общество [2].

Наша цель в данном исследовании заключается в определении наиболее типичной модели интеграции мигрантов для каждого выделенного этапа и разработке рекомендаций по формированию будущей политики интеграции мигрантов. Мы поставили задачу проанализировать развитие политики интеграции мигрантов в современной России в рамках государственной миграционной стратегии и ее проявления в контексте официальной политики по отношению к различным группам мигрантов, которые являются объектом внимания государственных институтов в области интеграции.

¹ Доклад о миграции в мире – 2022. Международная организация по миграции. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-migratsii-v-mire-2022/>.

² В России оценили дефицит мигрантов: «Мигранты нужны. Без них мы не справимся». URL: <https://rosmigrant.ru/press-center/news/novosti/minnikhanov-migranty-nuzhny-bez-nikh-my-ne-spravimsya/>.

■ МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В статье были использованы различные научные подходы, включая общенаучные и общесоциологические методы. Авторы применили институциональный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и статистический подходы, а также специальный социологический метод – качественный анализ документов. В исследовании было использовано сочетание формальных и содержательных подходов к анализу типичных моделей интеграции мигрантов на различных этапах. Информационными источниками стали нормативно-правовые акты, официальные документы государственных органов, статистические данные из ежегодных демографических отчетов, а также публикации в научных изданиях и другие материалы.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Теоретико-методологические основы анализа.

Разработка и внедрение интеграционной политики без должного анализа изменений в миграционном законодательстве и без убедительных доказательств ее возможного положительного воздействия могут привести к существенным человеческим, финансовым и социальным издержкам, затрагивая не только мигрантов, но и принимающее сообщество. В отличие от этого политика, основанная на фактических данных, способствует эффективному управлению путем улучшения институциональной компетентности, отчетности и эффективного использования государственных ресурсов.

Проблемами политики интеграции, анализом моделей интеграции серьезно занимались многие российские исследователи. Это нашло отражение в работах Т. А. Бажан «Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов как инструмент государственной миграционной политики советского периода» [3], А. А. Илимбетовой «Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы» [4]; Т. В. Лебедевой «Адаптация и интеграция учебных мигрантов: теоретические аспекты и практические подходы» [5]; В. И. Мукомеля, К. С. Григорьевой, Г. А. Монусовой «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» [6]; О. В. Кульбачевой «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии» [7] и других.

Основываясь на подходе, предложенном С. Н. Градиевским в Докладе «Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве»³ и работе «Трансформация миграционной политики России: этапы» (авторы Попова С. М., Яник А. А., Карпова С. Ф.) [8], а также периодов формирования миграционного законодательства в области интеграции мигрантов, мы обосновываем интеграционные модели, которые, на наш взгляд, соответствуют определенному этапу в эволюции миграционной политики в России.

В первую очередь, необходимо дать определение государственной политики в сфере интеграции. За основу можно принять определение, предложенное Л. А. Кононовым и В. Ю. Леденовой, что «государственная политика интеграции мигрантов – это деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на содействие мигрантам в приспособлении их к условиям пребывания/проживания в принимающем социуме, с привлечением к деятельности органов местного самоуправления, общественных организаций и других субъектов гражданского общества» [9]. По нашему мнению, это определение точно описывает основные аспекты государственной политики интеграции и способствует формированию научного понимания данного явления.

Кроме того, подход к политике интеграции мигрантов может колебаться от «ограничительного» к «разрешительному» и определяется как набор институциональных практик, принятых государственными органами для обеспечения интеграции иммигрантов в принимающем обществе [10, 11]. В связи с этим исследование различных моделей интеграционной миграционной политики представляется значимым аспектом.

На основе анализа различных моделей интеграции мигрантов, предложенных как отечественными [12, 13, 14, 15], так и зарубежными учеными [16, 17, 18, 19, 20, 21], мы разработали авторские модели, которые стали ключевым фундаментом для нашей последующей работы в данном исследовании. При классификации типов интеграционных моделей мы учитывали разносторонний характер процессов интеграции мигрантов, а также стремление к установ-

³ Градиевский С. Н. Доклад-2010 «Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве». М., 2010. URL: https://archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/01_nahalo.pdf.

лению эффективных и взаимовыгодных отношений между мигрантами, государством и принимающим обществом на основе существующего законодательства и других нормативных актов, институциональной реорганизации профильных органов по интеграции мигрантов на различных уровнях регулирования миграционными процессами (таблица 1).

Этапы и типы интеграционных моделей.

Как отмечалось выше, мы впервые попытались выделить временные этапы иммиграционной политики, которые соответствовали бы определенным моделям интеграции внешних мигрантов в российское общество.

В период с 1992 г. по 2000 г. модель интеграции можно назвать гуманитарной. Общий миграционный прирост населения России за десятилетие с 1991 г. по 2000 г. составил 3320 тыс. человек⁴. Большинство мигрантов, прибывающих в Россию, было из постсоветских стран. Главным миграционным трендом в тот период стала репатриация русских. Значительный возврат этнических русских (более 25,3 млн чел.) был вызван не только естественным развитием событий, но и тяжелым положением русских во многих вновь образованных государствах. Возвращение в основном происходило из-за этнической дискриминации или нарушений прав человека. Русских ограничивали в гражданских и политических правах, сужали сферу применения русского языка и вытесняли из управленческих и интеллектуальных сфер, а также из сферы предпринимательской деятельности.

В июне 1992 года по Указу Президента России была создана Федеральная миграционная служба России. Основные направления миграционной политики были представлены в долгосрочной программе «Миграция»⁵. Позже, в 1994 г., Указом Президента РФ была утверждена Федеральная миграционная программа⁶. Основные направления миграционной политики также стали включаться в другие нормативные документы.

Работа ФМС России в тот период больше напоминала работу службы социального обе-

спечения: Служба организовывала выплату пособий переселенцам, следила за выплатой дотаций на строительство и т. д. Особенно это касалось беженцев и вынужденных переселенцев, которые составляли 21% от всех прибывших в Россию⁷. Для работы с беженцами и вынужденными переселенцами в 1994 г. в г. Очёр Пермского края было образовано Федеральное казенное учреждение ФМС России «Центр временного размещения иммигрантов «Очёр»⁸. В первую очередь в нем размещались лица, прибывшие на территорию России в экстренном, массовом порядке. Социальная адаптация и интеграция размещенных лиц велась по следующим направлениям: языковая адаптация, образование, трудоустройство, организация досуга, содействие в социальном обеспечении.

В 1997 году в Федеральный закон «О беженцах» была добавлена статья 12 «Предоставление иностранному гражданину или лицу без гражданства временного убежища»⁹.

В мае 2000 года было создано Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики России¹⁰. В связи с ликвидацией ФМС, ее функции были переданы новому министерству¹¹. Структура Министерства включала все центры временного размещения иммигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев.

Министерство просуществовало до 2001 года, и после ликвидации его функции были переданы Министерству внутренних дел России, а точнее, структурному подразделению – Федераль-

⁷ Население России 2000: Восьмой ежегодный демографический доклад. Вишневецкий / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М.: КДУ, 2000.

⁸ О Федеральной миграционной службе России : Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 626. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=223305#KxjIV0UWnW5ohJFQ>.

Вопросы Федеральной миграционной службы России : Постановление Правительства РФ от 22.09.1992 № 740. URL: <https://base.garant.ru/6309993/>.

⁹ О беженцах : Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (в ред. от 13.06.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/27f2b85f7fcc6d7e04c456a9db05fcd608715cd/.

¹⁰ О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 17.05.2000 № 867 (в ред. от 25.11.2003). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27233/.

¹¹ Об утверждении положения о Министерстве по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30.09.2000 № 740. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28723/.

Вопросы Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 26.07.2000 № 561. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28009/.

⁴ Население России 2000: Восьмой ежегодный демографический доклад. Вишневецкий / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М.: КДУ, 2000.

⁵ О Республиканской долговременной программе Миграция : Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 № 327. URL: <https://base.garant.ru/1548572/>.

⁶ О федеральной миграционной программе : Указ Президента РФ от 09.08.1994 № 1668. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=217363#MstjV0UQ50lIXcJl>

Таблица 1 — Типы интеграционных моделей миграционной политики и их основные элементы
Table 1 — Types of integration models of migration policy and their main elements

№ п/п	Тип модели	Основные элементы
1	Гуманитарная модель. Государство ориентировано на уважение прав человека. Основопологающие принципы: гуманность, равенство, справедливость и защита прав личности	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение основных прав и свобод мигрантов (право на жизнь, труд, образование, медицинское обслуживание и т.д.); • отсутствие дискриминации по признакам национальности, расы, пола, религии и другим; • доступ к социальным услугам
2	Выборочная модель. Государство проводит селекцию и отбор определенных групп мигрантов, сосредотачиваясь на их специфических характеристиках или критериях	<ul style="list-style-type: none"> • строгие квалификационные стандарты для мигрантов (образовательный уровень, профессиональные навыки или опыт работы и т. д.); • языковые требования для мигрантов с целью облегчения их интеграции и взаимодействия с местным населением; • приоритеты для определенных категорий мигрантов, опираясь на стратегические интересы
3	Гостевая модель. Государство приглашает временных трудовых мигрантов с целью реализации потребностей экономики. Обязательным условием является возвращение мигранта на родину по окончании контракта	<ul style="list-style-type: none"> • регулируется срок пребывания мигрантов в зависимости от потребности на рынке труда; • мигранты ограничены в доступе к социальным услугам; • гарантирована защита прав мигрантов
4	Жесткая контрольная модель. Государство вводит строгие меры контроля, ограничений пребывания и трудоустройства иностранных граждан с целью минимизации нелегальной миграции	<ul style="list-style-type: none"> • строгие критерии для въезда иностранных граждан и их отбор; • ограничение сроков пребывания иностранных граждан; • строгие правила для трудоустройства иностранных работников, включая квоты, лицензирование и дополнительные проверки; • ограничение доступа мигрантов к социальным услугам, образованию, здравоохранению и другим льготам; • использование государством системы мониторинга и контроля для отслеживания пребывания и деятельности иностранных граждан
5	Адаптационная модель. Государство фокусируется на создании благоприятных условий для полноценного участия мигрантов в жизнедеятельности общества с учетом их потребностей, прав и вклада	<ul style="list-style-type: none"> • мигрантам предоставлено право участия в различных сферах трудовой, социальной и общественной жизни страны приема; • мигрантам предоставлен спектр государственных услуг по информационному сопровождению пребывания мигрантов (поиск жилья, работы, доступ мигрантов к образовательным программам); • разрабатываются гуманитарные программы для беженцев
6	Интеграционная модель. Государство направляет усилия на создание условий для успешной интеграции и включения мигрантов в различные аспекты общественной жизни страны приема	<ul style="list-style-type: none"> • разрабатывается политика, направленная на инклюзию мигрантов в различные сферы общественной жизни, включая трудовой рынок, образование, здравоохранение, культуру и политику; • разрабатываются программы по долгосрочному и стабильному пребыванию мигрантов, в том числе через получение статуса постоянного жителя или гражданства; • мигрантам предоставляется поддержка в поиске работы, обучении профессиональным навыкам, изучении языка страны приема и понимании культурных особенностей; • в реализацию миграционной политики активно включаются некоммерческие организации, предприятия и учебные заведения, с целью создания благоприятных условий для успешной социальной адаптации мигрантов
7	Адаптационно-гостевая модель. Государство разрабатывает разные подходы, сочетающие в себе элементы адаптации мигрантов к местной среде и временного пребывания	<ul style="list-style-type: none"> • предоставляются временные рабочие визы, которые позволяют мигрантам работать в стране определенный срок в секторах экономики, требующих временной рабочей силы; • предоставляются права и возможности для адаптации на срок пребывания, в том числе обеспечивая поддержку мигрантам в поиске работы, обучении профессиональным навыкам, изучении языка страны приема, местным законам и культурным особенностям; • мигранты имеют ограниченные права на социальные льготы и услуги, поскольку их пребывание считается временным; • мигрантам предоставляют информацию о возврате в их страну происхождения после завершения временного периода пребывания; • контролируется соблюдение мигрантами условий временного пребывания, включая выполнение законов страны приема

ной миграционной службе, структура которой осталась неизменной¹². Это решение обозначило начало самостоятельного этапа развития миграционной политики и основных преобразований в сфере интеграции мигрантов.

Таким образом, второй этап становления политики интеграции внешних мигрантов мы предлагаем определить 2001–2007 годами и назвать моделью политики интеграции выборочно-гостевой.

Этот период продолжался до 2006 года и характеризовался ограничением иммиграции. То есть 2001–2002 годы можно назвать «годами борьбы» с миграцией на государственном уровне: принят закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹³. Были введены новые более жесткие требования о порядке въезда и пребывания на территории России иностранных граждан. Как отмечают исследователи, желаемого эффекта это не дало: «число нелегальных мигрантов стало увеличиваться в геометрической прогрессии»¹⁴.

2003 год ознаменован принятием «Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации»¹⁵, которая справедливо подвергалась критике [22, 23]. Однако в ее разделе «Основные направления деятельности по регулированию миграционных процессов в Российской Федерации в области содействия по привлечению иммигрантов на работу в Российскую Федерацию», исходя из необходимости обеспечения экономики страны трудовыми ресурсами, впервые на государственном уровне стало говориться о «разработке мер по содействию адаптации иммигрантов и интеграции их в российское общество»¹⁶.

В 2006 году был принят закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без

гражданства в РФ»¹⁷. Закон трактовался многими как «неоправданно ультралиберальная система» регулирования процессов внешней трудовой иммиграции для граждан стран СНГ¹⁸. Российское миграционное законодательство было ориентировано на привлечение временных иностранных работников и практически не содержало мер, способствующих их адаптации и интеграции.

Мы считаем, что в следующем периоде в 2008–2012 гг. в основе интеграционной политики лежала адаптационная модель. В 2010 году в ФМС России было учреждено специализированное структурное подразделение под названием Управление содействия интеграции. Одним из его основных полномочий стала разработка предложений по конкретным интеграционным мероприятиям. Указ Президента России от 2012 года «О межнациональном согласии» установил основополагающие принципы для будущей идеологии системы интеграции: иностранные граждане, проживающие или постоянно пребывающие в стране, должны владеть русским языком. Речь шла о введении обязательного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для трудовых мигрантов. Указ подтвердил важный принцип ценностей и идеологии: мигранты должны интегрироваться не в отдельные этнические группы, а в российское общество в целом. Этап ознаменовался принятием в июне 2012 года важнейшего документа в миграционной сфере – первой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В Концепции отразились идеи майских Указов Президента относительно политики интеграции.

С 2012 года начинается активное обсуждение проекта Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», главной задачей которого являлось установление «правовых, организационных и экономических основ социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, основных принципов государ-

¹² Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 16.10.2001 № 1230 (ред. от 15.01.2013). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33653/.

¹³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868u.

¹⁴ Мониторинг средств массовой информации. Федеральная служба занятости. Мониторинг СМИ 21 июня 2023. Откуда взялись мигранты. С. 6.

¹⁵ Об одобрении Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-П. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=14371#h129>.

¹⁶ Об одобрении Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-П. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=14371#h129>.

¹⁷ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ.

¹⁸ Лужков раскритиковал миграционную политику. Новый Закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» закладывает мину под будущее всей страны. URL: <https://rg.ru/2006/11/10/luzhkov.html>.

ственной политики Российской Федерации, полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в указанной сфере»¹⁹.

В середине 2012 года ФМС России выходит из-под юрисдикции МВД России и начинает напрямую подчиняться Правительству РФ. Это дает возможность ФМС России самой разрабатывать миграционную политику²⁰.

В следующий период с 2013 по 2018 гг. началось усовершенствование инструментов правового регулирования в миграционной сфере, включая меры уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства и противодействия незаконной миграции, правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности, введение штрафов за фиктивную регистрацию и постановку на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, что в конечном счете привело к жесткой контрольной модели интеграционной политики.

В 2014 году в структуре ФМС России было упразднено Управление содействия интеграции. С начала 2015 года вступили в силу новые требования к комплексному экзамену по русскому языку, истории и законодательству для мигрантов. Для получения права на работу не только у физических, но и у юридических лиц мигранты должны были сдать экзамен, предоставить полис ДМС, медицинскую справку и патент.

Переходу к жесткой контрольной модели интеграционной политики способствовало и упразднение в апреле 2016 года ФМС России с передачей ее функций, кроме адаптации и интеграции мигрантов, в образованное на базе МВД России Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ МВД РФ)²¹.

Как справедливо отмечает Т. А. Бажан, «системность государственной политики в определенной сфере предполагает наличие органа государственной власти, ответственного за выра-

ботку соответствующих решений и их реализацию» [24]. В 2017 г. им становится Федеральное агентство по делам национальностей России (ФАДН России). К его функциям отнесена работа по выработке и реализации «государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»²².

В декабре 2016 года Правительство РФ приняло программу «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации», в рамках которой стала действовать подпрограмма «Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов»²³, ответственность за реализацию которой была возложена на ФАДН России.

В мае 2018 г. утверждена новая «Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»²⁴, где одной из задач являлось «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами»²⁵. Про интеграцию сказано лишь в аспекте «добровольного переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество»²⁶.

Вопросы интеграции мигрантов были отмечены и в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года,

¹⁹ Проект. Федеральный закон о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=116341#U87tO0UGqhCApiK1>.

²⁰ О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 21.05.2012 № 636. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129954/.

²¹ О вопросах Федеральной миграционной службы : Постановление Правительства РФ № 711 от 13.07.2012. URL: <https://base.garant.ru/70202608/>.

²² О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/707806/>.

²³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» : Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 27.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/27c3aa4d9f6db2574c6a22765689d8c5049df5c7/.

²⁴ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. <https://base.garant.ru/72092260/>.

²⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. <https://base.garant.ru/72092260/>.

²⁶ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. <https://base.garant.ru/72092260/>.

где одной из задач в сфере государственной национальной политики РФ определено формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество (пункт 21ж)²⁷.

С момента принятия обновленной Концепции можно утверждать, что начался новый этап политики интеграции, который продолжается и в настоящее время. Однако до сих пор затруднительно точно определить, какая модель интеграции соответствует этому этапу.

Сегодня существует экспертное мнение, которое разделяют и авторы статьи, что, несмотря на «декларируемые целеполагания в области политики адаптации мигрантов к условиям жизни в России, в концептуальных, программных и иных документах по вопросам миграции отсутствует комплексный государственный (общенациональный) план или программа такой деятельности» [25] и что «в Российской Федерации до сих пор не выработано четкой стратегии государственной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции мигрантов» [26].

Можно проследить также «интеграционные шаги» в обновленном законе о правовом положении иностранных граждан в РФ. Предложенные меры больше похожи на смягчение данного закона²⁸. Например, с 1 января 2024 года мигранты уже не обязаны приобретать платный полис ДМС – теперь им предоставляется право на обязательное медицинское страхование (ОМС), аналогично гражданам России. Кроме того, работодателям разрешено принимать на работу иностранных студентов, обучающихся на очной форме в государственных вузах, вне установленных квот. С 1 января 2023 г. иностранным студентам выдается разрешение на временное пребывание на период образования (РВПО), а также законодатель разрешил работать во время обучения.

Приказом Федерального агентства по делам национальностей утверждены «Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О соци-

альной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»²⁹.

В конце 2023 года Президентом страны дано поручение Правительству России реформировать до 2025 года миграционный режим и институт гражданства, а также создать адаптационные центры для мигрантов, которые будут оформлять документы и вести учет занятости и мест фактического проживания приезжих и заниматься их культурной адаптацией.

■ ВЫВОДЫ

В настоящее время в Российской Федерации проделана значительная работа по созданию системы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, закрепленное в нормативно-правовых и стратегических документах. Тем не менее, изменения в миграционном законодательстве показывают, что интеграционная политика до сих пор не реализована в достаточной мере.

Федеральный закон, который бы явно регулировал соответствующие общественные отношения, до сих пор не принят, что препятствует формированию системы адаптации и интеграции. Точные планы и последовательность действий федеральных и региональных органов власти в этой области также не определены.

Исходя из проведенного анализа, представляется целесообразным предложить следующие рекомендации по формированию миграционной политики, ориентированной на интеграционные мероприятия для мигрантов.

Предлагаем разделить весь комплекс мероприятий на следующие блоки:

- образовательные мероприятия: включают организацию занятий по изучению русского языка как иностранного, освоение культуры и традиций России и региона проживания, а также ознакомление с правилами и нормами поведения в российском обществе. Важны также занятия по профилактике экстремизма и идеологии терроризма, а также по действиям в экстренных ситуациях;

²⁷ Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703.

²⁸ В Госдуме состоялось заседание рабочей группы по вопросам адаптации и интеграции мигрантов // Государственная Дума РФ. Новости. 2023. 2 февраля. URL: <https://dumatv.ru/news/v-gosdume-sostoyalos-zasedanie-rabochei-gruppi-po-voprosam-adaptatsii-i-integratsii-migrantov>.

²⁹ Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации : Приказ ФАДН от национальностей от 17.11.2020 № 142. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/metodicheskie-rekomendaczii-dlya-organov-gosudarstvennoj-vlsty-dly-adaptaczii-inostrannyx-grazhdan>.

- консультативные мероприятия: предполагают помощь в оформлении различных документов, консультации по получению государственных и муниципальных услуг в различных сферах, а также содействие в поиске жилья и работы;
- тематические встречи: направлены на обсуждение вопросов предоставления государственных и муниципальных услуг, а также миграционного законодательства с представителями государственных и муниципальных органов власти;
- информационные мероприятия: включают разработку и распространение материалов о законодательстве, правилах поведения, контактных данных органов власти, медицинских и миграционных центров, а также другой полезной информации для иностранных граждан;

- мероприятия для муниципальных органов власти: направлены на включение иностранных граждан в общество и укрепление единства. Муниципальным органам рекомендуется разработать соответствующие разделы в программах развития муниципалитета, учитывая специфику миграционной обстановки.

Предложенные рекомендации направлены на совершенствование миграционной политики, однако могут применяться по-разному в зависимости от целей и контекста интеграции мигрантов на различных этапах реализации государством миграционной политики. Кроме этого, мы полагаем, что в свете постоянно меняющейся миграционной динамики возникает необходимость рассмотрения создания отдельного органа по миграции. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. МАЛАКHOV, V. S., & SIMON, M. E. (2017). Migration Policy in the Conditions of Economic Turbulence: The Experience of the European Union and the Prospects of Russia. *SSRN Electronic Journal*, Article 2980789. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2980789>.
2. КОНОНОВ А. А., ЧЕБОТАРЕВ А. В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 70. С. 107–122. EDN YLWMP.
3. БАЖАН Т. А. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов как инструмент государственной миграционной политики советского периода // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2022. Т. 19, № 1 (121). С. 72–83. DOI 10.21686/2413-2829-2022-1-72-83. EDN SDITDS.
4. ИЛИМБЕТОВА А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 2. С. 144–155. DOI 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. EDN TSSPGZ.
5. ЛЕВБЕДЕВА Т. В. Адаптация и интеграция учебных мигрантов: теоретические аспекты и практические подходы // *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2019. Т. 4, № 2. С. 83–104. DOI 10.18334/migration.4.2.41335. EDN GSTXJG.
6. МУКОМЕЛЬ В. И., ГРИГОРЬЕВА К. С., МОНУСОВА Г. А., СМИДОВИЧ Г. С., ТОЛМАЧЕВА А. Ю., ЧУДИНОВСКИХ О. С., ЭНДРЮШКО А. А. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, ре- алии, индикаторы : Монография. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. 400 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. EDN YKKOSI.
7. КУЛЬБАЧЕВСКАЯ О. В. Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // *Вестник антропологии*. 2020. № 4 (52). С. 136–152. DOI 10.33876/2311-0546/2020-52-4/136-152. EDN BRGGDM.
8. ПОПОВА С. М., ЯНИК А. А., КАРПОВА С. Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023) // *Административное и муниципальное право*. 2023. № 4. С. 24–51. DOI 10.7256/2454-0595.2023.4.43666. EDN VBXQFC.
9. КОНОНОВ А. А., ЛЕДЕНЕВА В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 4. С. 103–112. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. EDN BDHOAF.
10. BOURNHS, R. Y., MOÏSE, L. C., PERREAULT, S., & SENÉCAL, S. (1997). Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. *International Journal of Psychology*, 32(6), 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>.
11. GEDDES, A. (2003). *The Politics of Migration and Immigration in Europe*. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446280492>.

12. ТАТАРКО А. Н. Интеграционная политика общества и отношение к мигрантам принимающего населения: исследование в 17 европейских странах // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 16, № 2. С. 216–231. DOI [10.17323/1813-8918-2019-2-216-231](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-216-231). EDN QNKBEU.

13. ОСАДЧАЯ Г. И., ЮДИНА Т. Н. Политика интеграции иммигрантов стран Евросоюза после миграционного кризиса // *Социальная политика и социология*. 2020. Т. 19, № 1 (134). С. 56–63. DOI [10.17922/2071-3665-2020-19-1-56-63](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-1-56-63). EDN DIBJCV.

14. САХАРОВА В. В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада : Монография. Санкт-Петербург : Центр «Златоуст», 2011. 176 с. EDN QONJLV.

15. КАМЕНСКИЙ А. Н. Типология государственной политики стран мира в области международной миграции // *Мировое и национальное хозяйство*. 2011. № 2 (17). С. 18–29. EDN UBOCNJ.

16. SOLANO, G., SCHMID, S. D., & HELBLING, M. (2023). *Extending Migrants' Rights but Limiting Long-Term Settlement: Migrant Integration Policy Trends in EU and OECD Countries Between 2010 and 2019*. *International Migration Review*. <https://doi.org/10.1177/01979183231172102>.

17. ZORLU, A., & HARTOG, J. (2018). The Impact of Language on Socioeconomic Integration of Immigrants. *SSRN Electronic Journal*, Article 3170274. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3170274>.

18. GEBHARDT, D. (2015). When the state takes over: civic integration programmes and the role of cities in immigrant integration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42(5), 742–758. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2015.1111132>.

19. CONWAY, S. (2018). From Britishness to Multiculturalism: Official Canadian Identity in the 1960s.

Études Canadiennes / Canadian Studies, (84), 9–30. <https://doi.org/10.4000/eccs.1118>.

20. HERNES, V. (2021). The case for increased centralization in integration governance: the neglected perspective. *Comparative Migration Studies*, (9). <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00247-z>.

21. KURT, S., & D'AMATO, G. (2020). The Swiss Rationale of Integration Policies: Balancing Federalism, Consociationalism and Direct Democracy. In *Palgrave Studies in Sub-National Governance* (pp. 73–85). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-50979-8_5.

22. ДЕНИСЕНКО М. Б., ХАРАЕВА О. А., ЧУДИНОВСКИХ О. С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада : Монография. Москва, 2003. 314 с. EDN PXNQZR.

23. РЯЗАНЦЕВ С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). EDN VNFYFR.

24. БАЖАН Т. А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 24–30. EDN YLGXZR.

25. ВОРОНИНА Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 3 (83). С. 63–82. DOI [10.35750/2071-8284-2019-3-63-82](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82). EDN CXILLN.

26. АНДРИЧЕНКО Л. В., ПЛЮГИНА И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : Монография. Москва : Юридическое издательство «Норма», 2019. 392 с. EDN ZDSLUL.

REFERENCES

1. MALAKHOV, V. S., & SIMON, M. E. (2017). Migration Policy in the Conditions of Economic Turbulence: The Experience of the European Union and the Prospects of Russia. *SSRN Electronic Journal*, Article 2980789. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2980789>.

2. KONONOV, L. A., & CHEBOTAREV, A. V. (2018). Extremism in modern migration processes as an object of political science research. *E-Journal Public Administration*, (70), 107–122. <https://elibrary.ru/ylwmip>.

3. BAZHAN, T. A. (2022). Socio-cultural adaptation and integration of migrants as tool of state migration

policy in Soviet period. *Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*, 19(1), 72–83. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-1-72-83>.

4. ILIMBETOVA, A. A. (2021). Adaptation and integration of migrants: Conditions, goals, approaches. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, (2), 144–155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.

5. LEBEDEVA, T. V. (2019). Adaptation and integration of study migrants: Theoretical aspects and prac-

tical approaches. *Migration and Socio-Economic Development*, 4(2), 83–104. <https://doi.org/10.18334/migration.4.2.41335>.

6. МУКОМЕЛ, В. И., ГРИГОРИЕВА, К. С., **MONUSOVA, G. A.**, СМІДОВИЧ, Г. С., ТОЛМАШЕВА, А. Ю., ЧУДИНОВСКИХ, О. С., & ANDREWSHKO, A. A. (2022). *Adaptation and integration of migrants in Russia: Challenges, realities, indicators*. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>.

7. КУЛБАЧЕВСКАЯ, О. В. (2020). Socio-cultural adaptation and integration of migrants in Russia: On the issue of intercultural interaction. *Herald of Anthropology*, (4), 136–152. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/136-152>.

8. **ПОПОВА, S. M.**, **ЯНИК, A. A.**, & **КАРПОВА, S. F.** (2023). Transformation of Russia's migration policy: Stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and Municipal Law*, (4), 24–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>.

9. **КОНОНОВ, L. A.**, & **ЛЕДЕНЕВА, V. YU.** (2021). Adaptation and integration of international migrants: Theoretical and methodological problems. *World Economy and International Relations*, 65(4), 103–112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112>.

10. BOURHIS, R. Y., MOÏSE, L. C., PERREAU, S., & SENÉCAL, S. (1997). Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. *International Journal of Psychology*, 32(6), 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>.

11. GEDDES, A. (2003). *The Politics of Migration and Immigration in Europe*. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446280492>.

12. ТАТАРКО, А. Н. (2019). Integration policy of society and attitudes of the host population towards migrants: A study in 17 European countries. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 16(2), 216–231. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-216-231>.

13. **ОСАДЧАЯ, G. I.**, & **ЮДИНА, T. N.** (2020). EU integration policy for immigrants after the migration crisis. *Social Policy and Sociology*, 19(1), 56–63. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-1-56-63>.

14. **САХАРОВА, V. V.** (2011). *Multiculturalism and immigrant integration policy: A comparative analysis of the experience of leading Western countries*. Center “Zlatoust”. <https://elibrary.ru/qonjlv>.

15. **КАМЕНСКИЙ, A. N.** (2011). Typology of state migration policy of countries around the world. *World and National Economy*, (2), 18–29. <https://elibrary.ru/ubocnj>.

16. SOLANO, G., SCHMID, S. D., & HELBLING, M. (2023). *Extending Migrants' Rights but Limiting Long-Term Settlement: Migrant Integration Policy Trends in EU and OECD Countries Between 2010 and 2019*. *International Migration Review*. <https://doi.org/10.1177/01979183231172102>.

17. ZORLU, A., & HARTOG, J. (2018). The Impact of Language on Socioeconomic Integration of Immigrants. *SSRN Electronic Journal*, Article 3170274. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3170274>.

18. GEBHARDT, D. (2015). When the state takes over: civic integration programmes and the role of cities in immigrant integration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42(5), 742–758. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2015.1111132>.

19. CONWAY, S. (2018). From Britishness to Multiculturalism: Official Canadian Identity in the 1960s. *Études Canadiennes / Canadian Studies*, (84), 9–30. <https://doi.org/10.4000/eccs.1118>.

20. HERNES, V. (2021). The case for increased centralization in integration governance: the neglected perspective. *Comparative Migration Studies*, (9). <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00247-z>.

21. KURT, S., & D'AMATO, G. (2020). The Swiss Rationale of Integration Policies: Balancing Federalism, Consociationalism and Direct Democracy. In *Palgrave Studies in Sub-National Governance* (pp. 73–85). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-50979-8_5.

22. **ДЕНИСЕНКО, M. B.**, **ХАРАЕВА, O. A.**, & **ЧУДИНОВСКИХ, O. S.** (2003). *Immigration policy in the Russian Federation and Western countries*. <https://elibrary.ru/pxnqrz>.

23. **РЯЗАНТСЕВ, S. V.** (2019). Modern migration policy of Russia: Challenges and approaches to improvement. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (9), 117–126. <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>.

24. **БАЗХАН, T. A.** (2018). Socio-cultural integration of foreign citizens in the system of state migration policy. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 7(3), 24–30. <https://elibrary.ru/ylgxzz>.

25. **ВОРОНИНА, N. A.** (2019). Legislation on adaptation and integration of migrants in Russian Federation: Tendencies of development. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (3), 63–82. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82>.

26. **АНДРИЧЕНКО, L. V.**, & **ПЛУГИНА, I. V.** (2019). *Migration legislation of the Russian Federation: Development trends and practice of application*. Legal publishing house “Norma”. <https://elibrary.ru/zdslul>.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КНР (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)

С. Б. Макеева^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Несмотря на высокие экономические результаты, которые демонстрирует миру современное китайское общество, его правительство сталкивается с проблемами неравномерного социально-экономического положения Восточного, Западного, Центрального и Северо-Восточного регионов. Требуют также постоянного внимания негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности населения и старением китайского общества. Демографическая ситуация в разных уголках страны имеет свою специфику. Наиболее сложная обстановка и по региональным экономическим показателям, и по численности населения наблюдается в провинциях Северо-Восточного региона КНР.

Материалы и методы. Автором проанализированы материалы Статистического управления Хэйлунцзяна, документы Народного Правительства рассматриваемой провинции, касающиеся негативных демографических тенденций, что позволило определить специфику региональной политики в области народонаселения на данной территории. Основными методами исследования при написании статьи являлись системный, позволивший выявить закономерности реализации региональной демографической политики в северо-восточной провинции Хэйлунцзян; статистический метод способствовал рассмотрению количественных признаков демографического развития Хэйлунцзяна.

Результаты. Негативные демографические тенденции в северо-восточной провинции Хэйлунцзян вызваны резким сокращением количества населения, ежегодным оттоком высококвалифицированных кадров в восточные и юго-восточные китайские провинции. Начиная с 2021 г. в провинции Хэйлунцзян была разработана система мер демографической политики под лозунгом «поддержание всестороннего возрождения с помощью качественного демографического развития», которая включает в себя четыре основных направления: 1) совершенствование мер по поддержке рождаемости; 2) привлечение и удержание высококвалифицированных кадров; 3) эффективное использование труда работников старшего поколения; 4) соблюдение правил миграции населения.

Обсуждение. Администрация провинции Хэйлунцзян при осуществлении регионального управления ориентируется на улучшение качества жизни населения. Формирующаяся система нормативно-правового регулирования региональной демографической политики в провинции Хэйлунцзян ориентирована на вовлечение всех организаций, учреждений, фондов, общественных объединений в процесс решения сложной демографической ситуации, связанной с сокращением населения в городах, поселках, сельских и приграничных северо-восточных районах Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональное управление, демографическая политика, «качественное демографическое развитие», народонаселение и планирование рождаемости

© С. Б. Макеева, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Макеева С. Б. Особенности китайской региональной демографической политики на северо-востоке КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 81-92. EDN GELNTE. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-81-92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Макеева Светлана Борисовна – доктор исторических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заведующий отделом исторической и региональной демографии*; msbmag9581@yandex.ru. SPIN-код: 6442-8153, ORCID: 0000-0003-2953-0411, ScopusID: 57210928471, ResearcherID: AAP-6615-20.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 07.04.2024; принята к публикации 18.04.2024.

SPECIFICS OF THE CHINESE REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN THE NORTHEAST OF CHINA (USING THE EXAMPLE OF HEILONGJIANG PROVINCE)

S. B. Makeeva^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The modern development of China, on the one hand, demonstrates high economic results to the whole world, and on the other hand, every year the Chinese government faces various problems, among which is the uneven socio-economic situation of the Eastern, Western, Central and Northeastern regions, as well as negative demographic trends, associated with reduction and aging of the population. Moreover, the demographic situation in different parts of the country has its own specifics. The most difficult situation, both in terms of regional economic indicators and population size, is observed in the provinces of the North-Eastern region of the PRC.

Materials and methods. The author analyzed the materials of the Heilongjiang Statistical Bureau, documents of the People's Government of the province in question regarding negative demographic trends, which made it possible to determine the specifics of regional population policy in this territory. The main research methods were systematic, which made it possible to identify patterns in the implementation of regional demographic policy in the northeastern province of Heilongjiang; statistical method contributed to the consideration of quantitative characteristics of the demographic development of Heilongjiang.

Results. The reasons of the negative demographic trends in the northeastern province of Heilongjiang are considerable population reduction and annual outflow of highly qualified personnel to the eastern and southeastern Chinese provinces. Starting from 2021, Heilongjiang Province has developed a population policy system under the slogan 'maintaining comprehensive revival through high-quality demographic development', including four main areas: 1) improving measures to support fertility; 2) attracting and retaining highly qualified personnel; 3) efficient use of the labor of senior workers; 4) compliance with migration rules.

Discussion. The administration of Heilongjiang Province focuses on improving the quality of life of the population. The emerging system of legal regulation of the regional demographic policy in Heilongjiang Province is aimed at involving all organizations, institutions, funds, and public associations in the process of solving the difficult demographic situation connected with population reduction in cities, towns, rural and near-border northeastern regions of China.

KEYWORDS: regional governance, demographic policy, 'high-quality demographic development', population and fertility planning

FOR CITATION: Makeeva, S. B. (2024). Specifics of the Chinese regional demographic policy in the north-east of China (using the example of Heilongjiang province). *Management Issues*, 18(3), 81–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-81-92>

AUTHORS' INFORMATION:

Svetlana B. Makeeva – Advanced Doctor in Historical Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *head of the Department of Historical and Regional Demography*; msbmag9581@yandex.ru. RSCI SPIN: 6442-8153, ORCID: 0000-0003-2953-0411, ScopusID: 57210928471, ResearcherID: AAP-6615-20.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 04/07/2024; accepted for publication 04/18/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие Китая, с одной стороны, демонстрирует миру высокие экономические результаты, а с другой – ежегодно китайское правительство сталкивается с различными проблемами, среди которых стоит отметить неравномерное социально-экономическое положение Восточного, Западного, Центрального и Северо-Восточного регионов, а также негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности населения, старением китайского общества. При этом демографическая ситуация в разных уголках страны имеет свою специфику. Наиболее тяжелая обстановка и по региональным экономическим показателям, и по численности населения наблюдается в Северо-Восточном регионе КНР. Сложность происходящим процессам придает то, что данная территория выступает стратегически важной для Китая, так как она является приграничной с Россией и решение экономико-демографических проблем на северо-востоке КНР определяет перспективы межрегионального сотрудничества, а также эффективное использование потенциала и опыта северо-восточной старой промышленной базы. При переходе к реализации стратегии скоординированного регионального развития в 2000 г. и обновленной стратегии регионального скоординированного развития в 2012 г. на северо-востоке КНР поступательно реализуется «План по возрождению старой промышленной базы». Одним из факторов успеха данных мероприятий служат стабильные демографические показатели. Учитывая то, что с начала 2000-х гг. наблюдается сокращение населения в Северо-Восточном Китае, мы можем наблюдать формирование новой региональной

демографической политики, имеющей свою специфику в отдельных северо-восточных провинциях (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин).

В этой связи важной становится задача изучения опыта китайского правительства по решению региональных экономических и демографических проблем на территории с депрессивными характеристиками. Целью представленной статьи является определение особенностей китайской региональной демографической политики в северо-восточной провинции Хэйлунцзян. Нами были определены задачи для достижения данной цели:

- 1) охарактеризовать сложную демографическую ситуацию на территории китайской северо-восточной провинции Хэйлунцзян;
- 2) проследить основные направления региональной демографической политики в Хэйлунцзяне;
- 3) рассмотреть нормативно-правовое регулирование региональной демографической политики в провинции Хэйлунцзян;
- 4) установить специфику регулирования демографических процессов в городах Хэйлунцзяна.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретическими и методическими основами исследования выступают труды российских и китайских ученых, специалистов по таким направлениям, как региональное развитие провинции Хэйлунцзян, формирование и реализация региональной политики на северо-восточной территории Китая. История и современное состояние приграничной с Россией китайской северо-восточной провинции Хэйлунцзян включает в себя различные процессы социально-экономического, демографического, национально-культурного развития. Данная проблематика

представлена в работах китайских исследователей Ли Чжитина, Нин Мэнчэня, Сунь Цзиньци, Фэн Юнцзяня¹. Современный процесс возрождения Северо-Востока КНР находит отражение в исследованиях российского ученого С. К. Песцова [1]. Роль СССР/РФ в развитии Северо-Восточного региона можно проследить в трудах китайских ученых Ли Суйяня² и Ли Линя [2; 3]. Особую популярность среди таких китайских исследователей, как Ми Давэй, Сю Цзунлянь, У Гуаньюн, У Фуцзюнь, Чжан Сянлин, получила история развития китайской северо-восточной провинции Хэйлунцзян³. Несмотря на значительный научно-теоретический и практический задел по изучению развития провинции Хэйлунцзян, проблемы демографического развития рассматривались фрагментарно [4; 5; 6; 7].

Автором проанализированы материалы Статистического управления Хэйлунцзяна, документы Народного Правительства рассматриваемой провинции, касающиеся негативных демографических тенденций, что позволило определить специфику региональной политики в области народонаселения на данной территории.

Основными методами исследования при написании статьи являлись системный, позволивший выявить закономерности реализации региональной демографической политики в северо-восточной провинции Хэйлунцзян; статистический метод способствовал рассмотрению количественных признаков демографического развития Хэйлунцзяна.

¹ 李治亭. 东北通史. 郑州, 2003. 670 页. (Ли Чжитин. Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чжэнчжоу, 2003. 670 с.)
 宁梦辰. 东北地方史. 沈阳, 2019. 493 页. (Нин Мэнчэнь. Местная история Северо-Восточного Китая. Шэньян, 2019. 493 с.)
 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 2013. 826 页.
 (Сунь Цзиньци, Фэн Юнцзянь. История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 2013. 826 с.)
 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 1989. 416 页.
 (Сунь Цзиньци, Фэн Юнцзянь. История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 1989. 416 с.)

² 李苏岩. 黑龙江史. 哈尔滨, 1985. 161 页. (Ли Суйянь. История изучения внутренней и внешней политики СССР/РФ в провинции Хэйлунцзян // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19, № 19. С. 326–335.)

³ 米大伟. 黑龙江历史附哈尔滨城市史. 哈尔滨, 2012. 236 页. (Ми Давэй. История провинции Хэйлунцзян и история города Харбин. Харбин, 2012. 236 с.)

徐宗亮. 黑龙江述略. 哈尔滨, 1985. 161 页. (Сю Цзунлянь. Очерк Хэйлунцзяна. Харбин, 1985. 161 с.)

吴冠男. 黑龙江工业建设口述史 (1949–1999). 北京, 2020. 280 页. (У Гуаньюн. История строительства Хэйлунцзяна 1949–1999. История Китая. Пекин, 2020. 280 с.)

吴传钧. 黑龙江省黑龙江及乌苏里江地区经济地理. 北京, 1957. 98 页. (У Фуцзюнь. Экономическая география территории рек Амур и Усури провинции Хэйлунцзян. Пекин, 1957. 98 с.)

张向凌. 黑龙江四十年. 哈尔滨, 1986. 472 页. (Чжан Сянлин. Сорок лет в Хэйлунцзяне. Харбин, 1986. 472 с.)

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Сложная демографическая ситуация в провинции Хэйлунцзян

В современном Китае приобретает особое значение региональное управление демографическими процессами [8; 9]. Достижение пространственного скоординированного развития между такими крупными китайскими регионами, как Восточный, Западный, Центральный и Северо-Восточный, предполагает не только равномерное повышение экономических показателей, но и решение демографических проблем [10; 11; 12]. В приоритетных региональных проектах по возрождению старой промышленной базы на северо-востоке Китая ведущая роль отводится численности населения [13; 14]. Статистические данные за последние годы демонстрируют самые высокие темпы убыли населения в Северо-Восточном регионе. В провинции Хэйлунцзян количество стареющих жителей – самое большое по Китаю. В данной северо-восточной провинции наблюдается ежегодное снижение рождаемости, отток высококвалифицированных кадров в восточные и юго-восточные районы КНР⁴. По мнению китайской научной общественности, сокращение численности населения в провинции Хэйлунцзян будет иметь долгосрочные негативные последствия для защиты границ и территориального суверенитета Китая.

Анализ статистических данных по Хэйлунцзяну за 2010–2022 гг. позволяет проследить сложную демографическую ситуацию в данной провинции. Согласно результатам седьмой переписи населения общая численность жителей провинции Хэйлунцзян в 2020 г. составила 31 850 088 человек⁵. По сравнению с данными шестой переписи населения за 2010 г. население Хэйлунцзяна сократилось с 38 313 991 за 10 лет на 6 463 903 человек, то есть на 16,87%. Продолжающееся сокращение численности населения подтверждают статистические данные, пред-

⁴ 刘子琦. 人口下降对东北经济的影响 // 中国集体经济. 2020. № 36. 页. 8–11. (Лю Цзыци. Влияние депопуляции на экономику Северо-Востока Китая // Коллективистская экономика Китая. 2020. № 36. С. 8–11.)

⁵ 年黑龙江省第七次全国人口普查主要数据公报. 黑龙江省统计局. (Официальный бюллетень основных данных Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Хэйлунцзян.) URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjj/c106780/202105/c00_30325030.shtml?eqid=e69e14aa000284f00000000264269b48 (дата обращения: 24.03.2024).

ставленные Народным правительством провинции Хэйлуцзян, которые свидетельствуют о том, что количество жителей провинции к 2021 г. достигло 31 млн 250 тысяч человек, а к 2022 г. – 30 млн 990 тысяч человек⁶. По состоянию на 2020 г. в провинции насчитывалось 13 024 687 семейных домохозяйств. Среди населения провинции ханьцы составляли 30 728 612 человек (96,48%), а этнических меньшинств насчитывалось 1 121 476 человек (3,52%). По сравнению с шестой переписью 2010 г. ханьское население сократилось на 6 210 569 человек, а численность этнических меньшинств уменьшилась на 253 334 человека⁷.

Оценивая региональные демографические показатели в Хэйлуцзяне согласно таблице 1, составленной на основе статистических данных, стоит отметить, что среди 12 крупных городов провинции население в Харбине достигло более 10 млн человек, города Цицикар и Суйхуа вошли в группу городов с населением от 3 до 5 млн человек и 6 городов (Цзиси, Шуанъяшань, Дацин, Цзямусы, Муданьцзян, Хэйхэ) с населением от 1 до 3 млн человек, а 3 города (Хэган, Ичунь, Цитайхэ) с населением меньше 1 млн человек. Статистические данные показывают, что в сельских районах в 2020 г. проживало 10 952 394 человека (34,39%). Городское население Хэйлуцзяна в 2021 г. составило 20 млн 580 тысяч человек, в 2022 г. – 20 млн 520 тысяч человек, а сельских жителей в 2021 г. – 10 млн 722 тысяч человек, в 2022 г. – 10 млн 470 тысяч человек⁸.

Характеризуя гендерный состав населения провинции Хэйлуцзян по итогам седьмой переписи, стоит отметить, что мужчин насчитывалось 15 952 468 человек (50,09%), а женщин – 15 897 620 человек (49,91%). Согласно статистическим данным население провинции в возрасте 0-14 лет составило 3 286 466 человек (10,32%), население в возрасте 15–59 лет – 21 167 932 че-

Таблица 1 — Население в городах провинции Хэйлуцзян по итогам седьмой переписи 2020 г.

Table 1 — Population in cities of Heilongjiang Province according to the results of the seventh census 2020

Город	Численность населения
Харбин	10 009 854
Цицикар	4 067 489
Цзиси	1 502 060
Хэган	891 271
Шуанъяшань	1 208 803
Дацин	2 781 562
Ичунь	878 881
Цзямусы	2 156 505
Цитайхэ	689 611
Муданьцзян	2 290 208
Хэйхэ	1 286 401
Суйхуа	3 756 167

ловека (66,46%), население в возрасте 60 лет и старше – 7 395 690 человек (23,22%), население в возрасте 65 лет и старше – 4 972 868 человек (15,61%). По сравнению с шестой переписью 2010 г. доля населения в возрасте 0-14 лет снизилась на 1,62%, доля населения в возрасте 15–59 лет сократилась на 8,57%, доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличилась на 10,19%, а доля населения в возрасте 65 лет и старше возросла на 7,33%⁵.

Согласно анализу статистических данных за 2020–2022 гг. в провинции наблюдается общее снижение численности населения, отток жителей из сельских и городских районов Хэйлуцзяна в восточные и юго-восточные районы Китая, сокращение рождаемости, уменьшение доли работающего населения, увеличение числа пожилых граждан. Сложная демографическая ситуация в стратегически важном приграничном с Россией китайском Северо-Восточном регионе становится предметом обсуждения Центрального народного правительства КНР. Так, на состоявшемся в г. Харбине 9 сентября 2023 г. симпозиуме по всестороннему возрождению Северо-Восточного Китая Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что «необходимо повысить общее качество условий для проживания населения в Северо-Восточном регионе; активно развивать услуги по уходу за детьми; помогать семьям в рождении, воспитании и обучении детей; поддерживать соответствующий уровень рождаемости и численности населения северо-востока Китая. Энергично развивать базовое образование, дополнительно стимулировать развитие колледжей и университетов Северо-Вос-

⁶ 年黑龙江省国民经济和社会发展统计公报 (Статистический бюллетень социально-экономического развития народного хозяйства провинции Хэйлуцзян за 2021 г.). URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108419/202203/c00_31186914.shtml?eqid=cb4220110002fe320000000364758de2 (дата обращения: 24.03.2024).

人口. 黑龙江省人民政府 (Население. Народное правительство провинции Хэйлуцзян). URL: https://hlj.gov.cn/hlj/c108502/list_left_tt.shtml (дата обращения: 24.03.2024).

⁷ 年黑龙江省第七次全国人口普查主要数据公报. 黑龙江省统计局. (Официальный бюллетень основных данных Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Хэйлуцзян. Статистическое управление провинции Хэйлуцзян). URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjj/c106780/202105/c00_30325030.shtml?eqid=e69e14aa000284f00000000264269b48 (дата обращения: 24.03.2024).

точного Китая, повышать уровень образования всех людей, особенно молодежи. Оптимизировать инновационную промышленную среду, усилить использование человеческих ресурсов, увеличить политическую поддержку высококвалифицированных кадров и создать все необходимые условия для удержания в Северо-Восточном регионе талантливой молодежи. Ускорить планирование и строительство транспортной, коммуникационной, энергетической, водной инфраструктур в приграничных с Россией районах, усилить строительство объектов социального обслуживания в приграничных селах, всесторонне способствовать возрождению сельских районов, стремиться сохранить численность существующего населения и поощрять развитие приграничных территорий»⁸.

2. Региональная политика «Возрождение провинции Хэйлунцзян с помощью качественного демографического развития»

Хэйлунцзян является крупной аграрной провинцией, большая часть населения которой занята сельскохозяйственным производством [15, с. 36–41]. Кроме того, данная провинция структурно входила в состав старой промышленной базы северо-востока Китая, в которой была развита угольная, нефтяная и лесная промышленность [16; 17]. Приоритетным направлением регионального развития Хэйлунцзяна выступает экономическое возрождение в статусе ключевой территории промышленной базы Китая. Начиная с 2021 г. в провинции Хэйлунцзян была разработана система демографической политики под лозунгом «поддержание всестороннего возрождения с помощью качественного демографического развития» (以人口高质量发展支撑全面振兴), которая включает в себя четыре основных направления: 1) совершенствование мер по поддержке рождаемости; 2) привлечение и удержание высококвалифицированных кадров; 3) эффективное использование труда работников старшего поколения; 4) соблюдение правил миграции населения. Немаловажную

роль в реализации направлений демографической политики играют экспертная оценка и научные исследования проблем народонаселения в приграничных районах провинции Хэйлунцзян.

Первое направление демографической политики Хэйлунцзяна, касающееся поддержки рождаемости, включает в себя комплекс мер по обеспечению репродуктивности населения; программу льгот для жителей провинции с целью повышения рождаемости; осуществление выплат по рождению ребенка и уходу за ним; создание социальных детских учреждений. Для повышения уровня рождаемости в провинции, во-первых, предпринимаются усилия по стабилизации и расширению занятости групп детородного возраста, созданию экономических условий для рождения, воспитания и обучения детей. Во-вторых, реализуются действия, чтобы женщины, родившие детей, не подвергались дискриминации в сфере занятости, а были защищены их трудовые права и гарантии социального обеспечения. В-третьих, разрабатываются варианты решения двойной проблемы одновременного ухода за престарелыми родителями и ухода за малолетними детьми, с которой сталкиваются китайские граждане детородного возраста.

Второе направление демографической политики, ориентированное на привлечение и удержание высококвалифицированных кадров в провинции, подкреплено региональными программами. Одна из них «60 способов развития высококвалифицированных кадров провинции Хэйлунцзян в новую эпоху» (新时代龙江人才振兴60条), принятая в мае 2022 г., касается поддержки талантливых работников⁹. Возрождение провинции в рамках восстановления китайской северо-восточной промышленной базы опирается на отбор и обучение кадров для высокотехнологичных отраслей. Ведущую роль в этом процессе играют научно-исследовательские институты, специальные фонды финансовой поддержки приоритетных научных разработок в области цифровой экономики, биоэкономики, «умного» производства, создания новых материалов и альтернативных источников энергии. Особое значение в данной программе отводится

⁸ 习近平主持召开新时代推动东北全面振兴座谈会强调: 牢牢把握东北的重要使命奋力谱写东北全面振兴新篇章 / 中华人民共和国中央人民政府. (Си Цзиньпин на симпозиуме по содействию комплексному возрождению Северо-Восточного Китая в новую эпоху отметил: «Уверенно контролировать всестороннее возрождение Северо-Восточного Китая / Центральное народное правительство КНР.) URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202309/content_6903072.htm (дата обращения: 19.11.2023).

⁹ 新时代龙江人才振兴60条 / 黑龙江省人民政府. (60 способов развития высококвалифицированных кадров в провинции Хэйлунцзян в новую эпоху. Народное правительство провинции Хэйлунцзян.) URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c107856/202205/c00_31192259.shtml (дата обращения: 29.11.2023)

поддержке инженерно-технических кадров, играющих ведущую роль в возрождении Хэйлунцзяна. Провинциальная программа ориентирована также на финансирование исследовательской деятельности ученых в области философии, общественных наук, культуры и искусства. А также нацелена на привлечение студентов колледжей и университетов со всего Китая на предприятия Хэйлунцзяна для прохождения стажировок, а в дальнейшем и постоянного трудоустройства на предприятия северо-востока Китая. Талантливым молодым людям предоставляются бесплатно квартиры и ежемесячно выплачивается пособие не менее 1 тысячи юаней. Поддержка докторантов предусматривает выплату ежегодной субсидии в размере 100 тысяч юаней в течение двух лет подряд. Целый комплекс мер направлен на привлечение зарубежных высококвалифицированных кадров в провинцию¹⁰. Если китайская организация Хэйлунцзяна нанимает на работу высокопрофессиональных специалистов из других стран, то провинциальные власти предоставляют данному учреждению финансовую поддержку, доходящую в отдельных случаях до 3 млн юаней. Провинциальные власти Хэйлунцзяна предоставляют средства в размере 1,5 млн юаней для организаций, которым удалось привлечь штатных специалистов из 200 лучших университетов мира, из всемирно известных научно-исследовательских учреждений, а также профессионалов, занимающих руководящие должности на ведущих мировых предприятиях.

Третье направление демографической политики в Хэйлунцзяне связано с активным вовлечением в трудовую деятельность пожилых жителей провинции. За последние годы в Хэйлунцзяне растет количество стареющего населения. Провинциальные власти считают, что привлечение высококвалифицированных кадров старшего поколения к возрождению Хэйлунцзяна является не только неотъемлемой частью стратегии активного реагирования на старение населения, но и важным направлением повышения эффективности использования человеческих ресурсов. Вышедшие на пенсию эксперты, профессора, инженеры, специалисты в области сельскохозяйственного производства, врачи и другие высококвалифицированные кадры активно вов-

лечены в осуществление научных исследований, проведение технических консультаций, возрождение сельских районов, чтение лекций по вопросам здравоохранения. Специалисты старшего поколения через систему лекций, профессионального руководства, сотрудничества «наставник-ученик» помогают молодым работникам провинции Хэйлунцзян, делятся своим опытом участия в становлении передовой промышленной базы на северо-востоке КНР [18].

Четвертое направление демографической политики в Хэйлунцзяне предусматривает рациональное распределение населения по всей территории провинции в соответствии с потребностями развития региональной промышленной инфраструктуры. Провинциальные власти ориентируются на то, что население можно привлечь в приграничные районы, только если активно развивать региональные экономические отрасли [19; 20]. В документах Центрального народного правительства указывается, что «необходимо помогать приграничным территориям, городам и поселкам улучшить их промышленный потенциал, чтобы привлечь население для проживания там. Следует активно развивать приграничную торговлю, приграничный туризм и специализированные отрасли, использующие местные ресурсы»¹¹. Ключевой мерой по привлечению населения в приграничную провинцию Хэйлунцзян выступает возрождение сельских районов, сопряженное с планированием и строительством транспортных сетей, связи, энергетики, водного хозяйства, объектов общественного обслуживания. Народное правительство Хэйлунцзяна разрабатывает программы по возвращению в свои родные северо-восточные города тех жителей, которые ранее покинули Хэйлунцзян. Предполагается выделение субсидий на охрану границы, чтобы позволить большему количеству людей оставаться жить в приграничной территории.

3. Нормативно-правовое регулирование региональной демографической политики в провинции Хэйлунцзян

Основные направления демографической политики Хэйлунцзяна с целью «поддержания

¹⁰ 石方. 黑龙江移民史. 北京, 2019. 页. 388. (Ши Фан. История миграции в провинцию Хэйлунцзян. Пекин, 2019. С. 388.

¹¹ 万里边疆展新颜. 中华人民共和国中央人民政府. (Огромные расстояния приграничной территории обрели новый вид. Центральное народное правительство КНР). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/17/content_5696121.htm (дата обращения: 20.03.2024)

всестороннего возрождения при помощи качественного демографического развития» закреплены документально. Вся система регионального управления в области народонаселения в провинции Хэйлунцзян подчинена Закону КНР «О народонаселении и планировании рождаемости», который был принят в 2001 г. для продолжения программы по ограничению рождаемости и выполнению политики «одна семья – один ребенок». Данный закон был дополнен в 2015 г., позволив каждой семье заводить двух детей без уплаты специального сбора. 20 августа 2021 г. в Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» были внесены изменения, по которым: а) каждой семье было разрешено иметь до трех детей; б) взимание специального сбора за нарушение правил регулирования рождаемости прекращалось. Вместе с тем, закон сохраняет силу и предусматривает сохранение льгот для семей, соблюдавших ранее существовавшие ограничения на детей.

Еще одним документом, регулирующим региональную демографическую политику в Хэйлунцзяне, выступает «Положение о народонаселении и планировании семьи в провинции Хэйлунцзян», принятое 18 октября 2002 г. Постоянным комитетом Собрания народных представителей провинции Хэйлунцзян в соответствии с Положением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Впоследствии данный документ был изменен и дополнен в 2014, 2015, 2018 гг. Поправки 2021 г. касались обострения сложной демографической ситуации в провинции. Согласно Положению, демографическая провинциальная политика выстраивается на основе общегосударственных целей КНР по скоординированному развитию населения, экономики, общества, ресурсов и окружающей среды¹².

Разработанные на провинциальном уровне правила демографической политики распространяются на все социальные группы, предприятия и учреждения. В Хэйлунцзяне создан рабочий механизм регионального управления в сфере народонаселения. Администрация провинции при осуществлении демографической

политики ориентируется на улучшение качества жизни населения. В проведении данной политики дополнительно участвуют предприятия, профсоюзы, Коммунистический союз молодежи, Всекитайская федерация женщин и Ассоциация планирования семьи в КНР.

В Положении о народонаселении и планировании семьи в провинции Хэйлунцзян от 2021 г. указано, что у семейной пары может быть трое детей. Согласно статье 12 Положения, пара, родившая троих детей, может иметь еще одного ребенка, если муж и жена являются жителями приграничных территорий или один из троих детей получил инвалидность. Пары детородного возраста самостоятельно выбирают противозачаточные средства для предотвращения нежелательных беременностей. Особое внимание в провинции Хэйлунцзян уделяется добрым медицинским осмотрам и медицинскому сопровождению беременности. Согласно статье 22 Положения категорически запрещается использовать ультразвуковую технику и другие технические средства для определения пола плода без медицинской необходимости. Строго запрещены селективные аборты.

В региональном управлении демографическим развитием Хэйлунцзяна согласно 23-33 статей Положения особая роль отводится планированию народонаселения на уровне административных единиц провинции. Все демографические планы, программы и проекты городов, уездов провинции должны быть согласованы с общегосударственной демографической политикой и пятилетним планированием социально-экономических преобразований в КНР. В ходе демографического планирования в провинции Хэйлунцзян разрабатываются меры по контролю за численностью населения, улучшению качества населения, достижению умеренного уровня рождаемости, укреплению здоровья женщин и детей, расширению услуг по уходу за младенцами.

Во всех административных единицах Хэйлунцзяна созданы специальные агентства по планированию семьи, которые занимаются демографическим просвещением и оказывают консультационные услуги. Особое значение придается демографической пропаганде в сельской местности [21; 22]. Вопросы по планированию семьи разбираются на предприятиях и в организациях, где осуществляет трудовую деятельность житель детородного возраста. Демографическое

¹² 黑龙江省人口与计划生育条例 (2021年第6次修正. (Положение о народонаселении и планировании семьи в провинции Хэйлунцзян (6-я поправка. 2021 г.)). URL: http://wsjkw.hlj.gov.cn/wsjkw/c109072/202111/c00_30479960.shtml?eqid=8cce407b00133585000000264770a30 (дата обращения: 20.11.2023)

просвещение мигрантов осуществляют административные органы Хэйлунцзяна. Провинциальные учреждения здравоохранения, образования, культуры, науки и средства массовой информации проводят обучение жителей Хэйлунцзяна по вопросам планирования семьи и создания новой культуры рождаемости.

Положение о народонаселении и планировании семьи провинции Хэйлунцзян определяет правила вознаграждения, поддержки и социального обеспечения семей. Согласно статье 34 Положения пары, зарегистрировавшие брак в соответствии с законом, получают 15-дневный отпуск по случаю вступления в брак. Те, кто участвует в добрачном медицинском осмотре, получают дополнительные 10 дней отпуска, при этом им выплачивается отпускное вознаграждение. На предприятиях и в учреждениях женщинам предоставляется 180-дневный отпуск по беременности и родам согласно «Правилам охраны труда работающих женщин провинции Хэйлунцзян». Сотрудники-мужчины, у которых родился ребенок, имеют право на 15-дневный оплачиваемый отпуск по уходу за младенцем и роженицей. Работодатель ежегодно предоставляет родителям детей в возрасте до трех лет 10-дневный отпуск по уходу за ребенком, при этом выплачиваются отпускные. Положение о народонаселении и планировании семьи провинции Хэйлунцзян от 2021 г. продолжает регулировать поддержку семей, которые в период осуществления политики «одна семья – один ребенок» родили одного ребенка. Жителям провинции Хэйлунцзян, получившим «Почетную грамоту для родителей единственных детей», выплачивается ежемесячное вознаграждение в размере не менее десяти юаней и предоставляются соответствующие пособия, а также необходимое лечение. Пары, имеющие «Почетную грамоту родителей единственного ребенка», после выхода на пенсию в соответствии с Положением получают льготную дополнительную пенсию и другие субсидии.

Большая часть статей Положения касается поддержки семей в связи с рождением, получением образования и медицинским сопровождением детей. Муниципальные и уездные административные органы предоставляют субсидии по уходу за детьми для семей, имеющих второго и третьего ребенка. Подобные субсидии в приграничных районах значительно выше, чем в среднем по провинции. Народное правительство Хэй-

лунцзяна жестко контролирует нецелевое использование земельных участков, предназначенных под застройку детских учреждений [23; 24].

Согласно Положению, уголовная ответственность грозит гражданам, если они используют ультразвуковые технологии для проведения идентификации пола плода и последующего селективного аборта без медицинского назначения. Сотруднику государственного органа во время работы по планированию семьи грозит уголовная ответственность, если он в процессе своей деятельности просит или принимает взятки, злоупотребляет властью, присваивает средства.

4. Регулирование демографических процессов в городах провинции Хэйлунцзян

Региональное управление демографическим развитием в Хэйлунцзяне согласно государственной политике «одна семья – три ребенка» имеет свою специфику в отдельных городах провинции. В провинциальной столице – городе Харбин женщина, родившая третьего ребенка, имеет право на 80 дней дополнительного отпуска, а мужчина – на 15-дневный отпуск по уходу за ребенком. В Харбине семьи с двумя или тремя детьми получают ежемесячную субсидию по уходу за ребенком в размере 500 юаней до тех пор, пока ребенку не исполнится три года, но они должны иметь прописку в данном городе.

Китайский житель, родивший третьего ребенка в городе Цицикар, получает единовременное пособие по беременности и родам в размере 10 тысяч юаней. Кроме того, в этом городе субсидия по уходу за ребенком в размере 3 тысяч юаней будет предоставляться каждый год, пока ребенку не исполнится 3 года. В городе Цицикар сотрудницам-женщинам, которые оплатили шестимесячную базовую медицинскую страховку, могут быть возмещены финансовые средства на предродовой осмотр, госпитализацию и оплату родов. В городе Муданьцзян матери, находящиеся в отпуске по беременности и родам, и их супруги могут воспользоваться дополнительным 20-дневным отпуском по уходу за ребенком. Когда беременные и роженицы временно прерывают свою работу, администрация города Цзямусы предоставляет необходимую финансовую компенсацию работникам, родившим троих детей. Работодатели города Дацин для женщин с тремя детьми предоставляют гибкий график трудовой деятельности.

Администрация провинции Хэйлунцзян гарантирует получение скидок на покупку жилья для многодетных семей. Например, в Харбине и Цицикаре многодетные семьи могут подать заявку на приобретение доступного жилья или аренду государственного жилья. Такая льготная политика обеспечивает более стабильную и комфортную среду жизни многодетным семьям. Также предоставляются субсидии на получение хорошего образования детям из многодетных семей.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В результате рассмотрения особенностей демографического развития северо-восточной провинции Хэйлунцзян нами было установлено, что одним из приоритетных направлений региональной политики данной провинции выступает демографическое направление, которое ежегодно подкрепляется провинциальными проектами, программами, планами по поддержке населения, помощи семьям с детьми, охране здоровья матери и ребенка и многочисленным другим демографическим задачам.

Народное правительство Хэйлунцзяна занимается формированием и реализацией научно обоснованной региональной демографической политики в провинции, чтобы она способствовала решению основных демографических проблем: продолжающийся отрицательный рост численности населения; старение населения; сокращение рождаемости; снижение доли работающего населения; отток населения Хэйлунцзяна в восточные и юго-восточные районы Китая.

Региональная политика в данной провинции соотносится с положениями закона КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» от 2001 г., в который были включены дополнения 2021 г. о том, что каждой китайской семье разрешено иметь до трех детей. В основе мер региональной демографической политики Хэйлунцзяна лежит «Положение о народонаселении и планировании семьи в провинции Хэйлунцзян», которое было принято Народным правительством провинции 18 октября 2002 г. Поправки 2021 г. касались обострения сложной демографической ситуации в Хэйлунцзяне.

Администрация провинции Хэйлунцзян при осуществлении регионального управления ориентируется на улучшение качества жизни населения. Формирующаяся система нормативно-правового регулирования региональной демографической политики в провинции Хэйлунцзян ориентирована на вовлечение всех организаций, учреждений, фондов, общественных объединений в процесс решения сложной демографической ситуации, связанной с сокращением населения в городах, поселках, сельских и приграничных северо-восточных районах Китая. Регулирование демографических процессов в таких городах провинции Хэйлунцзян, как Харбин, Цицикар, Муданьцзян, Цзямусы, Дацин, имеет свою специфику, но в целом соответствует целям китайского правительства по решению проблем, связанных с сокращением населения в стратегически важных приграничных районах Китая. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Песцов С. К. Опыт развития периферийных территорий Китая: проблемы и перспективы «оживления» Северо-Востока // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 12-4 (114). С. 105–109. DOI [10.23670/IRJ.2021.114.12.136](https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.136). EDN OLAZSN.

2. Ли Л. Строительство КВЖД и возвышение Харбина // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 487. С. 102–107. DOI [10.17223/15617793/487/12](https://doi.org/10.17223/15617793/487/12). EDN PVHSCM.

3. Ли Л. Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 479. С. 139–144. DOI [10.17223/15617793/479/15](https://doi.org/10.17223/15617793/479/15). EDN VIADYJ.

4. Ордынская Ю. В. Факторы образования систем расселения на современном этапе (юг Дальнего Востока России - Северо-Восток Китая) // *Урбанистика*. 2023. № 3. С. 35–43. DOI [10.7256/2310-8673.2023.3.43828](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.3.43828). EDN UYODEQ.

5. Синь В. Об экономическом развитии этнических меньшинств в провинции Хэйлунцзян в период Китайской Республики (1911-1949) // *Современная научная мысль*. 2022. № 4. С. 68–74. DOI [10.24412/2308-264X-2022-4-68-74](https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-4-68-74). EDN VPExDG.

6. Ван Е. Новая демографическая политика трехдетности в Китае // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3, № 3. С. 26–42. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2). EDN ZJZOCL.

7. Жань И. Семейные и социальные пробле-

мы как результат повышения экономической самостоятельности женщин в Китае // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 3 (107). С. 34–37. DOI 10.24158/spp.2023.3.4. EDN HNHTUO.

8. Фэн Ш. Особенности и тенденции политики занятости населения Китая // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 5. С. 146–149. DOI 10.24412/0869-8120-2023-5-146-149. EDN DEWIRA.

9. Хаожань Ц. Борьба с бедностью в Китае: социальный и экономический опыт реформ в сельских районах // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 10 (102). С. 71–76. DOI 10.24158/spp.2022.10.10. EDN FNXEIM.

10. БАБАЕВ К. В. Демографическая ситуация в КНР и её потенциальное влияние на экономику Китая // *Народонаселение*. 2023. Т. 26, № 3. С. 55–65. DOI 10.19181/population.2023.26.3.5. EDN HFVAED.

11. ПЕСЦОВ С. К., ВОЛЫНЧУК А. Б. Проблемы социально-экономического развития периферийных территорий России и Китая: возможности и ограничения трансграничной интеграции // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 10. С. 71–77. DOI 10.17513/fr.42858. EDN WHYPRM.

12. Ли В. Сравнительный анализ систем здравоохранения в Китае и России на фоне социальной трансформации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 6 (110). С. 40–45. DOI 10.24158/spp.2023.6.5. EDN RWCPOD.

13. Хугаев Т. Р., ФАРТЫШЕВ А. Н. Социально-экономическая дифференциация регионов Китайской Народной Республики и Российской Федерации: компаративный анализ // *Российско-китайские исследования*. 2023. Т. 7, № 2. С. 200–213. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).200-213. EDN HVBKWO.

14. Сюй Ч. Инновационный потенциал частных предприятий в регионе Северо-Востока Китая // *Российско-китайские исследования*. 2023. Т. 7, № 1. С. 92–99. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(1).92-99. EDN BVKHEE.

15. Сунь Ц. Современное сельское хозяйство провинции Хэйлунцзян (КНР) как национальная модель развития // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. № 2 (87). С. 36–41. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-36-41. EDN UQKRNG.

16. Дяо С. Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение // *Теоретическая экономика*. 2022. № 1 (85). С. 70–78. DOI 10.52957/22213260_2022_1_70. EDN DGQFAO.

17. ДЕМЬЯНЕНКО А. Н., КЛИЦЕНКО М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России - Северо-Восточный Китай // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 1 (64). С. 80–94. DOI 10.24866/1998-6785/2023-1/80-94. EDN LGUDBF.

18. Оуян М., Чжо И., Сюн И. К стратегии по привлечению иностранных студентов в китайские вузы в течение 14-го пятилетнего плана (на примере Шанхайского политико-юридического университета) // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12, № 2. С. 88–95. DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95. EDN ORGMXQ.

19. WANG, D., ZHANG, L., ZHANG, Z., & ZHAO, S. X. (2011). Urban Infrastructure Financing in Reform-era China. *Urban Studies*, 48(14), 2975–2998. <https://doi.org/10.1177/0042098010392079>.

20. FAN, C. C. (1997). Uneven development and beyond: Regional development theory in post-Mao China. *International Journal of Urban and Regional Research*, 21(4), 620–639. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00105>.

21. МАКЕЕВА С. Б. «Большая северная пушость» (Бэйдагуан) в 1949-1966 гг.: страницы регионально-демографической истории китайской провинции Хэйлунцзян // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2023. Т. 10, № 2 (38). С. 7–15. DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(2).7-15. EDN TREMFМ.

22. МАКЕЕВА С. Б. КНР: стратегия устойчивого развития регионов (1980-е - 2000-е гг.) // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 4. С. 19–25. DOI 10.31857/S032150750009101-3. EDN INADHA.

23. Wu, F. (2021). The long shadow of the state: Financializing the Chinese city. *Urban Geography*, 44(1), 37–58. <https://doi.org/10.1080/02723638.2021.1959779>.

24. FENG, Y., WU, F., & ZHANG, F. (2021). Changing roles of the state in the financialization of urban development throughchengtoun China. *Regional Studies*, 56(8), 1259–1270. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1900558>.

REFERENCES

1. PESTSOV, S. K. (2021). The experience of the development of China's peripheral regions: Problems and prospects of the "revival" of the northeast. *International Research Journal*, (12-4), 105–109. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.136>.

2. LI, L. (2023). Construction of the Chinese

Eastern Railway and the rise of Harbin. *Tomsk State University Journal*, (487), 102–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/487/12>.

3. LI, L. (2022). Chinese Eastern Railway: Influence on the development of agriculture in Northeast

China. *Tomsk State University Journal*, (479), 139–144. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/15>.

4. ORDYNSKAYA, YU. V. (2023). Factors of the formation of settlement systems at the present stage (South of the Russian Far East - Northeast of China). *Urban Studies*, (3), 35–43. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.3.43828>.

5. XIN, V. (2022). On the economic development of the ethnic minorities in the Heilongjiang during the period of the Republic of China (1911-1949). *Modern Scientific Thought*, (4), 68–74. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-4-68-74>.

6. WANG, E. (2023). New demographic three-child policy in China. *DEMIS. Demographic Research*, 3(3), 26–42. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2>.

7. ZHAN, I. (2023). Family and social problems as a result of increasing women's economic independence in China. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (3), 34–37. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.3.4>.

8. FENG, SH. (2023). Features and trends of china's employment policy. *Social and Humanitarian Knowledge*, (5), 146–149. <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2023-5-146-149>.

9. HAORAN, C. (2022). Fighting poverty in China: Social and economic experience of reforms in rural areas. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (10), 71–76. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.10>.

10. BABAEV, K. V. (2023). Demographic situation in China and its potential influence on the Chinese economy. *Population*, 26(3), 55–65. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5>.

11. PESTOV, S. K., & VOLYNCHUK, A. B. (2020). Problems of socio-economic development of the peripheral territories of Russia and China: Opportunities and limitations of cross-border integration. *Basic Research*, (10), 71–77. <https://doi.org/10.17513/fr.42858>.

12. LI, W. (2023). Comparative analysis of health-care systems in China and Russia against the background of social transformation. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (6), 40–45. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.6.5>.

13. KHUGAEV, T. R., & FARTYSHEV, A. N. (2023). Socio-economic differentiation of the regions of the People's Republic of China and the Russian Federation: A comparative analysis. *Russian and Chinese Studies*, 7(2), 200–213. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(2\).200-213](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(2).200-213).

14. XU, CH. (2023). Innovation potential of private enterprises in Northeast China region. *Russian and Chinese Studies*, 7(1), 92–99. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(1\).92-99](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(1).92-99).

10.17150/2587-7445.2023.7(1).92-99.

15. SUN, Ts. (2019). Modern agriculture of the Heilongjiang province (China) as a national model of development. *Power and Governance in the East of Russia*, (2), 36–41. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-36-41>.

16. DIAO, S. (2022). Economic cooperation between the Northeast Region of China and the Far East of Russia in new conditions: Status, opportunities and offer. *Theoretical Economy*, (1), 70–78. https://doi.org/10.52957/22213260_2022_1_70.

17. DEMYANENKO, A. N., & KLITSENKO, M. V. (2023). Experience of interdisciplinary research of the trans-border region: The Far East of Russia - Northeast China. *Ojkumena. Regional Researches*, (1), 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>.

18. OUYANG, M., ZHUO, I., & XIONG, I. (2022). How to improve the attractiveness of Chinese Universities to international students during the “14th five-year plan” period (take Shanghai University of Political Science and Law as an example). *Socio-Political Sciences*, 12(2), 88–95. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95>.

19. WANG, D., ZHANG, L., ZHANG, Z., & ZHAO, S. X. (2011). Urban Infrastructure Financing in Reform-era China. *Urban Studies*, 48(14), 2975–2998. <https://doi.org/10.1177/0042098010392079>.

20. FAN, C. C. (1997). Uneven development and beyond: Regional development theory in post-Mao China. *International Journal of Urban and Regional Research*, 21(4), 620–639. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00105>.

21. MAKEEVA, S. B. (2023). “The great Northern Wasteland” (Beidahuang) in 1949-1966: Pages of the regional and demographic history of the Chinese Province of Heilongjiang. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 10(2), 7–15. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(2\).7-15](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(2).7-15).

22. MAKEEVA, S. B. (2020). China: Strategy of regions' sustainable development (1980-2000s). *Asia and Africa Today*, (4), 19–25. <https://doi.org/10.31857/S032150750009101-3>.

23. WU, F. (2021). The long shadow of the state: Financializing the Chinese city. *Urban Geography*, 44(1), 37–58. <https://doi.org/10.1080/02723638.2021.1959779>.

24. FENG, Y., WU, F., & ZHANG, F. (2021). Changing roles of the state in the financialization of urban development throughchengtoun in China. *Regional Studies*, 56(8), 1259–1270. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1900558>.

Информация для авторов

Статьи направляются на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- введение;
- материалы и методы;
- результаты;
- обсуждение.

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале. Допускается не более 10 % самоцитирования.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Должны иметь последовательную нумерацию и не превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке).

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus).

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников) и может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация.

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять 2–2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах:

- ФИО (полностью);
- AuthorID РИНЦ; ORCID, ScopusID, ResearcherID;
- место работы (учебы) и его почтовый адрес;
- ученая степень, ученое звание;
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и коды ВАК (1-2 кода).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: А. В. Ким
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 28.06.2024. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,97. Уч.-изд. л. 10,12. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____

